

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПО СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

3. 2012

МАЙ–ИЮНЬ

Руководителем ГУ ВТК «Кабардино-Балкария» назначена Оксана Мусаевна Кумыщ – член Союза журналистов России, член Международной ассоциации журналистов.

О. М. Кумыщ награждена высшей наградой Общественной академии творчества «За вклад в формирование положительного имиджа Северного Кавказа», она – лауреат премий всероссийского конкурса журналистов «Золотое перо», «Лучшая публикация в СМИ» (Кабардинская княжна на престоле Руси); учится в аспирантуре института телевидения и радио, специальность «журналистика», тема научного исследования «Роль СМИ в формировании и развитии гражданского общества».

В 1999 году Оксана окончила Кабардино-Балкарский государственный университет по специальности «Филолог. Преподаватель филологии». Затем в разное время проходила специальную подготовку, совершенствуя навыки журналиста и руководителя: 2000 – Курс Би-Би-Си «Как делать телевидение», Семинар-тренинг Интерньюс «Телевизионный репортаж»; 2001 – Москва, Институт бизнеса и кадровых технологий, специализированный курс для руководителей; 2004 – Москва, Институт бизнеса и кадровых технологий, семинар-тренинг «Мотивация персонала»; 2005 – Москва, Институт телевидения и радио, повышение квалификации «Главный редактор и генеральный директор издательства»; 2006 – Индия, Oneness University, международная школа философских учений; 2004–2007 – Москва, Институт телевидения и радио, специалист печатных СМИ; 2007 – Москва, Авторский тренинг Андрея Моисеева «Бизнес-Ритрит»; 2009 – Индия, Oneness University, сертификационный тренерский курс; 2010 – Москва, Высшая школа психологии при Институте психологии РАН, курсы подготовки бизнес-тренеров.

С 1999 по 2004 г. Оксана Кумыщ работала редактором, ведущей информационной программы «Вести», филиал ФГУП «ВГТРК» Гостелерадиокомпания «Кабардино-Балкария», г. Нальчик; 2000-2002 – журналист, редактор газеты правительства и парламента КБР «Адыгэ псалъэ»; 2004–2007 – заместитель главного редактора издательства «Финансы. Экономика. Безопасность», г. Москва; 2007–2008 – помощник советника президента РФ (администрация президента РФ); 2007–2009 – руководитель пресс-службы, помощник президента Ассоциации работников правоохранительных органов и спецслужб РФ, г. Москва; с 2009 года – директор по развитию ООО «Капитал страны», г. Москва.

Борис ЗУМАКУЛОВ

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

(Отрывки из книги)

О том, как я попал в Афганистан...

Ранним февральским утром 1985 года мне позвонил первый секретарь обкома Т. К. Мальбахов, пригласил зайти. В кабинете я увидел мрачного, удрученного Тимбору Кубатиевича, который, обхватив лицо руками, долго всматривался в меня. Почему-то пришла мысль о смерти Черненко (о безнадежной болезни последнего я знал от своего хорошего знакомого, в прошлом комсомольского работника, а потом – помощника генерального секретаря). Ну, думаю, придется писать очередное траурное послание в ЦК КПСС от имени трудящихся и всего народа республики. Так было заведено: и приветствия вновь назначенным, и некрологи, и соболезнования приходилось готовить мне.

Но Мальбахов прервал мои рассуждения.

– Послушай, Борис Мустафаевич («А ведь он не обращался ко мне по имени-отчеству!») – пронеслось в голове), надо тебе собираться в Афганистан... советником... на полтора-два года. Понимаю: дети малые, да еще и девочки, – оставить их некому. Но, – тут же добавил он, – я уже звонил Лигачеву с просьбой не направлять тебя. Однако на сей раз поддержки не нашел: он только посоветовал обратиться к Пономареву, который курирует международные вопросы в партии.

Зная Мальбахова и чувствуя, как не хотелось ему обращаться по такому вопросу в ЦК, я однозначно ответил: раз надо – еду, и хлопоты здесь излишни. На это Тимбора Кубатиевич произнес с облегчением, что другого ответа он от меня и не ожидал.

Покинув «шефа», я долго размышлял, как же преподнести «сюрприз» семье, прежде всего матери и жене. Для любой матери все дети одинаковы, но я у своей всегда был на каком-то особом положении среди семи сыновей и дочерей Танзили. Не потому, конечно, что был при какой-то должности, а потому, что с моим рождением и детством были связаны самые жестокие, грустные дни и периоды ее жизни. Я еще не появился на свет, как арестовали ее мужа, в прошлом партийного работника, обвинив в контрреволюционной деятельности и приклеив ярлык «врага народа». Рождение мое добавило новых хлопот, ибо с грудным ребенком на руках ей приходилось добираться из Нижнего Баксана в Нальчик на

попутных машинах, подводах, а то и пешком, чтобы получить весточку о муже и отдать передачу, если повезет... Так продолжалось три долгих года, пока отца не увезли в ТашЛАГ. Впервые же я увидел своего отца в 1946 году в селе Новая Покровка Кантского района Киргизии, где наша семья была на спецпоселении. К тому времени заключенный Мустафа Башчиевич Зумакулов был активирован как безнадежно больной, сломленный пытками и невыносимыми условиями тюрьмы человек. А моя бедная мама выносила, выходила меня, пройдя через боль унижений с клеймом жены «врага народа», исключенная из партии в своем селе, под улюлюканье одних и недобрые усмешки других

односельчан, которые в другое время заискивали, подобострастничали всячески, а тут вдруг изменились, став грубыми и жестокими. Подвергались унижению и другие члены семьи.

Больного и почти безнадежного, возвращала она меня к жизни в продуваемом всеми степными ветрами товарняке, когда нас выселяли в холодном марте 1944-го. Может, пройдя через позор и унижения, в несчастье и трудностях сохранив меня, она имела право относиться ко мне по-особому всю оставшуюся жизнь и, не скрою, втайне гордилась мною, о чем поведала сестра-поэтесса в стихотворении «Моему брату»:

*Считали мы, что ты
рожден для слез.
Шептали мы: «Он горе
нам принес,
Умножив беды, что
влачила мать...»
Да мог ли кто из нас
предугадать,
Что времени и недругам
назло
Ты радость нам подарил
и тепло.*

Может, поэтому моя мама больше всего на свете переживала за меня. Чтобы сберечь мою жизнь, она заказывала дуа (талисманы), зашивала их в одежду, стараясь делать это незаметно, так как знала мое отношение к

суевериям. Когда я появлялся у нее дома, она всегда держалась бодро и приводила в пример отца, который никогда не поддавался страху, держался мужественно, как подобает горцу.

Сегодня кое-кому кажется бесспорным (особенно после обработки обыденного сознания «демократической» прессой), что всем нам – парторботникам областного звена – жилось легко и весело. К сожалению, были и такие. Спорить не буду. Но на момент моего отъезда в Афганистан в семье не было никаких сбережений и даже пришлось занимать деньги, чтобы собрать меня в дорогу и снабдить необходимым на первое время (к слову сказать, доход семьи из пяти человек составлял 360 рублей моей зарплаты и 120 – жены). Кое-кто не прочь порассуждать и о том, как некоторые просились в Афганистан, чтобы заработать и обзавестись вещами. Но о том, что советникам в ДРА будут еще и платить, я узнал перед самым отъездом, когда в МИДе получил аттестат о материальном содержании советника-посланника советского посольства в Афганистане. Постановление подписал второй человек в партии и государстве М. С. Горбачев.

Официально о моей командировке в Афганистан нигде не сообщалось. Был Зумакулов – секретарь обкома партии, фигура по тем временам заметная (по должности, по крайней мере), и вдруг его не стало. Что случилось? Куда подевался? Хотя накануне моего отъезда в республике проходил партийно-хозяйственный актив, где я сидел в президиуме, готовил, а затем и зачитал его резолюцию, не допуская и мысли, что о моей длительной командировке не будет объявлено официально. Но промолчали все: и те, кто очень сочувствовал и даже переживал, и те, кто отправлял меня в охваченную войной страну. Помню, когда пришло подписанное М. С. Горбачевым постановление ЦК КПСС о моей командировке, один из секретарей обкома в сердцах заметил: как он мог такое подписать, ведь отлично тебя знает! «Да, – ответил я, – но, достигая определенных высот в политике, люди быстро обрывают и забывают давние связи, оставляя только те, которые нужны им в данный момент...»

Не скрою, мне неоднократно доводилось встречаться с Михаилом Сергеевичем как в официальной, так и в неофициальной обстановке. Он был приветлив, обходителен, неизменно показывая свое расположение ко мне как представителю соседней дружественной Ставропольскому краю республики. Я понимал, что постановление о назначении группы советников в Афганистан готовилось, согласовывалось и визировалось отделами, и в последней инстанции, как правило, не корректировалось. Однако и у меня, пожалуй, и у некоторых коллег возникал вопрос: почему же Михаил Сергеевич не обратил внимания на знакомую фамилию?

А после моего «тихого» отъезда, как мне неоднократно писали, в республике муссировались слухи о причинах столь долгого отсутствия. В них было все: от непослушания старшим до личных обид и амбиций, вплоть до выезда из республики. На деле все было гораздо прозаичнее: была разнарядка ЦК КПСС о командировании секретаря обкома в Афганистан. Судьба выбрала меня...

Афганские женщины

...Первое, что бросалось в глаза по прибытии в Кабул, – это различного рода паранджи, чадры – от простых, из дешевого материала, до богато расшитых и изысканных. Между тем в Кабуле и в других городах в процессе революционных преобразований женщины начали их снимать. Что касается вообще афганских женщин, и особенно молодых, то они восхитительно красивы, это воплощение изящества и очаровательной женственности. Если мы славим наших горянок, особенно черкешенок, то им под стать именно афганки. Попадают такие красивые, как будто в их глазах растворилась темная восточная ночь. Черные брови вразлет, классический нос, правильные черты смуглого лица, стройность стана и гибкая походка лани приводят в настоящий трепет. Наверное, афганки вдохновили великих поэтов Востока на создание лучших в мире творений, и потому в восточной поэзии так много женских образов и ярких сравнений. Но факт остается фактом – этих красивых женщин веками держали за высоким дувалом, многие из них рождались, рожали, растили детей и молча умирали, ни разу не выйдя из-за стен высокого крепостного вала. Как и во всем, в этом крае наблюдается большой контраст и в отношении к женщине.

Здесь, в сердце Востока, вокруг имени женщины-матери высочайший культ уважения и почтения. Недаром в Афганистане очень популярна поговорка: «Рука, которая качает колыбель, движет миром». Между прочим, как и у кабардинцев и балкарцев, у афганцев не принято повышать голос на женщину, считается величайшим позором поднять на нее руку. Если кровник успевал добраться до жилища матери и дотронуться до ее подола, то с этого времени прекращалась кровная месть. Рассказывают: «Банда грабителей напала на деревню. Мужчины и женщины, все, как один, бросились защищать свой очаг и пристанище. Только одна старушка не могла принять участие в этой борьбе. Стоя на пороге своего дома, она с беспокойством следила за битвой, где были и два ее любимых сына. После продолжительной упорной борьбы бандиты были разгромлены. Двое из них, видя, что путь к отступлению закрыт, укрылись в доме старушки. Их по пятам преследовали деревенские жители. Приблизившись к дому, односельчане с удивлением увидели старушку с поднятыми вверх руками, которая стремилась не допустить преследователей в свой дом. Один из жителей деревни спросил: «Мать, что ты делаешь? Пусти нас, разве ты не знаешь, что эти два бандита ответственны за жизни твоих сыновей?» Старая женщина ответила: «Может, и так, как ты говоришь, но они вошли в мой дом, и, по обычаю, я не могу позволить кому-нибудь тронуть их пальцем».

Для афганца защита чести женщины равнозначна защите чести нации, племени, религии, и неспособность отмщения за женщину равносильна потере для мужчины чести, а «именно честь лежит в самой основе сознания каждым афганцем собственного “я”»*.

* Афганистан. Уроки истории. В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 44, 45.

Противники революции

Сегодня находится немало людей, рассуждающих об афганской войне, особенно тех, кто вообще не был в Афганистане. Представляю, с какой обидой воспринимают наши воины, которые не погибли, обезвреживая мины, или прошедшие через ужасные пытки, но чудом оставшиеся живыми, когда всех без исключения моджахедов показывают такими патриотами, миротворцами, защитниками свободы Афганистана.

В связи с этим приведу лишь несколько фактов, связанных с событиями тех лет на афганской земле.

Чтобы парализовать жизнь, моджахеды минировали все, что могли заминировать, – дороги, хлебные поля, автобусы и кинотеатры. Мы видели образцы обезвреженных нашими саперами мин: пластиковые итальянские, металлические английские, шведские бескорпусные мощные фугасы и противопехотные «попрыгунчики», а также мины, сработанные под игрушки, – «подарки» афганским детям из Пакистана, США и других государств.

А какие террористические акты они проводили в густонаселенных районах городов, рассчитанные на нагнетание страха, психоза, неуверенности, чтобы помешать возвращению в города беженцев из Пакистана и Ирана. Мы сами были свидетелями таких актов. В Кабуле мы жили в жилом микрорайоне «45», который был возведен рабочими домостроительного комбината, подаренного в свое время Советским Союзом. В этом микрорайоне находились многочисленные частные лавочки торговцев, а также промышленный и продовольственный супермаркеты. Здесь все можно было купить – от булавки и иголки до современной аудио- и видеотехники. Так вот, в один жаркий, изнуряющий июльский день мы, три советника – Г. Г. Кривошеев, В. М. Половец и я, зашли в дукан (торговую лавку), выпили прохладительного сока, примерились к покупкам и пошли дальше. Домой вернулись через полтора-два часа. Не успели мы зайти в квартиру, как наш и окрестные дома вздрогнули от оглушительного взрыва. Посыпались стекла, полопались дверные косяки и оконные рамы. Оказалось, к ступенькам дукана, в котором мы были, подростки из террористической группы поставили велосипед, начиненный взрывным устройством под багажником. Взрыв был такой силы, что железобетонные стены дукана были вывернуты, как капустные листья. На месте погибли 7 человек: 3 советских гражданина, 4 афганца, причем среди них – женщина на сносях.

Вот только краткий перечень терактов, произведенных лишь в октябре 1985 года: в провинции Баглан 1 октября бандиты произвели минометный обстрел текстильной фабрики в Пули-Хумри. Погиб 1 рабочий, поврежден цех и 15 станков. В провинции Джуджан 8 октября группа бандитов напала на кишлак Мардиан, убиты 4 мирных жителя, 15 захвачены в плен. В провинции Нангархар 17 октября 9 ракетами американского производства обстрелян город Джелалабад, ранены 5 человек, повреждено 3 дома. В провинции Герат 26 октября обстрелян ракетами «Земля-Земля» центр

города Герата, одна из ракет попала в мечеть Джами-Герат, погибли 13 человек, ранен 71 мирный житель.

А 4 сентября 1986 года ракетой «Стингер» был сбит пассажирский самолет АН-26, принадлежащий управлению гражданской авиации ДРА, выполнявший регулярный рейс по маршруту Кабул – Кандагар – Фарах. На его борту было 52 пассажира и члены экипажа. Все, кто был в самолете, погибли.

В высокогорном районе Пандшера после освобождения его от противников революции была обнаружена тюрьма. Эта тюрьма – огромный, разбитый на три отсека погреб. Всюду следы запекшейся крови. На полу были обнаружены многочисленные орудия пыток: проволочные плетки со свинцовыми наконечниками, заостренные шомпола, цепи, кандалы, колоды, крючья, щипцы. Как показали трое пленных душманов, «в этих тюремных бункерах томилось 127 узников; при отступлении по приказу главаря банды их трупы были брошены в горную реку Микини. Но перед этим заключенным вырезали на спинах ремни, выкалывали глаза, отрезали носы; затем пленников выгоняли на крутой берег Микини. Тех, кто мог еще стоять на ногах, расстреливали, остальных просто сталкивали с обрыва».

На три километра вниз по течению разбросала река обезображенные трупы. «Когда после освобождения, – писал в газете «Красная звезда» подполковник Скрижалин, – люди пытались опознать жертвы, они ничего не смогли сделать, до того были изуродованы лица и тела несчастных». По свидетельству Бабрака Кармаля, с 1980-го по 1986 год «контрреволюционеры разрушили и сожгли 39 государственных предприятий, 250 мечетей и молитвенных домов, 2707 школ, 130 медицинских учреждений. Причинен материальный ущерб на 36 миллиардов афгани».

Встречи с земляками

Как только прибыл в Кабул, стал наводить справки о своих земляках, проходящих службу в Афганистане или работающих в этой стране. Как уже известно, будучи в Союзе, трудно было получить сведения о наших ребятах.

Руслан Бжамбеев, например, служил в Кандагаре. Это одна из горных и беспокойных точек «Афгана». Руслан служил в десантных войсках, а когда отца спрашивали здесь, в Нальчике, знал ли он, что сын служил в Афганистане, он отвечал: «Нет. Он окончил автошколу ДОСААФ в Нальчике по направлению Тырныаузского военкомата, потом получил армейскую подготовку в Дагестане и все два года писал, что водит в армии автомобиль, возит продукты и что все у него хорошо». А вот отец Таукенова, зная, что сын служит в Афганистане, все два года жене и своим близким говорил, что тот находится в Монголии.

Об этом я пишу потому, что по приезде в Кабул я не знал конкретных адресов и не имел поручений, тем более и сам уезжал под покровом великой тайны. Когда я об этом вспоминаю, мне становится просто стыдно за

неуклюжую попытку наших официальных властей скрыть от общественности наше участие в этой войне.

И вот, по приезде в Кабул, я стал наводить справки через штаб 40-й армии о наших земляках, проходивших службу в Афганистане. Совершенно случайно я встретил в штабе майора Вячеслава Шукова, который руководил одним из подразделений материально-технического обеспечения штаба армии. Узнав, откуда я, он стал подробно интересоваться делами республики, вспомнили общих знакомых, оставшихся там, далеко за Гиндукушем. Вечером был званый ужин, и, к моему удивлению, за столом военного блиндажа оказалось еще несколько человек из республики. Здесь же я познакомился с майором медицинской службы, начальником военного госпиталя хирургом Вячеславом Кумеховым, работником медчасти штаба армии нальчанкой Риммой Алшагировой и другими. С первых дней завязалась искренняя, добрая дружба. Однажды поздней ночью раздался звонок в дверь. Думаю, кто же мог потревожить в такой час, и вообще, кого могли пропустить, ведь после 22 часов в Кабуле комендантский час, да и подъезд охраняют строгие автоматчики-афганцы? Открываю – на пороге стоят два вооруженных до зубов парня, правда, не в военной форме. Всматриваюсь в лица. В одном узнаю Бориса Гукепшева, преподавателя Нальчикского политехнического техникума, его напарником оказался Вадим Кибишев. Конечно же, крепкие объятия, расспросы, разговоры о житье-бытье, о службе, делах афганских. Оказалось, они приехали в Кабул из Хайратона для сопровождения грузов. Кстати, опасная миссия.

Запомнилась и встреча с Иваном Величко, подполковником, начальником артвооружения мотострелковой дивизии, который за проявленное мужество награжден орденом Красной Звезды. Мы с ним встретились в боевой обстановке. Были удивлены и несказанно рады этой встрече. Оказывается, он учился во второй школе, я – в четвертой города Нальчика. У нас был общий друг Идрис Таукенов, но до этого мы лично не были знакомы.

Я привожу эти примеры, чтобы сказать: это здесь, в республике, мы стали делить друг друга на кабардинца, русского, балкарца. В любом другом месте Союза, тем более в Афганистане, мы встречались, как братья.

Вспоминается встреча в Афганистане с Михаилом Залихановым. Прилетел он в Кабул неожиданно. Позвонил почему-то от командующего 40-й армией из Королевского Дворца. Договорились о встрече у советского посольства. Поздняя ночь, едем на «уазике» с моим другом и коллегой Абраром Ярлыкаповым. (Кстати, с ним мы работали одно время в Москве, в ЦК ВЛКСМ. Там подружился, и вот подарок судьбы – он приехал на должность советника по аграрным вопросам, и через 12 лет – кабинеты наши по соседству, но уже в Афганистане. Поистине пути Господни неисповедимы.)

Не могу также не вспомнить встречи в Афгане с нашим земляком Борисом Патовым. Он руководил группой строителей элеваторов в Багланской провинции. Штаб его находился в Пули-Хумри. Этот тихий, скромный человек здесь пользовался большим авторитетом и влиянием – за профессиональное мастерство, умение организовать дружную и

плодотворную работу наших и афганских строителей и специалистов. К нему обращались не иначе как «саиб Борис», принимали как высокогостя в афганских семьях и в руководящих структурах в провинции.

...Кабул, июньская ночь. Звонок из Нальчика: «Умер Кайсын».

Умер Кайсын! Мой близкий и родной человек, мудрый, великий и простой Кайсын. Теперь его нет. Как это может пережить народ, который талантом Кайсына гордился, был озарен его светом? Скажу откровенно: то, что Кулиев поражен неизлечимым недугом, я знал, но все-таки надежда оставалась...

Из дневника: «По дороге в аэропорт «Минеральные Воды» перед отлетом в Кабул заехал в Чегем проведать Кайсына и попрощаться. Знал я, знал и сам поэт, что дни его сочтены. Болезнь испытывала его на прочность, испытывала его терпение и волю. Злая, коварная, костлявая рука смерти жестко вцепилась в нашего Кайсына. Войдя в комнату, я застал ближайших родственников поэта. Они уже многие дни находились рядом. Увидев меня, Кайсын как-то приободрился, привычная улыбка осветила его лицо, обнадеживающе блеснули глаза. Начал разговор сам тамата. «Ну что, племянник, и тебе пришлось ехать на войну, как когда-то мне. Держись, Борис, – сказал он, – все будет хорошо, ты обязательно вернешься, и мы еще вместе побродим по моему Чегему».

Как он хотел меня ободрить, поддержать, каким усилием воли пытался подавить свою боль!

Видя это и чувствуя, что не выдержу первым, ибо к горлу подкатывает ком, сдерживая готовые обильно пролиться слезы, сославшись на то, что время вылета торопит, я крепко обнял Кайсына и вышел из дома. По дороге в Минводы мне вспомнилось стихотворение Кулиева, называвшееся «Будь со мною, мужество»:

*Рождался ли храбрец на этой тверди,
Чтоб смерти не боялся бы вовек,
Смерть всех страшит с тех пор, как человек
Познал, что он не наделен бессмертьем.
Страх смерти свят, поскольку человечен,
И нас, людей, судить за это – грех.
Страх смерти всем живым сгибает плечи,
Но пригибает до земли не всех.
На свете не бывало испокон
Людей, которым жить бы не хотелось.
И хоть иным из нас присуща смелость,
Но смелость – это страх, что одолен.
Всем смертным страх присущ, но в том и суть,
Что храбрость – это только одоление.
Пусть хватит сил мне встать на этот путь.
Всегда со мною, мужество, пребудь
И непременный спутник твой – терпенье!*

Кайсын Шуваевич много лет назад написал эти строки, и вот ему самому пришлось пройти через все муки смерти. И, пройдя, он остался

верен своим принципам. Он терпел, стиснув зубы, боясь причинить боль и страдания близким.

Послесловие

Когда была уже готова эта рукопись, в Афганистане произошли известные события. Пало правительство Наджибуллы, к власти пришли те, кто многие годы назывались у нас «душманами», «моджахедами», «непримиримыми», «противниками народной власти». Но я не стал корректировать, подстраиваться под новые события, хотя безмерно рад, что война кончилась. По крайней мере, пусть хрупкий, но долгожданный мир пришел на многострадальную афганскую землю. Правда, пока неизвестно, что с собой он принесет. То ли Афганистан, пробужденный революцией, вздыбленный мучительными и сокрушительными потрясениями, залечив раны войны, пойдет по пути прогресса и демократического развития, или он вновь уйдет в глубокую средневековую спячку под влиянием исламского фундаментализма.

...Среди тех, кого унесла война в Афганистане, – 55 уроженцев Кабардино-Балкарии. Они проявили мужество, самоотверженность и отдали самое дорогое – жизнь. Память о них, как и о тех, кто отдал жизнь за наше Отечество, будет жить в сердцах людей.

Мы обязаны воздавать должное памяти всех, кто пал на земле Афганистана, памяти наших земляков, погибших «там, за Гиндукушем», на скалах афганских.

О Вячеславе Ахмедовиче Мальбахове, командире отдельного разведывательного горного батальона, в Афганистане ходила добрая молва как о бесстрашном горце, хорошем командире. Вячеслав, что называется, находился в горниле афганской войны, был много раз ранен, на его глазах погибали боевые друзья. Как признается сам Мальбахов, он «...пробыл в Афгане 2 года, 2 месяца и 9 дней, получил три ранения, две тяжелейшие контузии. И орден Красной Звезды. А в день перед отъездом сжег все письма, что писали мне из дома. Я хотел все забыть. Забыть лица моих мальчишек, которым закрывали глаза. Но я помню все до сих пор».

Сегодня в Кабардино-Балкарии, как среди афганских ветеранов, так и во всем обществе, заслуженным авторитетом пользуется Алим Анзорович Махотлов, бывший командир легендарной 9-й роты 345-го отдельного воздушно-десантного полка, прославившейся в боевых операциях в Афганистане. Алим награжден орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, «За мужество», медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «Воин-интернационалист».

Вернувшись с полей сражений, он поступил на службу в органы внутренних дел Кабардино-Балкарской Республики и многие годы на-

ходится на переднем крае борьбы с преступностью, и здесь авторитет полковника Махотлова непререкаем.

**ПАМЯТЬ О ПАВШИХ ГЕРОЯХ
СВЯЩЕННА!**

«Афганцы» – наша совесть и честь,
наше достояние.

В. И. Варенников, генерал армии

**ИЗ ДОКЛАДА
БЫВШЕГО МИНИСТРА
ОБОРОНЫ СССР
Д. Т. ЯЗОВА**

В период с 25 декабря 1979 года
по 15 февраля 1989 года
на территории Афганистана:
– всего в боевых действиях
принимало участие
525 190 советских военнослужащих;
– потери советских войск составили
13 833 военнослужащих;
– ранены 23 258 человек;
– в плен попали 107 солдат и офицеров;
– пропали без вести 310 человек.

«АИФ» № 21, 2006 год

**СПИСОК ГРАЖДАН
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,
ПОГИБШИХ В АФГАНИСТАНЕ
ПРИ ИСПОЛНЕНИИ
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ДОЛГА**

Апанасов Алим Хазраилович
Ашинов Замир Саудинович
Бекулов Аслан Нажмудинович
Бесланев Хасан Хабасович
Бекалдиев Аслан Ауэсович
Бибик Виктор Николаевич
Брянцев Николай Александрович
Бозиев Азат Хасанбиевич
Бозиев Рамазан Борисович
Будаев Олег Майрамович

Варитлов Алексей Амирханович
Гадиев Руслан Рамазанович
Газов Артур Фицевич
Гетежаев Алик Хасанбиевич
Гятов Аслан Тауканович
Деменко Виктор Михайлович
Дуков Ахметхан Амерханович
Есипко Сергей Александрович
Жазыкоев Исхак Магомедович
Иригов Виктор Зуберович
Калмыков Юрий Михайлович
Калажоков Руслан Мусаевич
Карданов Слава Хаширович
Картлыков Магомед Нагоевич
Карамурзов Борис Муштафарович
Кашев Артур Мурадинович
Карданов Ратмир Владимирович
Клименко Петр Алексеевич
Кищенко Олег Михайлович
Козодеров Николай Федорович
Козлов Сергей Владимирович
Кулак Владимир Григорьевич
Костенко Игорь Валерьевич
Косяченко Андрей Николаевич
Лихов Мухаб Анатольевич
Мазлоев Валерий Владимирович
Маиров Хасан Шутович
Нагацуев Хасанби Мухажирович
Накацев Юрий Музракович
Ныров Аслан Сафарбиевич
Ныров Адам Борисович
Ойтов Хамидби Хусинович
Теплых Иван Сергеевич
Турбин Александр Николаевич
Ульбашев Алим Шейхович
Хаджиев Юрий Андемирканович
Хамутенко Александр Михайлович
Хасауов Магомед Мухтарович
Хаштуков Борис Тагидович
Ходов Вячеслав Тимофеевич
Чехун Василий Федорович
Шамурзаев Арсен Тарханович
Шамшадов Байрам Мехтиевич
Шиков Анатолий Хамидбиевич
Шогенов Хасан Мухамедович

В Кабардино-Балкарии сегодня живет 1560 участников афганской войны, среди которых 180 инвалидов. За годы, прошедшие после вывода советских войск из Афганистана, умерло 319 человек.

Сафарби ХАХОВ

Незаконнорожденный

Главы из повести ¹

...Самые ужасные опасения НэхуцЫкIу оправдались – она беременна.

Однако это не стало поводом для самоубийства. Отец и братья тоже не стали ее убивать, не «зарезали, как курицу», не разорвали

на части. Пережила. Пережила и мать эту новость.

НэхуцЫкIу пошла на работу. Пошла, как и в прежние дни. Но сохранить внешнюю беспечность ей не удалось. Покупатели с недоумением смотрели на продавщицу и не знали, что подумать. Всегда веселая девушка сегодня выглядела так, словно испугалась привидения. Да она сама была похожа на привидение. У нее все валилось из рук. Почему-то заплакала навзрыд, когда вместо сахара взвесила кому-то муку. Потом еле успокоилась, когда увидела напуганные глаза покупателей и отказалась от предложения вызвать врача.

Ближе к обеденному перерыву магазин опустел. НэхуцЫкIу заперла дверь за последним посетителем и дала волю чувствам. Она плакала навзрыд на том самом диване, где совершила непростительную ошибку. Что ей теперь делать, как быть? Почему так устроена жизнь? Почему приходится расплачиваться кровавыми слезами за минуту блаженства? Почему за теплом, щедро подаренным солнцем, на землю обрушивается ливень? Почему за смехом следует плач? Таких «почему?» девушка могла задать великое множество. Да и как им не возникнуть, если за все радости ей приходится расплачиваться сторицей. Вот и в этот раз. Единственная прекрасная ночь в ее беспросветной жизни, и такая расплата. Загубила она свою судьбу! На этот раз бесповоротно загубила. Ничего нельзя вернуть. Оно, время, движется вперед, приближая минуту позора...

Пойдешь к врачу, обязательно спросит про мужа. Без этого ни один врач не обследует, потом поднимется скандал, и все всё узнают. Говорят, есть одна женщина, знахарка, что ли? Может, пойти к ней? Пойдет, пока не поздно. Иначе... иначе она не переживет этого позора. Нет, обязательно пойдет. Найти бы только ее. Господи, в какое тяжелое положение она попала. Неужели она создана только для страданий? Есть ли в этом мире кто-то несчастнее ее? Непременно пойдет к той женщине. Только она поможет избежать позора. Говорят, был случай, когда эта женщина кому-то неудачно сделала аборт, и несчастная родила калеку. На его спине остались следы от ударов большой палкой, голова была какая-то вытянутая, будто половины лица нет. Всем своим

¹ Окончание (начало см в № 6, 2010).

уродливым видом он вызывает страх и в то же время жалость у людей. Лучше умереть, чем увидеть своего ребенка таким изуродованным. А все потому, говорят, что эта знахарка бьет беременную по животу и до смерти забивает плод во чреве матери. Нет, она не решится на такое.

Тогда на что она решится? Ответа на этот вопрос НэхуцЫкІу пока не знает. Кто бы мог подумать, что ребенок – самое большое счастье, радость, свет в жизни каждой матери, станет для нее наказанием. Почему человек должен жить по правилам, придуманным задолго до его появления на свет? Почему человек должен отказываться от того, что делает его счастливым, только потому, что это не принято в обществе. Что это за чудовище – общественное мнение? Лучше бы она умерла сейчас, сию минуту. Ничего, кроме смерти, ей не нужно!

Как быстро подошло обеденное время. Кусок в горло не полезет. Лучше пойти домой. Хотя, кто ее там ждет? Никто. Тогда зачем туда идти? НэхуцЫкІу и сама не знает, что ей нужно. Она и дома не любит находиться долго. Уносит прочь свою несчастную голову. Куда? Все равно, куда. Уж лучше будет сидеть в магазине. Мать, увидев уходящую дочь, сказала: «Дома никого нет. Кто пойдет за козами, которые пасутся над самым обрывом?» НэхуцЫкІу ответила, что сама этим займется.

Завидев девушку, козы бросились бежать вниз. НэхуцЫкІу осталась одна на горе. Впереди устрашающе зияла пустота, маня своей неизвестностью. Что кроется за ней, там, в самом низу, – боль и страдания или успокоение от всех невзгод. Шагнуть бы туда, и все закончилось бы одним махом. Почему она не может решиться сделать единственный шаг, который стал бы ее спасением. Спасением ли? «Эй! Горы, леса, камни, солнце, что светит на небе. В каком браке вы родились?» – крикнула НэхуцЫкІу. Эхо отозвалось: «...Родились, родились, родились...» И слова эти упали на самое дно пропасти. Девушка, испугавшись своих слов, бросилась вслед за козами и вернулась в злополучный магазин.

Чуть позже ей показалось, что у самой двери магазина кто-то ходит. НэхуцЫкІу глянула в окно. Аслан! Опять он здесь околачивается! Сердце девушки застучало быстрее. Слезы брызнули из ее глаз, и НэхуцЫкІу заплакала навзрыд. Сердце ее разрывалось на части. А ведь она не хотела связывать свою судьбу с этим человеком. Захочет ли теперь он? На что она надеялась? На лучшее, на большое и светлое чувство. Где теперь оно, это чувство? Считала, что он не достоин ее. А теперь он и слышать не захочет о ней. Где же сейчас Мук? Наверное, на ферме. Где же еще ему быть. Встретиться бы, раз уж больше никто ее не любит на этом свете. Она обязательно встретится с ним и расскажет ему все. Нет, не для того, чтобы он пожалел ее или переживал. Вообще, зачем она вспомнила про него? Не стоит его расстраивать. Но и не сказать тоже не получится. Кому же еще, как не ему? Только он даст ей совет. Мук умный, добрый и человеческий. Он сможет найти выход.

Время, время, время... Время бежит без остановки, перемалывая все на своем пути. Сейчас оно бежит, неумолимо приближая смерть НэхуцЫкІу. Не успеешь оглянуться, а часы, дни, месяцы уже пролетят, и не заметишь. Совсем скоро станет заметна ее беременность. Тогда-то

узнают причину ее слез. Пересуды, догадки, предположения. Ох, и обрадуются же местные кумушки этой новости! Дети. Как бы она хотела иметь детей. Была б ее воля, она с радостью родила бы этого малыша. Растила бы его с любовью, лелеяла, да так, что ни одна муха не села бы на него. Но именно в этом она не вольна. Ничего не сделаешь, так устроен мир. Как замечательно было бы выносить малыша вдали от всех. Так, чтобы никто не догадался о ее беременности. Ведь он так же, как и ей, принадлежит Муку, но об этом никто не знает. Она бы тоже так хотела – НэхуцЫкЛу здесь, а ребенок родился где-то. Потом она непременно привезла бы и воспитала его. Для этого не обязательно было бы выходить замуж. Так и жила бы... И любила бы только Мука. Ведь тогда никто не имел бы права показывать на нее пальцем и не считал бы падшей... Возможно ли такое счастье? Все – фантазии, несбыточные мечты. Человек, повзрослев, в душе остается ребенком. Мир детства так прекрасен своей чистотой и беспечностью.

Опять за дверью послышались шаги. «Бедный Аслан. Наверное, это он все еще стоит у магазина», – подумала НэхуцЫкЛу. Это действительно был он. Обеденный перерыв закончился, и он ждал, пока магазин откроется. НэхуцЫкЛу не стала заставлять его ждать. Аслан зашел с сияющими от счастья глазами. Он был счастлив одним тем, что застал девушку в одиночестве. Но, увидев, что НэхуцЫкЛу не в духе, заволновался. Прежняя стеснительность появилась неведомо откуда и сковала его. Потом он спохватился и сказал:

– НэхуцЫкЛу... НэхуцЫкЛу, послушай... Ты мне нужна... Ты, наверное, заметила, я уже не мальчик, да и ты тоже... Словом, мы взрослые люди.

По телу НэхуцЫкЛу пробежал холодок. Знала ведь, рано или поздно Аслан начнет этот разговор. Она тоже заранее приготовила свой ответ. Но к чему теперь те заготовленные слова, нужны ли они теперь?

– Нет, Аслан, это все пустые затеи... Оставь... Мы не подходим друг другу. Ты неженатый парень, я же... – прервала она его.

– Мы достойны друг друга. И все зависит только от нас – тебя и меня. Никто не может решить этот вопрос за нас, поняла!

Аслан ушел, обещав вернуться к концу рабочего дня. Попросил позволить ему проводить ее. НэхуцЫкЛу ничего не ответила – ни «да», ни «нет». Как только он ушел, девушка собралась и выбежала на улицу. Но ее остановили: мужчина, направляя к магазину лошадь, запряженную в сани, спросил:

– Сигареты есть в продаже? Вернемся, если не сильно спешите?..

НэхуцЫкЛу вернулась в магазин за сигаретами.

– В какую сторону едете? – спросила она, запирая дверь на ключ.

– На ферму.

– Подбросите? Я как раз собиралась туда, к Любе. Если быстро не обернусь, покупателей заставлю ждать...

Люба – это повариха на ферме. Давно еще НэхуцЫкЛу обещала ей зайти по какому-то вопросу. Но сейчас это был лишь предлог, чтобы уви-

даться с Муком. Она его там точно встретит, если, конечно, не уехал по делам.

– Отвезти могу, но вернешься своим ходом, – согласился случайный покупатель.

Говорят, сердце к сердцу находит тропинку. Любящие души связаны невидимой нитью. Мук почувствовал, что с НэхуцЫкІу происходит что-то неладное. А когда увидел ее, понял, что она пришла именно к нему. Но спросить об этом при всех не решился

– НэхуцЫкІу, что привело тебя к нам? Я сам собирался зайти в магазин. Но если тебя там нет, то и идти туда не имеет смысла, – сказал он.

– А я сейчас вернусь, подожди немного. Мне тут встретиться надо кое с кем.

К счастью, Любы нигде не оказалось, наверное, в перерыв ушла домой. НэхуцЫкІу не стала ее дожидаться. Но как она поедет одна с Муком? Хотя, что тут такого? Им же по пути. Никто ничего не заподозрит. Приехала же одна с тем мужчиной.

Мука тоже волновал этот вопрос.

– Кому надо в село? – громко, чтобы все слышали, спросил он.

– Мне надо, если часок подождете, – отозвался один из дояров.

– Хорошо, подождем.

– Куда это ты собрался? – возмутился заведующий фермой. – Ты не успеешь вернуться к началу дойки. Я потом сам найду, кто тебя отвезет.

– Меня до поворота подбросьте, – сел в повозку пастух.

Влюбленные обрадовались попутчику. Так будет надежнее. Никто ничего не заподозрит – уехали-то они втроем.

Когда пастух сошел на перекрестке, НэхуцЫкІу, не в силах больше сдерживать слез, разрыдалась. Мук даже не взглянул в ее сторону, не спросил, что случилось. Знал, произошло что-то непоправимое.

– Подожди, – сказал он приглушенным голосом, не отрывая взгляда от дороги, – перестань плакать. Что случилось?

НэхуцЫкІу утирая слезы, рассказала все.

– погоди, не сокрушайся, может, ты ошиблась...

– Нет, Мук, так оно и есть. В этом нет никаких сомнений. Господи, какая же я несчастная! Я не боюсь смерти... Но честь... Родители, братья, сестры, соседи – все люди... Нет, нет, я должна умереть, иначе опозорю весь свой род.

Мук не на шутку встревожился. Не за себя. Его-то никто не заподозрит. Сама НэхуцЫкІу никогда не откроет эту тайну. Он беспокоился за ту, которой испортил жизнь, опозорил ее имя, практически убил. Как он будет жить с этим грузом вины? Как же быть? Как ему поступить в сложившейся ситуации?

– Может, найдешь какую-нибудь... как их зовут? Повивальную бабу, что ли? Есть же такие, которые помогают избавиться от этого... Надо что-то придумать.

НэхуцЫкІу и сама думала об этом. Но из уст Мука это звучало более значимо, и девушка еще раз подумала над этим предложением.

– Не знаю, – вымолвила она. – Я и сама думала... Но говорят, что

чаще всего от плода не удается избавиться. Под какой же несчастливой звездой родилась я!

– НэхуцЫкІу, выкинь эти дурные мысли из головы, они ни к чему. Мы что-нибудь придумаем.

– Что же ты можешь придумать?! – в сердцах выкрикнула девушка и снова заплакала навзрыд.

Каждый всхлип бил железным молотком по сердцу Мука. Оно готово было разбиться вдребезги. В эту минуту ему самому хотелось плакать. Плакать оттого, что ничем не мог помочь любимому человеку. Более того, он являлся источником всех ее бед. Почему счастье обходит стороной эту молодую женщину?! Его дети уже взрослые. Каждый из них нашел свое место в жизни. Никто в нем не нуждается. Тогда что же его останавливает, почему он не может подставить плечо этой бедной женщине? Люди. Что скажут люди? Как же нас волнует людское мнение. Что они могут сказать? «Бес в ребро»? Эх, пропади все пропадом. Вяпался по самые уши. В моем возрасте это непростительно.

Что же делать? Конечно, искать выход. Но как? Разве что НэхуцЫкІу спешно выйдет замуж. Но кто согласится жениться на ней?! Не сегодня, так завтра все всё поймут. И тогда... Глупо надеяться, что найдется человек, который согласится повесить это ярмо на шею. Нет таких дураков. Да, как в поговорке, глупец ищет глупца. А интересно, тот тракторист не передумал жениться на НэхуцЫкІу? Теперь даже на него нет надежды. Хотя...

– НэхуцЫкІу, как, говоришь, зовут сына Мулида? Аслан? Он больше не появлялся?

– Только сегодня стоял у порога магазина. Дождался перерыва и зашел ко мне. До сих пор молчал, а сегодня признался в своих чувствах. Но какая теперь разница?..

– Нет, почему же! Если позовет замуж, соглашайся без лишних раздумий.

– Мечтать не вредно...

– Чем черт не шутит. Так что он тебе сказал? Что ты ответила?

– Он собирался вечером проводить меня домой. А я ничего определенного не сказала.

– Так он придет в магазин?

– Не знаю. Наверное. Погоди-ка... Что это ты задумал?.. Но это же безнадежное дело!

– НэхуцЫкІу, послушай меня. Почему нет? Возможно, вы договоритесь.

– Это не тот случай.

– Не упускай этот шанс. Если получится, выходи за Аслана замуж.

– Я не могу. Он не так глуп.

– Это не глупость, если любит. А в том, что он влюблен, сомнений нет.

– Аслан не согласится. Нельзя создавать семью на лжи.

– Еще раз повторяю, НэхуцЫкІу, не упусти свой шанс.

- Пойми ты. Я не хочу строить отношения на обмане.
- А ты не обманывай. Скажи, как есть...

IV

Аслан пришел в тот самый момент, когда НэхуцЫкІу закрывала магазин. Он был настроен решительно. Сегодня он точно узнает, выйдет она за него замуж или нет.

– Аслан, – сказала НэхуцЫкІу по дороге домой, – ты говоришь, что все знаешь про меня. Тебе это только кажется. В моей жизни было много того, о чем ты даже не догадываешься.

– Нет, я все знаю. Но для меня это никакого значения не имеет. Подумаешь, не сложилось с первым мужем. Что ж тут такого? Не ты первая и не ты последняя ошибаешься. Такое может случиться со всяким. Далеко за примером не ходи: я тоже был женат, и у нас тоже не сложилась семейная жизнь. Ты же этого не знала, поэтому и считаешь, что не достойна меня. Выбрось подобные мысли из головы.

Помня наставления Мука, в какой-то момент НэхуцЫкІу хотела открыться Аслану. Но не решалась. Как же было бы здорово, если бы все решилось само собой. Но как? Пожалуй, нет на свете мужчины, который согласился бы взять в жены «такую». Об этом и речи не может быть. А если она скроет свое интересное положение? Потом-то и так все раскроется. Он не простит ей такую подлость. Нет таких ненормальных. Хотя сейчас НэхуцЫкІу согласилась бы выйти замуж даже за дурака, лишь бы сохранить свою честь. Допустим, сегодня она сможет скрыть свой грех. Но завтра, когда тайное станет явным, ее со связанными руками выведут на улицу и все плевки в ее сторону будут заслуженными. Так ей и надо! Вот об этом-то она и должна сейчас подумать.

– НэхуцЫкІу, мне нужен ответ, – вывел ее из раздумий Аслан. – Жизнь многому успела нас научить. Мы оба уже не дети, а потому должны трезво смотреть на реальность. Скажи, сколько времени тебе понадобится на раздумья? День? А может, сейчас ответишь?

Такая спешка НэхуцЫкІу только на руку, если решится, конечно.

– Куда же ты так спешишь? – усмехнулась она.

– НэхуцЫкІу, я не шутки шучу.

– Я тоже не шучу, однако... Аслан, я же сразу сказала – я не достойна тебя.

– Зачем ты все начинаешь сначала? Поверь, я ни перед чем не остановлюсь. Понимаешь? Нет такой силы, что заставила бы меня отказаться от тебя. Лишь бы ты была согласна.

– Ни перед чем, говоришь, не остановишься? На самом деле?

– На самом деле.

– Тогда слушай. Ты верно заметил – мы уже не дети. А в моем случае все гораздо сложнее и серьезнее, чем ты думаешь. Намного сложнее. Ты полагаешь, неудачное замужество моя единственная ошибка? Нет. Мою вторую ошибку уже ничем не исправишь. Раз уж ты открыл передо мной свою душу, то и я не стану ничего скрывать. Совесть не позволит. Произо-

шло это так. В тот день у нас состоялось районное собрание работников торговли. Там я встретила одного парня, тоже работает в нашей отрасли. Он когда-то, еще до моего замужества, был влюблен в меня. Но мне он не нравился из-за своего ветреного характера. В общем, увидев меня, он подошел и заговорил о своей любви, которая так и не прошла. Он так же, как и ты, твердил, что все сделает ради меня, что он ни перед чем не остановится. Слова его звучали так красиво, что невозможно было не поверить. И я поверила. Поверила в его безграничную любовь, в его готовность на все, лишь бы мы были вместе. Тогда я подумала, раз уж так сложилась моя жизнь, то почему бы не выйти за него замуж. Жил он в городе один, снимал квартиру. Совещание затянулось допоздна. И так как мне не на чем было добираться домой, то я согласилась переночевать у него. Я ни минуты не сомневалась, что он послан мне судьбой. Я легковерная, Аслан. От этого и страдаю часто. Но почему-то ошибки меня ничему не учат. Ночь я провела у него... Вернувшись домой, я рассказала родителям о своем скором замужестве. Уговор был таков – он вечером того же дня приезжает и забирает меня. Он сам так решил, хоть я и просила повременить. Домашние засобирались встречать гостей. Но после обеда он сам пришел ко мне в магазин. Завидев его, я сразу поняла – что-то изменилось.

В общем-то, новость, которую я услышала, меня не особо взволновала, потому что никаких чувств не испытывала к этому человеку. Но кому же приятно быть обманутой? Да еще таким образом? ...В общем, пришел в магазин и стоит, переминается с ноги на ногу, бубнит что-то невразумительное.

– Можешь, – говорю, – внятно объяснить, зачем пришел?

Он протягивает мне телеграмму, а от самого веет таким холодом...

– НэхуцЫкгу, – говорит, – я скрыл от тебя, что женат. Но, поверь, еще вчера у меня были серьезные намерения. Моя семья находится в Сибири. Мы с женой хотели развестись из-за того, что она не хотела переезжать сюда. Мы уже четыре года живем в разных концах страны и даже не общались. Даже надеяться перестал... Но разве детей выкинешь из своего сердца. Теперь вот телеграмму прислала, мол, приезжаем, встречай. Пока я жив, мои дети не узнают, что такое безотцовщина. Ты не сможешь меня понять, у тебя же нет детей. Они – главное в моей жизни. Прости и не вини меня...

Другая на моем месте чувствовала бы себя несчастной. А я даже обрадовалась такому повороту событий. Мое сердце противилось этому браку, просто не знала, как отказаться от необдуманно принятого решения. Вот так я оступилась еще раз. Но я сейчас не оправдываюсь перед тобой. Мне нет оправдания. Это моя ошибка и я за нее буду расплачиваться до конца жизни. Теперь скажу о самом главном, чтобы ты не питал ненужных иллюзий. Аслан, ты должен знать, почему я тебя не достойна. Прошу лишь об одном – пусть тайна, которую я открою, останется между нами. В мире нет человека, который понял бы сейчас меня. Дело в том... Может, я ошибаюсь... Нет, я уверена... В общем, я беременна.

НэхуцЫкгу закончила свой рассказ и исподлобья посмотрела на

спутника. Молчит. Что ж теперь-то не говорит о своей любви, не клянется в вечной преданности, не уговаривает выйти за него замуж? Какого черта она выложила все сразу. Все перепуталось – и ложь, и истина. Кто ее тянул за язык? Чем огороды городить, лучше бы просто отказала. И как только она смогла придумать эту душещипательную историю? А этот и поверил в ее правдивость. Как говорится, не спрашивай, если не хочешь, чтобы соврали. Когда человеку есть, что скрывать, он обязательно соврет. А за одной ложью следует и другая. Так и становятся обманщиками.

Но и сказать настоящее имя отца ребенка НэхуцЫкІу не могла. Ложь во благо. Иначе, если у нее с Асланом все получится, ему будет мучительно неприятно видеть Мука. А так, согласно легенде, отец ребенка неизвестно где. А ребенок никогда не узнает о нем...

Размечталась! Все это пустые надежды на счастливую семейную жизнь. Аслан-то молчит. Вон, идет понурым, размышляет. Небось думает, зачем вообще затеял всю эту канитель. Так ей и надо, если завтра всем разболтает ее тайну. Так и надо, раз ума не хватило промолчать.

– НэхуцЫкІу, – наконец заговорил Аслан, все так же не поднимая головы. – Откровенность за откровенность. В моей истории тоже есть недосказанность. Впрочем, я и не собирался это скрывать от тебя. Сейчас я говорил о своей неудачной женитьбе, но не назвал причину развода. Ты не спрашивала, а я не сказал, повода не было. А проблема-то в том, и это самое главное, что... Поженились мы по любви. Как же иначе? За время нашей семейной жизни не было такого, чтобы я в ней разочаровался. Воспитанная, хозяйственная, словом, хорошая жена. Причина во мне. Развелись мы не по моей инициативе. Она так захотела. Мы прожили вместе три года и семь месяцев, но наш брак был бездетным. Анализы показали, что она физически способна стать матерью. Врачи не ошиблись. Потом я прошел обследование у двух специалистов. Результат один – у меня не может быть детей.

НэхуцЫкІу знала историю Аслана, но сделала вид, что впервые слышит об этом.

– Я не таю обиды на свою бывшую жену, – продолжал Аслан. – Разве можно упрекать женщину в том, что она хочет стать матерью. Человек без потомства – все равно, что дерево без плодов, будь то женщина или мужчина. Со временем грусть стала ее постоянным спутником. Жалкое зрелище. Почему она должна была стать несчастной из-за меня? Как-то вечером застал ее в слезах. Она украдкой вытерла их, но, заметив, что я все понял, зарыдала. Разве это жизнь?

Сейчас мы одни. Нас никто не слышит. Поэтому и делюсь своими размышлениями. Ты же тоже поделилась. Мне нечего стесняться. Так вот, все эти месяцы, что я хожу к тебе, из-за этого не решался заговорить с тобой. А сегодня рискнул. Хотел сказать – так, мол, и так, если ты согласна, давай поженимся? Даст Бог, и дети появятся. Такое тоже бывает. Ты настолько пленила мое сердце, что хотел рассказать все как на духу. А там будь что будет. На твое согласие не очень рассчитывал. Тем не менее, в моей душе теплилась надежда, и я все-таки подошел. Извини, глупости говорю. Вот ты сокрушаешься по поводу случившегося с тобой. Разве это

повод для переживаний? Если хочешь знать, ты – счастливая. Это такие люди, как я, несчастны. А ты радоваться должна, НэхуцЫкІу, радоваться. Ребенок – это жизнь, весь мир, несметные богатства. И пусть глупо было надеяться на тебя, но я думал, возьмем ребенка на воспитание. А все получилось даже лучше, чем я планировал. Сам Аллах подарил нам этого малыша. Он – наша с тобой жизнь, НэхуцЫкІу, наше с тобой счастье. Давай не станем перечить судьбе, чтобы потом не жалеть.

V

НэхуцЫкІу родила здорового курносого малыша. Не ребенок, а загляденье. Мать не могла нарадоваться на своего сыночка. Временами подолгу разглядывала его. А еще совсем недавно она видела в нем свою погибель. Теперь его появление на свет не стало позором для нее, семьи и всего рода. Он принес счастье в ее уставшую душу. НэхуцЫкІу удалось исправить ошибку, замести следы. Нашлись в ней и мудрость, и хитрость. Как говорила ей в детстве мать: «Кто сможет намочить постель, тот знает, как ее и высушить». Она поняла одну истину – Всевышний существует. Все, чему учили ее в школе, все идеи и взгляды оказались неверными. Теперь-то она точно знает – Аллах существует, иначе жизнь НэхуцЫкІу не изменилась бы так круто. Кто же еще, если не Аллах, подарил ей такое счастье? Впредь она будет верить в Его силу и могущество. Даже если не сможет делать намаз, не пропустит ни одну уразу. Станет поститься вместе с матерью. Теперь у нее вошло в привычку молиться перед сном. Боже, какая ужасная участь ее ожидала! От какой беды она спаслась! Милость Всевышнего безгранична. Иначе не простил бы ее грехи. И даже спас от совершения других, еще более тяжких грехов. Все исправил руками Аслана. Она и не мечтала о таком исходе. До последнего вздоха она будет любить, лелеять, поддерживать супруга, спасшего ее от позора. Больше ей ничего не нужно. Будет жить для мужа и сына. Каким же добрым Аллах создал этого мужчину! Он единственный такой на земле, и Всевышний подарил его, этого единственного, НэхуцЫкІу.

Аслан тоже радовался такому обороту событий. Теперь ему не грозила участь одинокого путника в пустыне жизни. Раз уж ему не суждено иметь своих детей, то это самый лучший выход из положения. Мог бы, конечно, взять на воспитание... Так или иначе они были бы не свои. Сколько семей он встречал, где усыновленный ребенок узнавал о своем происхождении. А в их с НэхуцЫкІу паре хотя бы мать родная. Но этой мысли Аслан не дал развиваться: «Нет, он наш сын – мой и НэхуцЫкІу. Никто и не догадается, что я не биологический отец ребенка. Об этом знают только я и НэхуцЫкІу. Эта тайна никогда не появится на свет. Другое дело, если бы отец ребенка жил в селе. Он и не подозревает о его существовании. Я воспитаю малыша, подниму его на ноги, выведу в люди».

Мальчика назвали Каральби. Хапитов Каральби. Мать смотрела на него и видела перед собой Мука. Он был его копия – глазки, лобик, и даже носик такой же вздернутый. Один в один Мук. Но НэхуцЫкІу надо его забыть. Это ее обязанность. Каральбий, сын Мука Каргоева, будет жить

как сын Аслана Хапитова. Все должно быть так, как хочет Аслан. Отныне его желание для нее закон. Аслан не должен знать о существовании третьего человека, посвященного в их тайну. И зачем только в тот день она побежала на ферму к Муку? Вообще не стоило ему рассказывать. Не было необходимости. Вот результат ее доверчивости и неуверенности в себе. Нет, это не доверчивость, а глупость. Слишком много глупостей она совершила в своей жизни. И эта одна из них. А что если бы даже Аслану она не открылась? Как бы она хотела нести этот груз тайны в одиночку, как бы ни было тяжело. Почему она не скрыла ее от всех? Нет, так не получилось бы. Это было бы нечестно перед Асланом. Как бы она скрыла от него такое? Тем более, он знает, что бесплоден. Но... Вот только Муку зря рассказала. От него-то могла скрыть. Так нет же, побежала и все выложила. Будто хотела законного мужа обрадовать этой вестью.

Хоть НэхуцЫкІу так думала, она была бы не в силах не поделиться с Муком этой новостью. Конечно, лучше бы он остался в неведении. К примеру, на днях НэхуцЫкІу пошла к колхозному амбару забирать свою долю картошки, откуда ни возьмись, появился Мук и спросил о ребенке. От неожиданности ее чуть удар не хватил. Она умоляла Мука больше не заговаривать на эту тему, даже не заикался и вообще забыть о его существовании. «Забыть-то я не смогу ни тебя, ни его, – ответил тогда Мук. – Но даю слово, что от меня никто ничего не узнает. Ты полагаешь, я не волнуюсь за ваше будущее?! Так что не переживай».

Все же НэхуцЫкІу переживала: мало ли что он обещал... Единственный выход – не попадать в поле зрения Мука, не говоря уже о встречах. Иначе ее можно считать совершенно безнравственной. Нет, нет, об этом и речи быть не может! Иначе могут узнать, что он отец ребенка. Это недопустимо. «Бедный Аслан. За тебя переживаю, ни о ком больше. То есть как это, ни о ком? А за себя? Как же малыш? Да его всю жизнь будут обзывать ублюдком. Ее же – на каждом шагу помыкать незаконнорожденным сыном». Ох, много мыслей крутилось в голове НэхуцЫкІу.

Как бы то ни было, в Аслане она не сомневалась. Уж он-то точно будет молчать. Она сама и подавно. Но тот, третий... Ну зачем она тогда потащила на ферму?! Нет, она ошибается, Мук не такой. Он тоже будет молчать. До сих пор же никто не узнал, и впредь не узнает, Аллах не допустит.

Не думала, не гадала НэхуцЫкІу, что судьба повернется к ней лицом. Так же, как никто не предполагал, что она так круто обойдется с Муком. Он рано уходил на ферму, домой возвращался поздно. И так изо дня в день. Работа стала смыслом его существования. Так было до того дня, когда его объявили... врагом народа! Случилось это так. В тот день вечером на ферме перед рабочими выступал лектор. Он говорил о том, что советская власть освободила людей, особенно трудящихся села, от империалистического гнета, дала им возможность учиться, работать, отдыхать. В своем докладе он возвращался к этой мысли не раз. В очередной раз Мук ухмыльнулся: «А у нас всегда была возможность работать, нам это никто не запрещал. Что до отдыха, то, возможно, и есть отдыхающие. Но нам, кому руки не отмыть от навоза, не до отдыха». Не то чтобы громко

сказал, разве что стоящие рядом услышали. Один из них даже одернул его, дескать, перестань, не то услышат, потом проблем не оберешься. Мук и сам понял свою ошибку. Но слово не воробей, уже вылетело далеко – не поймаешь. Зато его смогли поймать, на следующий же день. Бог знает, кто донес. Может, тот же, кто и одернул? Сам же Мук благополучно забыв о сказанном, работал, как обычно, на ферме, когда пришли его арестовать. Обвинили в провокационных действиях и сослали. Говорят, сначала отправили не так далеко. Даже семья не раз его навещала. Передачу брали, но увидеться ни разу не позволили. Были там и такие, к кому пускали. Но обвинение, выдвинутое Муку, оказалось самым тяжким. Односельчане недоумевали – какое же преступление он совершил? Все разговоры оставались на уровне догадок. Никто ничего не знал. И предпринять ничего не могли. Как говорится, закон суров. Шутка ли – враг советской власти.

НэхуцЫкІу молчала. Да и что бы она могла сказать? Она верила в его невиновность. Даже если что-то и ляпнул, то не придавая этому значения. Все так думали. Знали, лучшего работника советская власть днем с огнем не сыщет. Но их-то никто об этом не спрашивал.

Близился к концу сороковой год. Страна готовилась к встрече Нового года. Односельчан Мука взбудоражило произошедшее с ним. Кто-то говорил, что прошли времена, когда исчезали причисленные к троцкистам люди. Но разве для совершения злодеяния есть определенное время? Ни в чем не повинного человека сослали туда, откуда редко кто возвращается. НэхуцЫкІу втайне от всех страдала. Все же Мук любит ее. Более того, он единственный в мире мужчина, кого она сама любила по-настоящему. Первый муж не питал к ней особых чувств. А нынешний не то что не любит... но, по мнению НэхуцЫкІу, Аслан женился на ней не из-за большой любви, а по совсем иной причине. А Мук... Мук самозабвенно влюбился в нее. В тот вечер, когда НэхуцЫкІу услышала весть об аресте Мука, Аслана не было дома и у нее была возможность оплакать свою любовь. Подбежала к люльке и, не в силах сдержаться, разрыдалась. Бедный малыш! Он остался без отца. Без настоящего отца. «Откуда же тебе знать, что в одночасье стал сиротой!» – причитала мать, обливая горькими слезами сына. Плакала долго, навзрыд. Она думала: «Как же интересно устроена жизнь. Я волновалась, что слишком много людей посвящено в мою тайну, и вот, Аллах забрал одного! Неужели в произошедшем есть моя вина? Почему я приношу одни несчастья? Из-за меня пострадал невинный человек. Да, я источник несчастий. Может, и мой незаконнорожденный ребенок тоже унаследовал эту страшную черту? Боже, о чем она думает? Зачем берет грех на душу, считая невинного малыша зловредным?»

НэхуцЫкІу крепко прижала к груди ребенка и прикоснулась губами к бархатной коже его щек: «Пусть тебе по жизни сопутствует удача, родной мой. Я молю Аллаха, чтобы ты стал счастливым!». Малыш смотрел на мать еще ничего не видящими глазками. Казалось, он пытался ободрить ее, мол, никто пока не знает, как сложится моя жизнь, так что не стоит заранее переживать. Я и сам не знаю, каким стану». НэхуцЫкІу долго смотрела на сына. Много мыслей посетили ее за это время. Бессвязные мысли, обгоняя и перебивая друг друга, пронеслись в голове. Но все они

в конечном итоге сводились к одному – ребенку. Теперь он – единственное существо, связанное с ней нитью любви. Мука уже не было. Она его давно потеряла. Сама повернулась к нему спиной. Она ничего общего с ним не хотела иметь. Она же сама решила больше не показываться на глаза этому мужчине. Решила и ни за что отступилась бы. В сердце защемило от чувства одиночества. Только теперь она поняла, что лишилась в жизни чего-то важного и светлого. Ну, почему она так думает?! А Аслан? Он же ее опора. Он предан ей телом и душой. У него справедливый и уравновешенный характер. Она его уважает всем сердцем. Но так ли близок ей Аслан, как Мук? Конечно же, нет. А для самого Аслана? Возможно, когда-нибудь их сердца найдут путь друг к другу. Ведь для этого они и соединили свои судьбы. Каждый прожитый вместе день направлен на это. Каждый стремится стать ближе и дороже друг другу. Теперь она потеряла по-настоящему дорогого ей человека. Только теперь она поняла, насколько ей был нужен Мук. До сих пор он был где-то рядом, и она не чувствовала, что он ей так дорог. Вроде бы его и не было в ее жизни по-настоящему. А, потеряв, она поняла, что он все-таки был с ней, пусть не рядом, но где-то недалеко. И это его незримое присутствие поддерживало ее морально. И хоть они с Муком не встречались, НэхуцЫкІу в глубине души помнила, что у сыночка есть отец, и что ходит по одной с ней земле любящий ее человек. Это придавало силы. Аслан... Аслана тоже жалко. Бог создал его несчастным. На днях подошел к ребенку и молча наблюдал за ним, тихо-тихо. Только Аллах знает, о чем он думает в такие минуты. У него есть ребенок, не свой, не кровиночка, но есть. Бедный! Конечно же, он завидует мужчинам, которым Всевышний дал потомство. Только чем НэхуцЫкІу может ему помочь? Она не в силах изменить судьбу, предначертанную ему свыше. В чем же ее вина? Лишь в одном она виновата перед мужем – во лжи, которую придумала об отце малыша. Но это ложь во благо. А может, он не поверил в ее выдумки? В этом случае им незачем жить вместе. Да он ей, в общем-то, уже и не нужен. Теперь-то, даже если и разведется с мужем, она будет чиста перед обществом. Мало ли в мире разведенных женщин с ребенком? Во всей этой истории важно одно – чтобы ребенка не заклеями позором незаконнорожденного. Лишь бы ни у кого не было повода сказать, что его родила падшая женщина. Боже, какие несчастные люди окружают маленького Каральби – мать, отец, отчим. Нет среди них счастливых. Ни души! Пусть он наверстает за них. Но без этой лжи он не может стать счастливым. Она сумеет неправдой скрыть правду. Только в этом случае к нему не приклеится страшное клеймо. Ради этого НэхуцЫкІу сделает все – возможное и невозможное. И так будет до тех пор, пока она жива. Даже Аслан, уверенный в том, что знает всю подноготную, заблуждается.

Ах, если бы она знала, что с Муком случится такое... Как тяжело нести груз бесконечной лжи и притворства. Как-то вечером зашли друзья Аслана. Все, в том числе и сам Аслан, находились в прекрасном настроении. Что, кстати, с ним случалось не часто. НэхуцЫкІу хлопотала на кухне. Кто-то из гостей взял на руки маленького Каральби и принес в комнату, где все сидели.

– Посмотрите-ка, – говорит, – какой красивый малыш. Тьфу, тьфу! Весь в мать.

– Обычно старший ребенок на отца становится похож, – заметил другой.

– А у этого материнская кровь победила...

– Почему это материнская? Хочешь сказать, что Аслан слишком мягкий и уступил первенство? Послушай, Аслан, по его словам – ты слабоват!

– Я этого не говорил, – возразил тот, кто держал ребенка. – Разве я виноват, что мальчик похож на мать? Сами посмотрите, если не верите. Твоего, Аслан, в нем нет ничего.

Аслан молча слушал спорящих. А что он мог сказать? Его веселое настроение испарилось. НэхуцЫкІу тоже забеспокоилась. Но за этим ничего не последовало.

Как она благодарна Аслану и Муку за то, что сохранили ее честь, и благодаря им малыш появился на свет. Супружество с Асланом смыло с нее всю грязь. Теперь она чиста перед людьми. Она кристально чиста перед всеми, кроме мужа. Да и он простил ее. Чего же ей еще желать?

VI

Наконец-то НэхуцЫкІу чувствовала себя счастливой. С того самого момента, как она повзрослела, она только теперь испытывала душевное спокойствие. Никогда еще так хорошо не складывались ее дела. Никогда еще она так не любила жизнь. Словно до сих пор над ней висело какое-то проклятие, и теперь она освободилась от него. Аллах велик в своем умении прощать грехи. Все у нее хорошо. Все есть – муж, ребенок, дом. Все как у всех. Все, в чем когда-то нуждалась, у нее теперь в изобилии. Черная полоса осталась позади. Время все следы замело. Ребеночек стал ее узнавать, улыбаться при виде нее. Муж – лучше не найти!

Особенно счастливой НэхуцЫкІу чувствовала себя в последние дни. Она ощущала необычайный прилив бодрости. За что бы ни взялась, все ей удавалось с легкостью. Малыш тоже окреп. Его милая детская улыбка придавала матери веру в лучшее. Теперь-то ей все под силу.

Аслан рано уходил на работу и поздно возвращался. Случалось, в определенные дни задерживался до ночи, работа требует. Однако как бы он ни припозднился, НэхуцЫкІу всегда дожидается мужа, чтобы покормить горячим ужином. Утром тоже встает раньше него, готовит завтрак, а потом допоздна без усталости хлопочет по хозяйству. Откуда только у нее берутся силы? «Как же Аслану повезло. Второй такой, как НэхуцЫкІу не сыскать», – говорят все. Жене приятно, а муж радуется. Что же ему остается делать? Он давно спрятал обиду в самой глубине души. Нет, ему не всегда тяжело. Чаще всего он не вспоминает о ней, об обиде на жизнь. Однако... однако иногда чувства вырываются наружу и в сердцах он прокликает свою несчастную судьбу. Судьбу мужчины, которому не дано продолжить свой род, не дано родить сына – свою плоть и кровь. Давится своей обидой и сквозь слезы заставляет себя улыбаться, чтобы никто не заметил. Даже НэхуцЫкІу не знает об этом.

Как-то ранним летним утром НэхуцЫкІу проводила мужа на работу и принялась хлопотать по дому. Сынишка сладко спал в люльке. Вдруг она услышала шаги на улице. Это была соседка Дыгатаса.

– Слышала новость? – спросила она. – Война началась! Немцы напали на нашу страну и продвигаются в нашу сторону.

От неожиданности НэхуцЫкІу уронила ползунки сына, которые собиралась вешать на веревку. Как одежда, попавшая в воду, промокает до последней нитки, так и эта новость коснулась всех людей многострадальной страны. Спустя несколько дней Аслана вызвали в военкомат. Даже если бы не вызвали, он сам бы пошел. Сердце НэхуцЫкІу обливалось слезами, но, провожая мужа, она не плакала и не причитала. Пожарила любимые Асланом лакумы, собрала продуктов на дорогу и проводила. На прощание крепко обняла и поцеловала.

Тогда они еще не знали, что порог этого дома Аслан больше не переступит. Ему не суждено было вернуться. Призывников собрали в здании сельского совета, потом отправили в районный центр. Когда их провозили мимо села, НэхуцЫкІу надеялась увидеться с Асланом, но не удалось. Больше она не увидела своего мужа. Даже весточки от него не получила, сгинул, словно и не было его вовсе. Пропал без вести. Так, по крайней мере, жене сообщили. Что уж тут поделаешь? В этой ужасной войне никто ни за кого не отвечал, каждый выживал, как мог. Да, это ужасно. Счастливы умершие своей смертью и похороненные согласно обычаю. Может, бедного Аслана и вовсе не предали земле. НэхуцЫкІу слышала, что всех убитых складывали в общую яму и засыпали землей. Кто же станет в этом хаосе каждого в отдельности хоронить? Их-то, убитых, на войне вон сколько! На это ни времени, ни возможности не было – война. Хорошо, если его убили на нашей земле. Как-нибудь похоронили бы. А если на немецкой стороне, то тело так и оставят в поле. Кто знает, где застала его смерть? Тяжелая это участь – пропасть без вести. Легче, когда знаешь, где и при каких обстоятельствах убили. Вон, когда вернулся с фронта раненый Хамидчерим, рассказал, что видел, как пуля попала в бедного Азамата, супруга Дзадзуры. Умер он на его руках и был похоронен возле реки Дон. Несчастный Аслан, как жил тихо, так тихо и ушел.

Многое передумала НэхуцЫкІу в эти дни. То об одном, то о другом. Она и не замечала, как мысли от Аслана переходили к Муку. Он совсем другой, ничем не похож на Аслана. Ни внешностью, ни характером, ни образом жизни. Только в одном были схожи эти мужчины – они оба любили ее. Бедный Аслан! Благодаря ей его жизнь сложилась. У него было все – семья, ребенок, уют и благополучие в доме. Ни с кем больше он не был бы так счастлив. За это НэхуцЫкІу его любила. И потом, он был такой мягкосердечный...

А Мук? Мук был самолюбивый, самоуверенный, где-то даже черствый. Она часто в мыслях сравнивала этих двух мужчин. Говорят, женщина никогда не забывает рук мужчины, прикоснувшегося к ней первым. И никто с ним не сможет сравниться. Не раз она слышала об этом, будучи подростком. Верила в это. Но только теперь-то она точно знает, что так оно и есть. Мук – это Мук, с ним никто не сравнится. Аслану

тоже равных нет. Как оказалось, НэхуцЫкЛу его тоже любила. Так же, как Мука? Нет, по-другому. Она и сама не сможет сказать, как. Но эта любовь совсем не такая. Так же, как Мука, НэхуцЫкЛу никогда и никого не любила и не полюбит. Человеку не дано дважды испытать большую всепоглощающую любовь. Один орех нельзя разломать дважды. Тогда какое чувство она испытывала к Аслану? Любовь ли? Да, любовь, но основанная на жалости и благодарности. Пожалуй, так. Жалость за то, что у него никогда не было бы ребенка. И благодарность за то, что он спас ее честь. В общем-то, НэхуцЫкЛу о первопричинах своей любви к этим мужчинам особо не задумывалась. Но совсем не думать о Муке и Аслане она не могла. Мук пронесся, словно ураган, оставив разрушения в ее жизни, оставив неизлечимую рану в ее душе. Но, вместе с тем, он подарил ей ни с чем не сравнимые чувства. Аслан же был для нее легким летним ветерочком, успокоившим ее душу. Кстати, почему сестра Мука на его похоронах, как только увидела НэхуцЫкЛу, при всех обняла ее крепко-крепко и долго плакала? Только сейчас она вспомнила об этом случае. До сих пор как-то и не задумывалась над этим. Почему Ханифа так сделала? Неужели она что-то знает?! Но это же ужасно. Значит, она и ее несчастный сынок станут изгоями, их заклеят! На похороны с ней пошли многие женщины. А почему-то именно ее она выделила? Были бы подругами с Ханифой – другое дело. Возможно, когда Мук был в тюрьме, рассказал все своей сестре. Зная, что его не освободят, попросил ее помочь НэхуцЫкЛу при необходимости. А она-то думала, что теперь сама – единственная хранительница тайны рождения сына. Ан, нет! Похоже, ошиблась.

НэхуцЫкЛу почувствовала, как слезы текут по ее щекам. То были слезы страха, если такое бывает. Она подбежала к спящему сынишке, ничего не подозревавшему о нависшей беде, и уставилась на него. Ребенок мирно спал, еле слышно посапывая. «Всевышний, пожалей нас!» – взмолилась женщина, утирая слезы краешком платка.

НэхуцЫкЛу не предполагала, что так тяжело переживет весть о пропаже Аслана. Все-таки она надеялась на его возвращение. Страшную весть ей принесли в июле. Ее мучила мысль о том, что все беды исходят от нее самой. Родилась под несчастной звездой и приносит одни несчастья. Это расплата за ее грехи. А расплачиваются за нее самые чистые люди, которых она любит. А вдруг кара небесная падет и на ее единственное сокровище – сынишку?! Горючими слезами оплакивала НэхуцЫкЛу своего мужа. Так думали все и не знали, что у нее двойное горе, оттого и была она безутешной.

Думала, умрет, не выдержит. Но нет. Да и время все лечит, притупляет любые острые углы. Если бы не маленький Каральби... Мать не имеет права долго предаваться горю, пока в ней нуждается ребенок. «Господи, помоги этому малышу, не дай пострадать из-за ошибок матери», – НэхуцЫкЛу выхватила сына из кровати и прижала к себе. Если у нее судьба такая злополучная, то при чем же он?! Нет-нет, он обязательно встанет на ноги, станет похожим на отца. Мук никогда не упускал своего. Женщина

вспомнила, как он стоял возле магазина. Он был спокоен, но напорист. Всегда добивался своего. Такие умеют выбивать место под солнцем.

Откуда малышу было знать о чаяниях матери. Но он пристально смотрел на нее и словно хотел сказать: «Не беспокойся, я не пропаду!» Когда НэхуцЫкІу работала в магазине, слышала, что незаконнорожденные дети в большинстве своем добиваются в жизни больших успехов. Правда ли это? Хоть бы оказалось правдой. Должно же хоть что-то хорошее случиться в жизни этой несчастной женщины.

Мать с сыном рассматривали друг друга с нежностью. Если бы все люди относились друг к другу с такой же любовью и благовоением. Тогда и не было бы обездоленных и несчастных. НэхуцЫкІу в последнее время частенько вглядывалась в лицо сына. Глазки-пуговки смотрели с чистого младенческого лица. «Вдруг его маленькое беззащитное сердечко остановится?» – волновалась женщина. Мать с сыном. Во всем доме их осталось только двое. Вокруг стало как-то одиноко и пусто. Пустота во всем мире. «Солнышко мое, счастье мое», – любила повторять НэхуцЫкІу. А как еще матери звать свое чадо? Он – ее глаза, ее сердце, ее душа. Он – все, что есть у нее. А мальчик живет в своем только ему видимом мире детства. Вроде бы не плаксив и не вредничает. Но сердце матери все же волнуется. Кто знает, чего ему не хватает. Скорее бы он заговорил! Все его желания исполняла бы. Никогда ничего не запрещала бы. «Мой маленький Каральбий. Когда же ты заговоришь? – НэхуцЫкІу захлопала в ладоши, пытаясь привлечь его внимание. – Сыночек, мой маленький сыночек», – еще громче захлопала она. А малыш не обращает на нее никакого внимания и по-прежнему смотрит в потолок и дергает ручками и ножками. «Ему не до меня, – улыбнулась счастливая мать. – У него есть дела и поважнее. Смотри-ка, далеко куда-то смотрит».

Солнце, совершив свой дневной путь, клонилось к западу. НэхуцЫкІу и не заметила, как день пролетел. Пошла напоила корову. Замерзшими от холода руками наколола дров и занесла в дом. Снова выбежала во двор, чтобы покормить скотину. Она с трудом отодрала охапку замерзших стеблей кукурузы и отнесла в хлев. Прихватила пустое ведро и вернулась в дом. Наконец-то у нее есть возможность спокойно поиграть с сынишкой. НэхуцЫкІу с улыбкой на лице подошла к нему: «Каральби, посмотри на маму. Каральби! Надо же, не смотрит». Малыш высвободился из-под одеяла и подполз к самому краю кровати. Теперь за ним нужен глаз да глаз, не то, глядишь, и упасть может с кровати. Что тогда будет? «Каральби, ну, Каральби!» – потрясла она над ним погремушкой. Куда там, вообще ничего не замечает. Все так же глух... Подожди-ка! О чем это она? А вдруг он на самом деле... глух?

Сердце женщины застучало в такт безудержным мыслям. Дрожащими руками схватила ребенка и внимательно посмотрела на него. Малыш тоже уставился на мать и продолжал весело дергать ножками. В сердце матери закрался страх. Она положила его на кровать и стала громко звать, хлопая ладонями, кричать на него. А ребенок по-прежнему не обращал на нее никакого внимания. Несчастливая вдова, смертельно бледная, при-

села на корточках, опустила голову на край кровати и заплакала навзрыд. Сколько же несчастий она еще принесет на этот свет? Сколько людей еще пострадает из-за нее. Не будь она такой злосчастной, хоть один из мужчин вернулся бы к ней. И эта война, унесшая вместе с Асланом миллионы людей, вообще не началась бы, не будь на этом свете НэхуцЫкЮ! Война, как наказание за содеянное ею, отняла у нее единственную опору. Или же Мук. Разве нет ее вины в том, что он умер?! Конечно, есть. И его отобрали, чтобы лишить надежды и сделать ее еще несчастнее. Иначе что плохого он сделал Советской власти? Ничего! Убили ни в чем не виновного. Посадили в темницу и убили. Какая страшная участь! Как она его любила! Больше никого так и не смогла полюбить. Но она поступила против Аллаха, совести, и людей. Вот за это теперь и расплачивается.

С затекшими от долгого сидения ногами и тяжелой головой, НэхуцЫкЮ встала. В доме было темно, холодно и сыро. Зима в этом году пришла рано, и с первых дней декабря установилась морозная погода. Несчастливая судьба, вдовья доля, больной ребенок, зимний холод, голод! Кто в силах все это пережить? Да и кому нужна такая жизнь?

Да, было о чем подумать и над чем горевать одинокой женщине. Но жизнь не спрашивает, как и что сделать с тобой. И лишить себя этой жизни человек не в силах. Как бы ни было тяжело, надо жить. Она потянулась к столу, чтобы зажечь коптилку. Но тут же заметила, что последние угольки в печи потухли. Ни одной тлеющей головешки не нашла, сколько ни рылась. Откуда же ей взяться, когда пепел давно остыл. Вооружившись железной лопаткой, НэхуцЫкЮ отправилась к соседям за огнем. По дороге она думала о ребенке, которого оставила в темном доме. «Ничего, он же спит, да и вернусь быстро», – пыталась она утешить себя. НэхуцЫкЮ взяла у соседей пару головешек и побежала обратно. Подбежав к воротам, она услышала плач сына, испугавшись, рванулась к дому и упала. Угольки рассыпались по снегу и с шипением потухли. Как бы она хотела сейчас заплакать во весь голос. Но времени на это не было. Она даже не заметила, как оказалась в темной комнате с ребенком на руках. В темноте не было видно, что одеяло сползло на пол и дитя озябло. НэхуцЫкЮ лихорадочно прижала сына к своему телу. Ребенок согрелся и быстро заснул. Что же это за цепь неудач? Сомнений нет, Всевышний наказывает ее!

НэхуцЫкЮ думала, разожжет огонь и приготовит поесть. Она была страшно голодна. Но теперь ей хотелось только одного – умереть. Но почему-то смерть не приходила. А как же ребенок? Нет, ей нельзя умирать. Она будет жить ради ребенка, ради ее малыша – ее души и надежды. Хоть бы оказалось, что у него со слухом все в порядке. А если он на самом деле глух? Тогда ей придется разговаривать с ним с помощью пальцев. Женщина утерла краешком платка покотившиеся по щекам слезы. Села возле окна и поделилась своим горем с бездушной зимой. Первый снег так чист... Следы на девственно белом снегу привели Мука к ней. Он постучался в дверь... Сейчас тоже все в снегу, на улице так же морозно и темно. И НэхуцЫкЮ все так же проклинает свою судьбу. Только одному не дано повториться – Мук не постучится к ней в дверь и не переступит

порог неуверенным шагом. Тогда он пришел с мороза, но как тепло было оказаться в его объятиях, как кружилась голова от его поцелуя. Та ночь... Нет, для нее это была не ночь, а день. Единственный светлый сладостный день. Больше у нее таких дней не было, ни до, ни после. Не ночь, а целая жизнь. Как тогда все сложилось! Почему встретилась с Муком, полюбила, отдалась ему? Да, чтобы на свет появился ее маленький Каральбий! В этом мире ничего просто так не происходит. Он появился лучиком солнца в ее непроглядно темной жизни, растопил ее замерзшую душу и ушел. Исчез безвозвратно. Тогда почему Всевышний позволил появиться на свет этому ребенку и сделал его несчастным? Почему он родился с таким недостатком? В мире и так много горя. Сейчас, как никогда прежде, человечество нуждается в здоровых, излучающих счастье новых людях. А вместо этого Аллах прислал на землю ущербного ребенка. В чем же он виноват, что рожден страдать от своей ущербности? Через сколько невзгод ей пришлось пройти, прежде чем оказаться тем вечером в магазине. Сбежала из дома и оставила страдающую мать. Как будто знала, что в ее жизни должно произойти нечто важное.

«О, Аллах, пожалей это невинное дитя! Пусть он вырастит здоровым. Я сама искуплю свои грехи. Так будет справедливо», – НэхуцЫкЛу плача сидела у окна. Всю ночь она не сомкнула глаз. Тяжелые мысли терзали ее душу. Лишь под утро немного вздремнула, но первые лучи солнца заглянули в окно и разбудили ее. Солнечный зайчик игриво подмигивал, словно хотел развеселить угрюмую комнату. Вместе с пробуждением снова вернулась мысль о глухоте ребенка. Как же теперь быть, что делать? НэхуцЫкЛу в замешательстве вскочила, подбежала к сыну и стала разглядывать при дневном свете. Ее глаза наполнились слезами. Какое безрадостное будущее ждет их. Сегодня же отнесет ребенка к доктору. Может, сначала посоветоваться с соседями? Так и делает. А пока надо разжечь огонь и отогреться. Женщина поковырялась в золе щипцами для огня, пытаясь найти в печке то, что тщетно искала вчера. Потом еще раз взглянула на малыша и пошла за огнем к соседям. Идет с железной лопаткой, словно нехотя, взрыхляя снег носками башмаков. Соседи наверняка скажут, почему вчерашние угольки не сберегла. Не в лицо, конечно, а потом, когда уйдет. Откуда им знать, какую мучительную ночь она провела. Как бы то ни было, угольков ей дали. НэхуцЫкЛу растопила печь, комната быстро прогрелась. Приготовила кукурузную похлебку – в доме больше никаких продуктов не было. Да и этому она была рада. Год выдался голодный, люди еле перебивались, но НэхуцЫкЛу переживала не за себя. Если она не будет есть, то и грудного молока не хватит малышу. Но и это сейчас не так важно. Она не знала, как пережить несчастье, свалившееся как снежный ком. О, Аллах, не наказывай ее так! Ребенок сладко спал на кровати. «Каральби! – позвала НэхуцЫкЛу в отчаянии. – Ну, сыночек, слышишь меня? Душа моя! Порадуй маму. Посмотри на меня. Я живу только ради тебя. Знаешь, у тебя тоже нет в этом мире никого, кроме меня».

НэхуцЫкЛу снова вспомнила отца малыша. Живет, как на лезвии бритвы, защищая свою тайну. Удалось ли ей это? Что известно одному,

узнают и другие. Все-таки, откуда сестра Мука могла все узнать? Хотя, погоди-ка. Как же она могла забыть о том злополучном случае? А дело было так. После разговора с Асланом, в тот же вечер НэхуцЫкІу встрети-лась с Муком в темном переулке, совершенно случайно. В тот вечер было особенно темно. Словно плотная тьма специально опустилась на землю, чтобы скрыть от посторонних глаз двух заговорщиков. «Как бы в будущем ни сложилась моя жизнь, нашим отношениям пришел конец, – говорил Мук. – Я не хочу, чтобы два рода, нет, теперь уже три рода опозорились. А главное, надо уберечь честное имя ребенка, который появится на свет. Нельзя, чтобы он родился с клеймом незаконнорожденного. Пусть эта тайна уйдет вместе с нами и все думают, что это ребенок Аслана. Иди ко мне, обнимемся в последний раз, чтобы навсегда запомнить тепло наших сердец!»

Сладки были и последние объятия, и последний поцелуй, как в первый раз. Вдруг тишину нарушили шаги убегающего человека, там, за оградой близлежащего огорода. Подслушал ли их тогда кто-то, НэхуцЫкІу до сих пор не знает. Долгое время она вздрагивала, вспоминая тот случай. Но времени свойственно стирать или хотя бы затушевывать события. НэхуцЫкІу постепенно забыла о происшедшем, тем более, что оно не имело никаких последствий.

В который раз она подходила к ребенку. Снова пристально вглядывалась в его личико. Вылитый Мук. Знавшие его, непременно поймут – в этом деле без участия Мука не обошлось. Так кто же в селе не знал Мука?! Как ей быть? Как дальше жить?

Несчастливая мать ходила из угла в угол, заламывая руки. С кем по-делиться своим горем? Кто ее поддержит и поймет? Рядом нет такого человека, с которым она могла бы поделиться своими страхами. Если бы хоть кто-то разделил с ней тяжелую ношу. Тогда ее легче было бы нести. Но она одна, совсем одна должна нести свой груз. Но как? Если бы она знала, как его нести, все легче было бы.

Взгляд женщины случайно упал на сковороду с кукурузными лепешками, которую она поставила на печь. Только она отвернулась, как чугунная крышка сковороды с грохотом упала и разбилась на несколько кусков. От такого шума проснулся даже малыш и истошно закричал. Мать бросилась его успокаивать и застыла на полпути. «Подожди-ка... Это значит... Его разбудил звон упавшей крышки?! Да, конечно же! Слышит, слышит, мой сын слышит! Его ушки все слышат! Мой сыночек! Ты совершенно здоров!» – НэхуцЫкІу схватила ребенка и закружила его по комнате. Она, словно одержимая, то подпрыгивала, то подбрасывала сына, то снова кружила его. Счастье, какое великое счастье! Нет сомнений в том, что разбитая посуда – счастливая примета. Истинная правда. Она только что в этом убедилась. НэхуцЫкІу кинулась собирать разлетевшиеся по комнате осколки. Она подбирала и целовала каждый кусочек и дотрагивалась ими до белых щечек малыша. В себя ее привел запах подгоревших лепешек. Все еще переполняемая чувствами, она поднялась с пола и перевернула их.

Кстати, потом НэхуцЫкYу отметила «счастливое выздоровление» сына. Особо пышного праздника не получилось, все-таки год выдался голодным. Но по такому случаю она приготовила все, что было припасено, и созвала соседей. Узнав причину праздника, собравшиеся женщины снисходительно заулыбались. «Бедненькая, – сказали они, – чего только не почудится одинокой матери, которая так любит своего ребенка». И они были правы. Пожалуй, она слишком рьяно опекает сына. А ее? Ее тоже безгранично любила мать. А она это оценила? Куда там. Хлопнула дверью и ушла. И ничего с ней не произошло бы, если бы не убежала в тот день из дома и не ночевала в магазине. Вот к чему привело ее упрямство.

В судьбе НэхуцЫкYу было двое мужчин. И оба они ушли один за другим. Сначала Мук исчез за тюремной стеной. За ним и Аслан сгинул на войне. Видимо, кто-то сверху решил, что два отца слишком много для одного мальчика. И одним махом лишил обоих. Не рассчитал.

Интересно устроен человек. Он сам никогда не знает, что его может осчастливить. И почему становится легче, когда ближнего постигает такое же горе. К примеру, если потерял глаз, то хочется, чтобы и другие остались без одного глаза. И чем больше страдающих, тем легче переносить собственное горе. Так и НэхуцЫкYу. Ее страданиям не было конца, когда ее маленький Каральби потерял настоящего отца. Потом началась война, и многие дети, так и не узнав тепла отцовских рук, остались сиротами. Теперь НэхуцЫкYу было гораздо легче, будто разделила свою беду с другими, и ее стало меньше. Но это, как оказалось, было самообманом, иллюзией. Все осталось при ней – все невзгоды и переживания. Ничего никуда не исчезло и не исчезнет. Она до конца жизни будет нуждаться в его сильном плече, как и нуждалась до сих пор. Ведь так принято считать у кабардинцев? Когда женщина или мужчина теряет спутника жизни, говорят, что потерял одно плечо. Тогда можно считать, что второго плеча у НэхуцЫкYу никогда и не было. Этим плечом должен был стать Мук, отец Каральби.

Эпilog

На этом повесть Црая Лыби, к сожалению, обрывалась. А я так увлекся чтением! Взял рукопись в качестве снотворного, а прочитал на одном дыхании, не отрываясь. Еще какое-то время находился под впечатлением, как после просмотра хорошего кинофильма. Передо мной возникали образы то НэхуцЫкYу, то Мука, то Аслана. Они словно присутствовали в моей комнате. И так до самого утра. Вспоминал эпизоды из повести и снова сопереживал ее героям. Удивлялся стойкости и терпению НэхуцЫкYу, ее умению выходить из трудных ситуаций. Она смогла распутать клубок своей тяжелой судьбы и пройти по ее ухабистым тропам. Первой ее встречей и главной ошибкой для нее был Мук. В то же время, он стал большой и светлой искрой, озарившей ее озябшую душу. А Аслан стал единственным спасительным кругом, защитившим ее от неминуемого позора. НэхуцЫкYу была очень хитрой. Я злился на нее. Она вся состояла из

лжи, притворства и зловредности. Но временами видел ее в совершенно ином свете. В такие минуты я был готов простить ей ложь и притворство. Все-таки перешагнуть через все этические нормы ее заставила любовь к Муку. Такое большое и светлое чувство заставит сделать многое. Трудно обвинить человека в том, что он любит. Если подумать, имела ли она право на эту любовь?! Нет, не имела, но и не любить она тоже не могла. Что такое разум перед такой громадой чувств? Все равно, что лягушка для удава. Бедная девушка была бессильна. Но эта же любовь и дала ей силы пережить все случившееся с ней. Она, ее Величество Любовь, способна сбросить в самое дно порока, а потом поднять на пьедестал блаженства. Она вершит человеческие судьбы. Так и с героиней повести. Но она могла ступенька за ступенькой находить единственно верный маршрут, и выбралась сухой из колодца безысходности. Даже самый искусный проводник не справился бы с этой задачей. Потом меня все время мучили мысли о дальнейшей судьбе НэхуцЫкгу. Как же она одна без чьей-либо поддержки в такое тяжелое для страны время, смогла воспитать сына? Да еще так, что этот сын стал одним из первых лиц в республике?

Повесть осталась недописанной, потому у меня и возникало столько вопросов. Но где найти на них ответ? Сам автор смог бы пролить свет на некоторые детали. Надо только встретиться с ним. Но это не так просто сделать... Кстати, почему я раньше не познакомил вас с ним? Сейчас исправим ошибку. Удивительный человек этот Црай Лыби. Он выделяется из толпы, как внешним видом, так и внутренним содержанием. Он довольно необычный человек. Порой кажется, что нет того, что ему не под силу. За день делает девять дел. Тут я вспомнил слова, которыми я в начале охарактеризовал Хасани, и испугался, как бы не получилось, что их образы вышли схожими. Тем не менее, их нельзя сравнивать, настолько они разные люди. Наверное, поэтому они и закадычные давние и неразлучные друзья. У обоих большие связи и возможности. Но эти связи и возможности применяются в совершенно разных направлениях. Например, Хасани никогда не возьмется делать то, что может сделать Лыби. Лыби целых полчаса может ждать кого-то, стоя на одном месте. А как он места жительства меняет? За год может раза четыре переехать из одной квартиры в другую. А Хасани словно электрический ток. А напряжение настолько высокое, что носится и мечется, словно атомы. Црай не такой. Он уравновешен. Никогда не принимает опрометчивых преждевременных решений. Все, чем он занимается, приносит ему прибыль. Он всегда кого-то ждет, его кто-то ищет. Бесконечно продает свою квартиру, машину. При этом никто и никогда не видел его за рулем. Потому что продает только что купленное. И не просто так, а с прибылью для себя. Непонятно только одно – куда девается вся эта прибыль? Оставил семью и живет один-одинешенек. А одинокий мужчина становится скупым. Бывает, друзья скидываются на пол-литра. Он вкладывает всего рубль, мол, больше нет. Вот что наблюдали за этим человеком, вот что рассказывают о нем. Но мало кто знает, что из этой немалой прибыли он на себя тратит почти ничего. У Црая и в мыслях нет расхотать день-

ги на личный комфорт. Бизнесом он занимается по привычке. В его же руках деньги никогда не задерживаются. Я лично в этом убедился. Как-то мне понадобился человек, имеющий связи в судебных кругах, – для одного близкого родственника. Случайно встретил Црая. Слово за слово, и я поделился с ним своей головной болью, хоть никакой помощи с его стороны я и не ждал. Тогда Лыби ничего не стал обещать. Даже слова не сказал. Просто выслушал меня внимательно, на том мы и разошлись. Через пару дней зазвонил мой телефон. «С тебя причитается, – слышу голос Црая. – Я разрулил твою проблему!» От удивления я потерял дар речи. Оказывается, в мире рыночных отношений остались люди, помогающие просто так. Сидя за «причитающимися» полулитрами, я, было, заговорил о вознаграждении. Но он даже слушать не стал. Впоследствии я узнал, что Лыби потратил на это дело сумму, равную моей месячной зарплате.

Мне кажется, я слишком много времени уделил Лыби. Пожалуй, не было необходимости так близко знакомить вас с ним. Прошу простить меня за эту вольность.

Итак, на чем я остановился? Да, вспомнил. После того как прочел рукопись, я отправился в редакцию, где работает Црай. Мне хотелось поскорее узнать о дальнейшей судьбе героини повести. Там мне сообщили, что он в очередной раз продал квартиру и поменял номер телефона. Что мне оставалось делать – ушел ни с чем. Тогда я вспомнил про Хасани. Он из тех, кто может разрешить любую проблему. К нему-то я и пошел вечером. Он выслушал меня и сказал: «Для этого тебе не нужен Црай. Я отведу тебя напрямик к Каральби, и дело с концом. Подожди-ка, где-то у меня должен быть его телефон...» Порылся в бумажнике и позвонил Каральби.

– Он живет совсем близко, – сказал Хасани, прикрывая ладонью трубку. – Приглашает нас домой.

– Погоди... Пусть лучше он сам выйдет.

– Он так сказал. Мы же сами решили навестить его. Лучше пойдем.

Взяли пол-литра и направились к его дому. Он жил в обычной многоэтажке. Бедной обстановку квартиры не назовешь, но и особой роскошью она не отличалась. Когда мы зашли, Каральби готовил у плиты. Обрадовался нашему приходу, словно это он искал встречи с нами, а не мы.

– Добро пожаловать, добро пожаловать. Проходите, садитесь... Супруги моей не стало, ушла из жизни. А дети, сами понимаете, разбежались, кто куда. Я сам все делаю по дому и ухаживаю за мамой...

Он что-то еще говорил, но я уже ничего не слышал и думал только о том, что НэхуцЫкУ жива. Жива-то она жива, только, что это за жизнь? Она лежала неподвижная на постели и Каральби кормил ее с ложечки. Тем не менее, старушка выглядела хорошо, наверное, уход получала соответствующий. Казалось, ей совсем не в тягость ее положение. Она лежала на белоснежной постели и приветливо улыбалась нам. Почему-то я сразу вспомнил о том впечатлении, которое произвел на меня Каральби при нашей первой встрече. Как же я был неправ, сравнивая его с некоторыми

чиновниками. Сейчас я мог бы сказать в его адрес самые лестные слова, хотя бы за то, как он ухаживал за матерью.

Когда мы зашли повидать старушку, на лице НэхуцЫкЮ отразилась тревога. Но, спохватившись, спешно отвела взгляд. Мы сели, и Хасани стал разговаривать с ней без умолку, словно они были старыми друзьями. Каральби внимательно слушал его болтовню, лишь изредка вставляя слова. Я же, став лишним, по своей привычке увлекся собственными размышлениями. Передо мной возникал образ героини повести, который я невольно сравнивал с нынешней НэхуцЫкЮ. В моих мыслях она обижалась на мать, уважительно разговаривала с Асланом, ее целовал Мук, она плакала, потом успокаивалась. Вот она, стоя у обрыва, обращается к скалам, рекам, лесам, небу, солнцу: «...В каком браке вы родились?». А если бы тогда НэхуцЫкЮ прыгнула с обрыва? Тогда мир обеднел бы на двух замечательных людей. Не было бы Каральби, оставившего за собой след добрых дел. Не родились бы его дети и не продолжили бы древо жизни одного рода. Мир был бы обделен, если бы когда-то эта беспомощная женщина не перешагнула через принципы общества. Так что же значит корочка, клочок бумаги, на котором засвидетельствован брак, по сравнению с человеческой жизнью?!

НэхуцЫкЮ снова украдкой посмотрела на меня. Мне показалось, что ее мысли тоже где-то далеко отсюда. Не знаю, чем, но я ее заинтересовал.

– Откуда ты родом? По-моему, ты из нашего села? – наконец-то решила она спросить. – Случайно, не из Кодеса?

Как же она догадалась? Я действительно оттуда родом, и не собирался этого скрывать.

– Да, – ответил я.

Она еле заметно улыбнулась.

– Не течет ли в тебе кровь Каргоевых?

– Так и есть, – для меня было неожиданностью услышать свою фамилию.

– Сразу догадалась, как только увидела. В вашем роду был человек по имени Мук. Помнишь такого? Хотя откуда тебе это помнить, но...

– Слышал о нем от старших. Рассказывали, что его репрессировали и убили в тюрьме.

– Ты на него очень похож. Те же черты лица.

Я вспомнил рассказы старших о том, что у моего дяди Мука есть внебрачный сын. Но эта женщина с ребенком рано переехала в город, поэтому никто не знал об их дальнейшей судьбе. Что же, теперь получается – Каральби мой брат?! Да, да! Он мой брат. Я и раньше заметил некоторое сходство между нами, особенно глаза. Как я сразу не догадался? Надо же, Мук из повести – это брат моего отца. Смотри-ка, как все обернулось. Вот почему НэхуцЫкЮ так пристально смотрела на меня. Как легко она заговорила о тайне, хранимой всю жизнь. «Человек по имени Мук...» Не побоялась же так спросить. Наверное, ей не терпелось разузнать все. И потом, решила, откуда нам знать о событиях такой давности. Думает, ее тайна так и осталась покрытой мраком, или, по крайней мере, о ней

забыли за давностью лет. Куда там! Такие тайны пылью не покрываются. Ржавчина их не берет до тех пор, пока земля не забирает ее хранителей. Она ходит по земле без определенной тропинки. Ей не нужны двери и окна, чтобы войти в дом. Люди любят подобные секреты. Они смакуют их, как конфеты. Она, тайна, витает в воздухе, невидимая для тех, кому принадлежит, но очевидна для всех остальных. Как это ужасно – все знают, а ты не в курсе. Это называется «за глаза». Слышал, у одного моего знакомого есть тетрадь, куда он записывает все услышанные тайны. Нечего, говорит, знать о них другим, пока я жив. Если по воле судьбы я умру раньше него, то все мои тайны, записанные в его тетради, всплывут на свет. Так не лучше ли, если об этом человек никогда не узнает? Пожалуй, лучше. Иначе НэхуцЫкУ не пережила бы, узнай она о том, что ее тайна давно стала былью для жителей ее села и даже за его пределами.

Тем временем Каральби накрыл прекрасный стол и потчевал нас своими кулинарными изысками. Я внимательно всматривался в черты его лица. Незаметное на первый взгляд сходство стало для меня очевидным. В каждом роде, если не брать весь род, а совсем близких родственников, есть своя отличительная черта. Она делает их непохожими на других. Что-то общее в характере, манере общения или даже осанке. Это «что-то» я и увидел в Каральби. В том, как он поворачивался, было нечто особенное, присущее Каргоевым и только Каргоевым. Не знаю, что на меня нашло, но в эту минуту я вскочил и схватил его за запястье.

– Каральби, ты мой брат!

– Спасибо, – отвечает он, – ты тоже мой брат.

Хасани посмотрел на нас и громко засмеялся:

– Хорошо, будьте братьями. Но почему именно сейчас вы заговорили об этом? А ты чего вскочил и держишь руку Каральби? Дай человеку поставить тарелку на стол? Что на тебя нашло?

– Уж очень вкусно он приготовил гедлибже. Ничего вкуснее в жизни не ел, – ответил я.

– Да здравствует курица в сметане, ставшая причиной вашего братания! – шутиливо сказал Хасани, думая, что мои действия и слова стали следствием выпитого.

Я поднял глаза и увидел, как Хасани неоднозначно подмигивает Каральби, но промолчал. Пусть каждый думает по-своему, понимает сказанное мной на свой лад. А так хотелось бы поведать им о своем открытии, о великом для меня открытии!

Перевод с кабардинского Алены Таовой

Борис КАГЕРМАЗОВ,
народный поэт КБР

После молодости

«Мы молоды были с тобой...»

Инна Кашежева

Да, Инна, мы молоды были,
Весь мир на ладони держали.
Любили, о, как мы любили!
Мечтали, о многом мечтали.
Считая, конечно, беспечно,
Что смерть невозможна, как старость,
О юном, прекрасном и вечном
Мы пели, забыв про усталость.
Святым вдохновеньем поэтов,
Отвагою души горели.
А то, что проходит все это,
Понять мы тогда не умели.
И если б сказали: так будет! –
Мы им бы в ответ рассмеялись.
И кто нас за это осудит?
Но годы как праздники мчались...
Промчались. Лишь пыль по дороге
Взметнулась, их путь отмечая...
И мы все идем понемногу,
Свой путь оживляя речами.
О многом поведать мы можем,
И сил у нас полные чаши.
Сестренка, сдаваться негоже!
Ведь с нами Поэзия наша.
Она убережь нас сумеет
От участи дряхлой, постылой,
И старость она одолеет:
Ведь мы отдаем ей все силы!

Планета любви

Как древний алмаз сверкая,
По небу Луна гуляет.
И много лет до рассвета
Она с высоты нам светит.
Как будто сказка, не быть, –
Что там человек был,

Что он, побродив по ней,
Вернулся к Земле своей.
Я слушаю тишину,
В ночи окно растворив.
И вновь взглянув на Луну,
Я думаю о любви.

Пока по своей кривой
 Планета наша бежит
 И в точке ее любой
 Влюбленные будут жить,
 Не перестанут они смотреть,
 Пока есть у них глаза,

На лунный неяркий свет,
 Как тысячи лет назад.
 С влюбленными заодно,
 Им веру дарит она.
 От Бога так суждено:
 Планета любви – Луна!

Не трудно это?

«Хвалу и клевету приемли равнодушно...»

Александр Пушкин

Я не зову успех ни дня –
 Исчезнет он, как снег весною.
 Не дорожу хвалой людскою –
 Товар хвалите, не меня!
 Злословье – многих ремесло.
 И видел я людей немало,
 Чьи речи ядом пропитало,
 Но им со мной не повезло!
 Я, их усердие ценя,
 Врагами даже не считаю,
 И их слова впусую тают,
 Ничуть не трогая меня.
 Богатства не ищу, друзья,
 Хочу идти своей дорогой,
 Чтоб сделать в жизни пусть немного,
 Но то, на что способен я.
 Чтоб людям зла не причинить
 И никому не застить света!
 Вы скажете: не трудно это...
 Тогда попробуйте так жить.

Не знаю... но что-то не так.
 Откуда тревога во мне?
 Вот солнце торопится ввысь
 И рвет облака в лоскутки.
 Сегодня все мысли мои о тебе,
 И, словно во сне,
 Предчувствия душу томят,
 И думы мои нележки.

И птицы в саду не поют.
 И вдруг в неземной тишине
 Я слышу иные слова,
 Но их не могу разобрать.
 И это не сон и не явь,
 И сердце стучит в западне:
 Недобрую весть о тебе,
 О Боже, не дай услышать.

*Перевод с кабардинского
 Светланы Щербаковой*

Борис КУДАЕВ

ОШИБКА КОНСТАНТИНОВА

Друзей и денег не бывает много.

(Кавказская пословица)

Защити себя от друзей, а от врагов я тебя защищу.

(Гравировка на лезвии кавказского кинжала)

Константинов. Арпачай. Завершение

Начальник разведки 7-й гвардейской армии полковник Сергей Александрович Константинов сидел на своей полевой шинели, брошенной на охапку веток, и невидящим взором глядел на догорающий костер, на шампуры высыхающего шашлыка и початую бутылку трехзвездочного армянского коньяка, стоявшую на треногом столике среди живописного беспорядка овощей, фруктов и ломтей армянского хлеба – матнакаша. Когда он бывал в ударе, он любил разяснять своим друзьям, что это – не лаваш, как его все называли в Москве. Лаваш – это тонкий, как полотно скатерти, хлеб без дрожжей, в который хорошо заворачивать люля-кебаб с зеленью и зеленым моченым перцем. А то, что русские называют лавашом, – это матнакаш – мягкий, толщиной в два пальца круглый хлеб, который хорошо резать на длинные ломти и макать в мацун – кислое коровье или буйволиное молоко. Константинов усмехнулся: он уже не раз замечал за собой эту черту: находясь в Армении, где он служил уже три года, он даже в мыслях называл кислое молоко мацун, а когда бывал в любимом Тбилиси – это было мацони. Стоило ему пересечь границу Армении, как в беседе с молодым армянином он говорил: «Я еду в Ленинакан», а если судьба его свела с ровесником, он спрашивал: «Тоже едете до Кумайри?». Ну, а если попутчиком был пожилой армянин, то Сергей интересовался, заговорщически понижая голос: «Вы не из Гюмри, уважаемый?». Три названия одного и того же города – как лакмусовая бумажка – помогают определить, с кем ты сейчас говоришь, не задавая ненужных вопросов и сразу исподволь подавая собеседнику условный знак – как у Киплинга – «Мы с тобой одной крови!». Это особая черта разведчиков – постоянная мимикрия, подсознательная модификация акцента, интонаций, названий блюд, городов, памятных дат. До Еревана и Тбилиси он служил за границей, а призывался в Орджоникидзе. Для казака – Владикавказ (сокращенно – Владик), для русского – Орджоникидзе (сокращенно – Орджо), для осетина – Дзауджикау (на этот раз без сокращений – это свято). Как для грузина – Сухуми, а для абхаза – Сухум, для осетина – не Цхинвали, а Цхинвал... За осетинским столом он привычным жестом отливал на землю из стакана с церембоном (осетинским самогоном) первый глоток – дань умершим, точно так же, как, не задумываясь, клал кусок хлеба на стакан

водки, поминая товарища по русскому обычаю. Но, даже задумавшись, он бы не заказал в кафе на проспекте Комитаса в Ереване грузинское блюдо чижы-пыжи, а в тбилиском Авлабаре – армянский тава-кебаб, хотя они так похожи. И вино – в Армении он бы заказал Аштарак, Аревшат, Геташен, Айгешат, Арташат или Ашакан, хотя и не любил полусладкие и мускатные вина, а в Грузии – Мукузани, Саперави, Цинандали, Кахети, Риони, на худой конец – Саэро. И тут, и там он бы пил настоящий кофе по-восточному – другого не признавал. Но здесь он сказал бы официанту «Кофе из джезве, пожалуйста», там – из турки, в Каире – из далла, в Болгарии из раквы, а еще где-то из ибрика, а то и из срджепа... – смотря куда его забросила судьба сегодня. Он не думал об этом – личины, языки и привычки – вернее, привычные жесты – менялись автоматически. Рассказывают, что один из христианских путешественников, посетивших Мекку под видом мусульманина, совершающего хадж, погиб потому, что притопывал под музыку в Мекке во время праздника жертвоприношения Гид аль-Адха – мусульмане не притопывали тогда ногами в такт музыке. Страноведение для разведчика – это не просто важный предмет в расписании занятий в Военном институте иностранных языков и в дипломатической академии. Это образ жизни, ставший самой жизнью... Или не ставший – но тогда жизнь его может стать короткой. Привычные жесты очень важны. Думать о них нельзя – нет времени. Они должны исполняться «на автомате». Если в Пакистане поприветствовать вошедшего жестом «намасте» – сложив ладони перед грудью – можно нарваться на нож. Это – жест индусов. Ничего хорошего не будет, если закуришь на людях во время месяца Рамадан в мусульманской стране. В Баку, если хочешь расположить к себе человека, можно взять собеседника за пуговицу на пиджаке и сказать доверительно: «Я же вижу, *Вы образованный человек*, Вы меня поймете, да-а?» Если хочешь польстить грузину, этот номер не пройдет. Надо сказать: «Я знаю, *Вы из интеллигентной семьи...*». На Кавказе, если старший зашел в комнату – надо встать, а если он просто прошел мимо – надо сделать движение, *как будто* ты встаешь. Это движение делают адвокаты, отвечая судьбе: «Да, ваша честь!» Привычные жесты – верхняя одежда обычаев. А обычаи надо чтить и соблюдать. Нельзя дерзить обычаям – это добром не кончится. Бывают старые разведчики. Бывают дерзкие разведчики. Не бывает старых дерзких разведчиков. Кстати о старых разведчиках и их привычках... Его любимого преподавателя Владимира Николаевича Соколова все ученики звали за глаза Colonel «Elsewhere»* за его привычку при рассказе даже своим ученикам о каком-либо случае из своей богатой происшествиями жизни никогда не называть город или страну – «Once, when I was... ..well... elsewhere» – «Однажды, когда я был...ну, *где-то*, я...». Так вот он научил Константинова очень полезной привычке. Если не спится, то не надо считать слонов или баранов. Надо вспомнить какой-нибудь из городов, где ты жил, и мысленно пройти от своего дома до, например, городской управы, четко вспоминая каждый дом, перекресток, названия магазинов и

* Colonel «Elsewhere» – полковник «Где-то».

автобусных остановок, запахи кофеен и звуки уличного движения, крики продавцов и зазывал, ощущение мягкого от жары асфальта или холодной чавкающей массы полурастаявшего снега под ногами.

Запахи и звуки – они помогают запоминать малейшие подробности, и через многие годы с их помощью можно вспомнить о событии, которое ты тщетно искал в тайниках своей памяти...

Константинов оглянулся: там, в километре всего, за рекой Арпачай, была Турция. Вон и стекло стереотрубы блеснуло в лучах закатного солнца – турецкие пограничники отлично видели его. Да что там его – они видели, наверное, что его шашлык уже безнадежно высох. Скоро стемнеет. Здесь, на юге, солнце не болтается у горизонта перед закатом, медленно опускаясь по пологой линии. Еле дождавшись ужина, оно стремглав опустится по прямой, и после заката сумерки будут очень коротки. Наступит те мная южная ночь. В 8 пограничники сменятся на посту, и старая смена уедет в Мейданджик. Он вспомнил маленький городок, кривые, но чистые улочки домов из известняка, голос муэдзина с минарета украшенной изразцами мечети. Он побывал и в Хопе, на берегу моря, и в Борчке под Артвином, и в Мейданджике в уезде Шавшат, где располагались батальоны 14-й пограничной бронекавалерийской бригады. Ни брони, ни кавалерии в бригаде не было. Просто турки следовали британской традиции сохранять названия воинских частей – мол, сохраняются и их боевые традиции. Бригада охраняла турецкую границу от Черного моря до Арагаца.

Слава чиновникам министерства внешней торговли, придумавшим звучные термины – «приграничная торговля», «народная дипломатия» и прочие новшества. Да и распространенная практика встреч пограничных комиссаров для решения назревших местных проблем была очень полезна. Все эти новые веяния и умение находить общий язык с восточными людьми помогли ему, начальнику разведки самой боеспособной армии Закавказского военного округа, не только побывать на той стороне границы, но и сблизиться с некоторыми офицерами 14 БРКБР, а ближе всего – с командиром седьмой погранзаставы, в зоне ответственности которой он сейчас и находился. Он ждал возвращения Грека. Окно для его перехода было открыто два часа тому назад и закроется через два часа. План был одновременно и смел и прост. На сегодня была назначена встреча пограничных комиссаров для урегулирования вопроса о перегоне двух больших стад турецкого крупного рогатого скота через границу для его переработки на Ленинканском мясокомбинате. На юге СССР, несмотря на мудрые решения руководства и созываемые регулярно совещания по обмену опытом, не хватало скота, а у чертовых турков его было в избытке, хотя у них полностью отсутствовало партийное руководство. Константинов усмехнулся. Не находятся ли эти два понятия в обратной друг от друга зависимости? Больше партийного руководства – меньше мяса? Не ерничай, полковник, одернул себя Константинов, ты ведь на партсобрании этого не скажешь... Так вот, на переговоры отправились пограничные комиссары. Вот только настоящих комиссаров было не два, а только один – начальник нашей погранзаставы. Вместо второго через границу, у всех на виду, в пограничной полевой форме, пошел

двоюродный брат турецкого офицера-пограничника, турок-месхетинец Ахваз Озден. Константинов сообщил наверх, что у него появился ценный контакт на той стороне. Контакт был ценен не только тем, что был офицером-пограничником, начальником погранзаставы, а и тем, что был уязвим – у него был секрет от своего командования. Турки не признавали никаких национальных меньшинств на своей территории. Черкес ты по происхождению, курд или месх – ты должен быть только турком, иначе не только на офицерскую должность в армии, но и простым писарем в сельскую управу не возьмут. А офицер Махсуд Озден был месхетинцем, но тщательно скрывал этот порочащий его по турецким понятиям факт. Константинов узнал об этом от начальника соседней заставы. Когда после обильного застолья Константинов пригласил своего визави «выйти покурить» – тот с удовольствием согласился. Турецкое командование, зная стойкость русских в распитии спиртных напитков, строго-настрого ограничило общение турецких офицеров с ними принятием пищи, но не спиртного. А о содержимом фляжки Константинова уже шли слухи – и не зря. Для некоторых избранных разливали иногда на Ереванском коньячном заводе старый выдержанный коньяк – и не в бутылки, а в литровые банки. Именно для таких вот фляжек или хрустальных графинов. Во время перекура, под влиянием ереванского КВВК – «коньяка выдержанного высшего качества», пожаловался пограничник на своего соседа – мол, досталась ему отличная застава – и по местности, и по доходности. Что ни месяц – то перегон скота, то мелкотоварный обмен. А вот у него – горы и ущелья, никакой радости. Везет же беспородным... На вопрос Константинова – почему сосед «беспородный» – тот поведал участливому русскому, что сосед – не настоящий турок, а турок-месхетинец. Да еще и брат его живет в Грузии, в Месхети. Сдать его начальству, что ли...

Сергей Александрович отговорил собеседника – не факт, что именно его назначат на освободившуюся должность, а для того, чтобы жизнь казалась завистнику посветлей, подарил ему – нет, конечно, не коньяк, а серебряную под карман пиджака плоскую фляжку, в коей коньяк и сохранился. А сам в следующий раз постарался поближе познакомиться с начальником заставы – месхетинцем. Брата его, проживавшего, кстати, не в Месхети, а в Тбилиси, вскоре разыскали и очень кстати арестовали за торговлю валютой – тяжкое по тем временам преступление. Впрочем, если бы не валюта, то нашлось бы какое-нибудь другое преступление – не менее тяжкое. Брат-пограничник согласился выручить его и обменять на человека, который подойдет на заставу «с той стороны». Вот так и вышло, что открылась возможность организовать «окно» на границе. Турок с двумя набитыми старыми газетами портфелями пойдет с советским начальником заставы на ту сторону и останется на заставе своего брата, а Грек, передевшись в его полевую форму и переложив свои бумаги в портфели, пойдет назад с нашим пограничником. Комар носу не подточит. У советских двое ушли, двое пришли. У турков двое пришли, двое ушли. *Все бьет*, как говорил начальник финчасти штаба 7-й гвардейской армии Толя Козлов.

ВСЕГО МЕСЯЦ МОЛОДОСТИ...*

(Сообщения АФП)

Сентябрь, 1967

АФП-119

5 сентября

Балтимор, Мэриленд

Полиция арестовала японского ученого, который, по официальному заявлению, попытался отправить секретные данные космических исследований в Японию в 3-х больших ящиках, помеченных – «домашние вещи». Доктор Хидебуми Хазама, 39 лет, был задержан в аэропорту «Френдшип» в Балтиморе, когда он сажал свою жену и детей на самолет, отправлявшийся в Лондон. Данные, которые доктор Хазама отправлял в Японию, касались исследования проблем функционирования человеческого мозга в космосе. Исследования проводились коллективом ученых НАСА, и у исследователей не осталось бы даже копии собранных данных.

Хазама отпущен под залог в 15 000 долларов и под поручительство первого секретаря посольства Японии в США.

pp 22 22.14

АФП-206

20 сентября

Стэнфорд, Калифорния

18-летняя дочь государственного секретаря Соединенных Штатов Маргарет Элизабет сегодня вышла замуж за 22-летнего негра, Гая Гибсона Смита. Он работает в аэрокосмическом агентстве НАСА. Обряд венчания состоялся в протестантской часовне Стэнфордского университета, где учится невеста. На ней присутствовали господин и госпожа Раск.

Все сохранялось в тайне, и журналисты не подозревали ничего, пока госсекретарь не прибыл в Стэнфорд. Брат Дина Раска, Джек Фойзи сообщил, что секретность была необходима, чтобы избежать демонстраций протеста. Муж обучается на пилота военного вертолета.

tr 22 20.12

АФП-017

21 сентября

Вашингтон

В столице распространяются слухи о том, что госсекретарь США Дин Раск предложил свою отставку президенту США Джонсону в связи с

* Все сообщения АФП – Агентства Франс Пресс – подлинные, с сохранением номеров (первая строка), даты (вторая), места, откуда поступило сообщение (третья строка). Последняя строка состоит из инициалов радиотелеграфиста, номера частоты (22 – это частота f=8020) и времени передачи по Гринвичу.

тем, что его дочь вышла замуж за негра, если этот факт может повредить администрации президента Джонсона. Семья Расков родом из южного штата Джорджии, где до сих пор соблюдаются сегрегационистские законы (то есть белые и черные не учатся вместе и запрещены межрасовые браки – *Пер.*).

pb 22 08.40

АФП-040

22 сентября

Нью-Йорк

В США ежегодно регистрируется более 1 800 000 браков. Около 8 000 из них – смешанные, но лишь 2 500 случаев, когда белая женщина выходит замуж за негра. У простых людей это может пройти без последствий, но когда семь лет назад негр Сэмми Дэвис женился на шведской кинозвезде Мэй Бритт, ее карьера в Голливуде закончилась – ей не дали после этого ни одной роли. И теперь, когда такой смешанный брак заключается в одном из 16 (!) штатов, где браки белых с представителями других рас запрещены, добром это не кончается. Среди этих штатов – Виргиния, Алабама, Флорида, Джорджия, Луизиана, Миссисипи, Теннесси и Техас.

laf 22 11.22

Попков. Москва. Начало

– Нет, ты не слышишь меня! Слушаешь, но не слышишь! Это – не подстава, это – не уловка, это – проверка моей, понимаешь – *моей* проницательности. И ты вовсе не провокатор, не предатель, ты – мой помощник в очень важном и нужном деле. Если мы проведем эту проверку и Константинов на нее не клюнет, или если он даже и согласится на твоё предложение, но каким-то образом сможет провести меня и не попасться – значит, я нашел достойного кандидата и буду с легким сердцем рекомендовать его и дальше. Ты знаешь мои возможности – куда. Пойми, мне очень трудно! У вас у всех безупречные анкетные данные. Отцы – или старшие офицеры и генералы, или высокопоставленные советские и партийные работники. У одного только Александровича отец не чиновник – так он знаменитость – певец, знаменитый тенор, лауреат государственной премии, народный артист! Это мне и проверять не надо – всех подбирали по определенным критериям. У вас отличное образование, языком вы владеете практически безукоризненно (ну, Литовченко не в счет), у вас безупречные характеристики... Но и что, скажи на милость, я могу из них почерпнуть? «Идеологически выдержан, делу Коммунистической партии предан, дисциплинирован, морально устойчив». У каждого из тридцати – в личном деле эти слова. А что мне-то прикажешь делать с вами – дисциплинированными, морально устойчивыми и идеологически выдержанными? Ведь полгода уже прошло, а отсеялись из всех языковых групп только шесть человек! Мне ошибиться нельзя! Вы же не знаете, что меня давно рекомендовали на генеральскую должность заместителя

начальника ВИИЯ, а я по милости такой вот характеристики одного из вас до сих пор начальником спецкурса штаны здесь протираю!..

Полковник Попков перевел дух, вытер платком бычью шею, покоился на стоявшем навытяжку лейтенанта.

– ...Ну, хватит этой риторики. Что я тебя уговариваю? Я тебе сейчас правду-матку в глаза скажу, а ты сам выбирай. Поедет в Ирак один – или Константинов, или ты. Константинов очень осторожен, он не доверяет никому, особенно москвичам. Вы с Балаяном приехали с ним из Орджоникидзе, вы однокашники, ты живешь с ним в одной комнате. Балаяну я не доверяю, слишком много кровей там намешано – отец армянин, мать – гречанка, и, хотя его дед – заслуженный строитель всего Советского Союза, ты – моя последняя надежда. Я не хотел тебе говорить, но признаюсь – я хотел бы, чтобы выбор пал на тебя: ты коренной москвич, русский, отец твой военный врач, подполковник, у меня душа не лежит к этим провинциалам – и хотя у Константинова отец второй секретарь обкома и друг члена ЦК Кабалоева, а что-то не нравится мне ни он, ни Балаян. Ну, с армянином просто – он у меня засветился с медсестрой из нашей клиники – поедет в Ленинанкан, на родину. А Константинова, если мы все сделаем правильно, отправим в Перевальное, под Симферополь – пусть воспитывает бойцов народно-освободительного движения юга Африки. Повторяю для особо сметливых: завтра к Константинову подойдет Молчанов и Александрович и пригласят в город на квартиру Молчанова отпраздновать день рождения ленинградца Кашпура. Мол, парень приезжий, живет, как и Константинов и Балаян, в офицерском общежитии, соскучился, небось, по семейной обстановке. А у Молчанова родители недавно уехали в Австралию – отца назначили генконсулом в Мельбурн. Вот почему приглашают не в кафе или ресторан, а домой к Молчанову. Если он им откажет, вся надежда на тебя – надо его уговорить. И можешь его хорошенько напоить. А потом смоешься на ночевку к своей тетушке. Я специально подменю на дежурстве подполковника Кузнецова в субботу. Вот и прихвачу нашего кавказца с поличным. А потом – комсомольское собрание проведем, выскажем товарищу наше недоумение – мы, мол, тебя командиром группы назначили, а ты... Никаких взысканий, конечно – просто поставить на вид на первый раз, но мне этого будет достаточно. А у начальника института генерал-полковника Танкаева не зря псевдоним – Ингуш. Он из ваших краев, с Кавказа. Так вот, он уже упрекал меня, что я зажимаю национальные кадры и провинцию. А с Ингушом шутки плохи, крутой, черт! Ну, иди, лейтенант, и смотри у меня – я не зря должен выходной день дежурным с палашом на бедре таскаться, мне Константинов нужен – тепленький, на блюдечке. А то вздумал меня, старого, учить – мол, уберите, товарищ полковник, из своего кабинета портрет Никиты Сергеевича – его уже несколько часов как сняли со всех должностей. И откуда он это вперед всех узнал, про Хрущева?

– Так ведь вы помните – нас тогда ночью увезли на радио – мы на всех языках читали в эфире сообщение о решении Политбюро. Гражданским дикторам не доверили, наверное... Я и Константинов – на английском, Половинкин и Захаров – на французском, Потапов и Цветков – на ис-

панском. Причем читали сразу оба из каждой пары – из разных кабинок, а чей голос шел в эфир – мы так и не узнали. Как с радио вернулись, так он к Вам и зашел, предупредить хотел, наверное. Он не со зла...

– Ну ладно, проехали! Помни, что я тебе сказал. Вопрос стоит именно так – Ситников или Константинов. Твоя судьба – в твоих руках. Да, еще не забудь себе обеспечить алиби – ночевку у своей тетки, а то припрешься с ним вместе поддатый – что я буду делать? Обоих на собрании пропесочивать? Александрович поедет в Канаду, его отец через международный отдел ЦК ВЛКСМ ему место обеспечил, Молчанова мать устроила здесь, в Москве, в 10-е главное управление, кадровиком по заграничным, каковым был и его покойный отец, – у него свадьба скоро, ему не до загранички сейчас. Литовченко не знает язык и никогда знать не будет, его хоть в Вашингтон отправь – за папиной спиной не привык сынок зубрить глаголы. Значит, возьмут в политуправление московского округа, к отцу. Гаппаров пришел из Воениздата, неизвестно зачем, туда и вернется. Вот и все англичане – нет у меня свободных, как видишь. Все рассчитано. Выпуск на носу. Понял?

– Так точно, товарищ полковник.

– Ну, если понял, то выполняй. Или пеняй на себя.

Ситников. Кипр. Завершение

Юрий это понял уже давно. Дождаться, как именно и под какими предлогами полковник Попков будет продвигать «нужных» людей в спецшколу ГРУ, или за границу в «хорошие страны», или в московский штат второго и десятого Главных управлений Генштаба – разведывательного и международного сотрудничества, ему нужды и тогда, в 67-м, не было. И в ГРУ он не стремился. Они, чего доброго, начнут проверять будущего сотрудника, вынюхивать, что да как, и узнают, что Юра с молодых ногтей – секретный сотрудник другого ведомства. Его, студента иняза, приехавшего на каникулы к отцу в венгерский городок Кишкунлацхаза, где базировался 14-й гвардейский ордена Суворова истребительный авиационный полк, привлек к интересной игре в контрразведчиков начальник особого отдела авиаполка, где отец был военврачом. Он назначал Ситникову встречи на улицах городка, где тот, увидев его, должен был следовать за ним на приличном расстоянии, а затем войти в тот же подъезд, куда зашел майор. Там, всегда на первом этаже, была конспиративная квартира. Потом Юра понял, почему на первом – у конспиративной квартиры всегда должен был быть второй, запасный выход. Первый раз он был буквально ошеломлен: шел по улице за особистом, одетым в модную тогда болонью, на расстоянии 10-12 метров. Зашел за ним в подъезд и увидел, как дверь левой квартиры тихонько закрыла рука в синем болоньевом рукаве. Закрылась, но английский замок не щелкнул – открыто! И вдруг, зайдя в квартиру, он увидел, что жилая комната пуста. Не было майора ни на кухне, ни в туалете. Пусто. Ошарашенный, вернулся в комнату и подошел к окну. И вдруг услышал сзади щелчок английского замка – и в комнату с улицы вошел особист.

Потом только понял. Ничего сверхъестественного: книжный стеллаж поворачивался на петлях, открывался ход на черную лестницу, выходящую во двор жилого дома. Обогнуть угол дома и снова войти в парадное – дело одной минуты. А результат-то каков! Озадаченный собеседник готов и вправду поверить в безграничные возможности организации, сотрудники которой могут проходить сквозь стены, исчезать и появляться, как в сказке! Ну, а рассказ о том, как иностранные спецслужбы хотят всеми правдами и неправдами переманить наших офицеров и членов их семей на свою сторону, завербовать их и использовать в своих целях, был так естественен и настолько совпадал со всем, что каждый день звучало по радио и телевидению, что предложение поработать для соблюдения чистоты наших рядов выглядело не как вербовка, а как проявление высшего доверия облеченных властью и озабоченных государственными тайнами людей к нему, молодому, но, несомненно, выдающемуся человеку – ведь недаром выбор пал именно на него! Ситников подозревал, что полковник Попков тоже сотрудничает с госбезопасностью. Но участвовать в грязноватых играх Попкова, вовсе не связанных с госбезопасностью и попахивавших самоуправством, ему не хотелось... Конечно, он знал, почему Попков до сих пор не щеголяет генеральскими лампасами. Полковник заблуждался, думая, что эта великая тайна на курсе никому не известна. Молодой он был, только что получил звание полковника, поверил вот этим самым словам – выдержан, предан, дисциплинирован, устойчив – и подмахнул рекомендацию в Военно-дипломатическую академию ГРУ подполковнику Олегу Владимировичу Пеньковскому, тоже родом из Орджоникидзе, как и три мушкетера – однокашники Сережка Константинов, Армен Балаян и Юрий Ситников. (С тех пор при словах Осетия, Орджоникидзе у Попкова волос на голове матюком встает – обжегся на молоке, полковник, а дуешь на воду!) Да еще они с Пеньковским были одногодки... Ну, как не поверить в исключительную положительность такого же молодого и перспективного, как и ты сам, подполковника? А тот возьми да и стань знаменитым на весь мир шпионом. Знаменитый шпион – или разведчик, как вам угодно – при жизни – это парадокс! Шпион должен быть или жив и незаметен, или знаменит, но мертв. Как Зорге. Или, еще лучше – как скромные и незаметные супруги Михаил и Елизавета Мукасей – агенты-нелегалы, закончившие разведшколу, специализируясь по английскому и бенгальскому языкам, а проработавшие всю жизнь в Европе и Израиле со знанием родного еврейского – идиша, не провалившиеся до конца, вернувшиеся в СССР в 1977 году и закончившие свою карьеру преподавателями в школе СВР. Он был уверен, что его учителя, так трогательно державшиеся за руки, прогуливаясь по коридору в перерыве между занятиями, проживут, как сказано в сказке: «Они жили счастливо вместе и умерли в один день». Юра, прожив на Кавказе всего пару лет, знал – это счастье. В идеале после долгой совместной жизни мужчина должен уйти первым. Нет ничего неприкаютнее, чем мужчина, оставшийся вдовцом в старости. Похоронив его, жена может прожить еще несколько лет – ее совесть чиста, она выполнила свой долг! Да и переносят старость женщины лучше, чем мужчины.

Ну, бог с ними, со всеми. Попковыми, Пеньковскими и Мукасеями. Свои проблемы надо решать. Никакой он не предатель! Человек не сразу становится Иудой. Первое, небольшое предательство – это как прививка. Вирус в ослабленном виде попадает в кровь. Лихорадит, конечно. И самочувствие поганое. И укол под лопаткой ноет, как больное сердце. Но всегда есть оправдание – другой человек, его злая воля: полковник Попков, сволочь, принудил, не дал возможности выбора. Второе предательство сопровождают громкие слова: затронута честь мундира, большие государственные или важные ведомственные интересы. А третье – уже образ жизни, здесь те привычные высокие слова перемешиваются с житейской «мудростью»: жизнь подлая заставила, а мы что – мы люди маленькие, выхода не было, цель оправдывает средства, не я, так другой, какая разница, таковы правила игры, начальство само приказало, оно не осудит, а другие не узнают. Не я же виноват, что нет горше соперничества, чем у ГРУ с СВР, у военных разведчиков и комитетовских...

Иуда... Как бы не так! Не всем же на осине болтаться, да и денег я за это не брал, какие там сребреники! Ну, хватит самоедства. У нас у всех есть свой скелет в шкафу. Необходимо научиться жить с этим. Надо отвлечься, переключиться. Надо «сделать перебивку». Эту способность мгновенно переключать мысли в другое русло он воспитал в себе еще в Минской школе КГБ, а с годами довел ее до автоматизма. Ему не надо было делать никаких усилий – стоило только дать себе команду – «переключись!» – и задать задание, как мгновенно начинало работать параллельное мышление. Юрий с детства удивлялся людям, которые говорили собеседнику: «Не волнуйся, не думай об этом – тебе же вредно!» Да разве мы вольны в своих мыслях и переживаниях? Он вспомнил, как издевались над ним в институте за тему его дипломной работы. У всех работа как работа. У Константинова – «Политическая лексика английских и американских газет и журналов», у Балаяна – «Метод Палмера как основа преподавания иностранного языка в дошкольных учреждениях». Звучат нормально! Не то, что у него: «Глаголы движения в произведениях Байрона». Вспомнить стыдно! Девчонки с постными мордочками подходили к нему и, притворно стесняясь, спрашивали: «Юрочка, а глагол “fuck” можно считать глаголом движения? Ведь без движения... это... ну, как бы это сказать... в этом деле никак нельзя? Как ты считаешь?» Дурочки! При его стеснительности он готов был сквозь землю провалиться! Вот тогда он и подумал впервые, что хорошо бы владеть собой так, чтобы можно было переключать мысли в нужное русло по желанию, не краснея так мучительно... Ну, ладно. Все! Переключаюсь! Перечисляю все произведения Байрона с заглавием в одно слово. Начал! *Лара... Манфред... Гяур... Каин...* не отвлекаться, при чем здесь Авель? Авель сам его спровоцировал! Да и неизвестно, Каин ли убил, или... Продолжай! *Остров... Бенпо... Мазена... Сон... Темнота... а десятое? Лара? – нет, уже было... ну, конечно же, Сарданал!* Вечно я его забываю. Ничего себе имечко, почти *Навуходносор... Сарданал – брат Аиурбанипала... или Навуходносор – их брат?* Попков им всем брат!

А, может, Попков – царь Ирод?

Или Попков – первосвященник Каиафа?
Тогда я...
Стоп! Господи, прости и помилуй меня, я устал!
Напиться, что ли...

ВСЕГО МЕСЯЦ МОЛОДОСТИ

Октябрь 1967

АФП-78

5 октября

Лондон

Министр иностранных дел Великобритании Джордж Браун, отвечая на вопросы о своей привычке к спиртному, заявил: «Сейчас, если не пьешь, то умрешь». Разговор о его злоупотреблении алкоголем возник из-за редакционной статьи в газете «Дейли Миррор», в которой было сказано: «Беда не в том, что г-н Браун пьет слишком много, а в том, что ему нельзя пить вообще. Парень-рубаха Джордж родился таким, что даже просто глоток содовой делает его поведение непредсказуемым». Министр в ответ сказал: «Кто скажет, что сэр Уинстон Черчилль не пил спиртного?»

Rh 22 07.23

АФП-111

11 октября

Меридиан, Миссисипи

Сержант полиции Меридиана Уоллес Миллер заявил в среду федеральному районному суду, что Сэм Боуерс, «имперский маг» Ку-Клукс-Клана, приказал умертвить 24-летнего белого противника расовой сегрегации Майкла Швернера. Сержант, который признал, что является осведомителем ФБР, сообщил, что получил от ФБР вознаграждение в 2400 долларов. Он сообщил, что узнал о приказе главы Клана от Эдгара Рэя Киллена, одного из 18 обвиняемых в убийстве трех борцов за гражданские права. Трупы Швернера, Эндрю Гудмена и Джеймса Чейни были обнаружены после полутора месяцев поисков под 3-х метровой земляной плотиной. Сержант заявил, что Киллен вербовал его в Ку-Клукс-Клан. «Сейчас наша цель, – сказал он, – не допустить, чтобы негры посещали школы вместе с белыми».

Ir 22 07.28

АФП-263

30 октября

Лондон

Бывший глава КГБ Александр Шелепин инспектировал специальное подразделение советских войск в Египте, состоящее из уроженцев со-

ветских среднеазиатских республик, которые носят египетскую форму, сообщил Йон Кимче – известный специалист, пишущий о ближневосточном конфликте.

gsk 22 22.16

АФП-299

31 октября

Анкара

Лидер турков-киприотов Рауф Денкташ, арестованный при попытке высадиться на Кипр с двумя своими соратниками, Османом Конаком и Ерролом Ибрагимом, покинул Турцию, по заявлению официального представителя, без разрешения турецкого правительства. Турецкое правительство попросило своего поверенного в делах в Никосии связаться с миротворческими силами ООН на острове, чтобы получить полную картину происшедшего.

ph 22 22.10

АФП-328

31 октября

Никосия, Кипр

Подразделения национальной гвардии Кипра приведены в боевую готовность из-за ареста Рауфа Денкташа, лидера турков-киприотов. Денкташ, которому запрещено высаживаться на острове, был арестован при высадке на юго-востоке острова. Неподтвержденные сообщения утверждают, что на лодке было также обнаружено оружие. Правительственное коммюнике утверждает, что арестованные сообщили, что их лодка была доставлена к Кипру турецким судном.

bon 22 00-42

АФП-329

31 октября

Никосия

Президент Кипра архиепископ Макариос встретился сегодня с генералом Джорджем Гривасом, командующим греческими силами на Кипре, как только получил известия об аресте Денкташа. Обозреватели считают возможными последствиями этой высадки и ареста Рауфа Денкташа эскалации напряженности на острове и возможные столкновения между греками и турками-киприотами.

Денкташ, бывший президент палаты турецкой общины на острове, жил последнее время в Анкаре. Он покинул Кипр после столкновений между турками и греками в конце 1963 г.

Он посетил лондонскую конференцию по урегулированию кипрской проблемы как представитель турков-киприотов. Но после конференции въезд на остров был для него закрыт.

bon 22 00.44

Балаян. Кобулети. Начало

Кобулети – райский уголок земли на побережье Черного моря. Весь город – это длинная, километров шесть, улица вдоль полумесяца бухты. В начале улицы – сквер, типовое здание горсовета и горкома партии, милиция, почтамт, банк, кинотеатр – там нам делать нечего, это официальная часть города. А вот дальше по улице-дуге – милые нашему сердцу баня, базар, санатории, выстроившиеся один за другим вдоль сверкающего мелким белым песком пляжа. Это – еженедельный воскресный маршрут молодых офицеров. Баня с парной в воскресенье – святое, на этот кусочек свободы своих подчиненных не покушается даже командир радиоразведывательной части майор Коваль – по мнению младших офицеров – душитель свободы, жадина и демагог. На самом деле – обычный командир части. Впрочем, санатории интересуют только начальника секретной части старшего лейтенанта Александра Толстого. Он, несмотря на свою фамилию, настоящий грузин, и очень озабочен качественным отдыхом прибывающих в эти санатории блондинок. Только блондинок. Остальных он предоставляет заботам местного населения. Между санаториями, в качестве пограничных столбов, стоят однотипные деревянные киоски. В них – совершенно одинаковый набор продуктов, вернее, напитков. Сладковатая «Столичная», сделанная в Очамчири из инжира, простая чача и (внимание!) «чачико» – ласковый суффикс потребители присвоили этому напитку за его благородную крепость и выдержку – это выдержанная чача, приготовленная по коньячному способу – с дубовой клепкой. Патриарх продавцов этого курортного променада батано Валико характеризует ее очень колоритно – будучи представителем старшего поколения, он говорит: «Это – довоенного качества напиток!» Высшая оценка в Кобулетях... После парной идем на базар, выбираем самую лучшую ставриду и начинаем путь вдоль «санаторного проспекта» – в каждом киоске выпиваем по стопке чачико и на полном серьезе обсуждаем достоинства и недостатки – как в рекламе – «богатый, насыщенный вкус!», «тонкий, благородный аромат!».

На самом конце дуги, которой Кобулети охватывает голубую с прозеленью бухту – неожиданные для этого умиротворяющего пляжного пейзажа колючая проволока, покосившиеся и совсем не грозные щиты «Запретная зона. Проход посторонним запрещен». За проволокой – антенны, нацеленные на невидимый отсюда турецкий берег. Местные жители на эту экзотику никакого внимания не обращают и продолжают в нескольких метрах от грозных предупреждений ловить основной продукт этой благословенной бухты рыбу «иглу» – разновидность ставриды, только очень тонкую и длинную, что и объясняет ее имя. Копченая «игла» – лучшая рыба в Кобулетях.

Чуть выше полоски пляжа – несколько кирпичных зданий – штаб, казарма, клуб-столовая, автопарк, и несколько уютных и совсем не военного вида деревянных «финских домиков». Здесь живут семейные и прикомандированные офицеры. Один домик занимал два раза в год по

месяцу и Балаян. Весной и осенью он приезжал из Тбилиси в Кобулет. Туда отбирают солдат из крупных городов Союза, где есть специализированные школы с углубленным изучением английского языка, или недоучившихся студентов. Задача Армена – за месяц научить их особенностям радиоперехвата. То есть сделать из них «слухачей» – радистов, способных на слух воспринимать и записывать содержание радиорелейных и радиотелефонных переговоров натовских штабов. В автопарке – ряды мощных приемных станций с огромными «кунгами» – кузовами, наштипованными мудреной аппаратурой для обнаружения, подслушивания, записи и пленгования радиообмена противника. Через месяц Армен принимает у них зачеты, комиссия присваивает им 4 разряд радиста, и они начинают свою службу – 6 часов перехвата, 3 часа занятий, 7 часов сна, 6 часов караульной службы, 2 часа свободного времени. Но... разведка должна быть непрерывной, а потому – все это по скользящему графику. А еще надо побелить казарму, покрасить облупливающиеся тягачи, кунги, антенны – солнце в Кобулет мягкое только на пляже! Интересно, где взять на это время... 4 смены радиоперехвата в сутки сменяют друг друга – это смысл существования «хозяйства Ковалея» в столь экзотическом месте, их трогать нельзя. Караул и строевые занятия расписаны до минут в Уставе. Занятия политподготовкой замполит сократить не даст. Значит, за счет свободного времени... Так и идет солдатская служба – «через 6 по 6». Ну, а служба у офицеров хороша тем, что их воинская часть расположена в Кобулет, но плоха тем, что выбраться отсюда за границу или в центральную Россию практически невозможно. Здесь служили, старели и уходили в отставку, навсегда сохраняя грузинский акцент и ненависть к сладковатой водке из инжира...

Когда Балаян первый раз прибыл к нему в часть, командир представил его офицерам части, и разместил в финском домике для командировочных. После нескольких дней занятий все вошло в привычное русло, и новичок почувствовал, что вечерами здесь скучновато. У Ковалея стоял лишний телевизор, и Балаян попросил его на время своей командировки. Коваль устремил на него удивленный взгляд своих ясных голубых глаз: «Армен, ты же знаешь, что есть три вещи на свете, которые нельзя доверять даже друзьям – это жена, деньги и телевизор!».

Когда он рассказал об этом Сане Толстому, тот заржал от удовольствия: «А ты попробуй, попроси у него через пару дней еще что-нибудь! Не важно, что. Ответ будет аналогичным – только третьим элементом в этом перечислении будет именно то, что ты попросил». Балаян не поверил. Через три дня он обратился к Ковалю и попросил у него на пару часов фотоаппарат. Пленка, мол, у меня есть и я хотел бы сфотографироваться с ребятами на пляже. Голубизна чистого взгляда, устремленного на просящего с искренним и неподдельным удивлением, могла соперничать с небом над бухтой Кобулет: «Армен, неужели тебе никто не говорил, что никогда нельзя давать в долг друзьям жену, деньги и фотоаппарат?».

Майские праздники пришлись на время командировки, и Балаян, уезжая в Кобулет из Ленинакана, прихватил с собой три бутылки нормальной, не сладкой, как в Кобулет, «Столичной» водки. Пригодятся.

Построение личного состава Коваль решил, кроме праздничных поздравлений, посвятить «воспитанию личного состава». На этот раз он выбрал тему борьбы за чистоту русского языка. То есть посвятить беседу борьбе с матерщиной в солдатской среде. Беда была в том, что все его подобные выступления перед солдатами (независимо от темы) обязательно скатывались в наезженную колею стандартных фраз. Их наизусть знали все офицеры и солдаты части. О чем бы он ни хотел поведать подчиненным, он не мог избежать роковой концовки из нескольких понятных, но не связанных между собой фраз: «Все мы... разведчики... на этом маленьком клочке земли... позади наша Родина... впереди – территория вероятного противника... все как один... непоколебимо... полны решимости...». А дальше – одно короткое замыкающее предложение, например: «Сдать итоговую проверку на «отлично!»... Вольно! Разойдись!». Вот и сегодня Коваль, кратко описав, как он был потрясен грубыми словами, сказанными одним молодым солдатом другому, остановился перед строем на минуту, словно бы в раздумье. Балаян, как прикомандированный, не участвовал в построении и сидел в комнате дежурного по части, окно которой выходило прямо на плац. Из открытого окна была видно широкую спину Ковалья и стоящих перед ним солдат, прапорщиков и офицеров. Начальник секретной части Александр Толстой, дежуривший в тот день, видимо, досконально изучил повадки Ковалья. Своей гауптвахты у Ковалья не было, а без секретчика в разведывательной части и дня не проживешь. Всех возможных выговоров Саня набрал уйму и Ковалья не боялся – «меньше лейтенанта не дадут, дальше Кушки не пошлют». И когда тот сделал задумчивое лицо и сделал глубокий вдох, чтобы приступить к завершающей фазе своей речи, Саня свистящим шепотом стал подсказывать ему из окна:

– Все мы...

– Все мы... – вторил Коваль.

– Разведчики...

– Разведчики...

– На этом маленьком...

– На этом маленьком клочке земли... – Армен уже видел, как напряглась спина Ковалья и сжались кулаки. Лица стоявших в строю покраснели от сдерживаемого смеха.

– ...позади Родина...

– ...позади наша Родина...

– ...впереди территория...

– Толстой! Прекратите мне подсказывать на ... !!!

Беседа о недопустимости сквернословия была безвозвратно загублена...

Как, впрочем, и назидание о недопустимости употребления спиртных напитков рядовым и сержантским составом, которую Коваль решил провести после очередного увольнения. В части служили несколько солдат из местных, и их отпускали иногда на выходные навестить родных. Те, не будучи дураками, присылали подарки – местные блюда и лучшие вина командиру части и старшине, чтобы чадо отпустили и в следующий раз. Но... подарки командирам – это одно, а как солдат будет смотреть своим

друзьям в глаза, если не принесет и для них «гостинцев»? Ясно, что надо попытаться пронести и им чурчелы, ставридки и заветную бутылочку. Вот и решил Коваль провести рейд по «недопущению» спиртного в казарму. Старшина роты конфисковал на проходной три бутылки чачи и передал их Ковалю.

– Вылей воду из графина и перелей туда две бутылки чачи, – приказал Коваль старшине.

– Так ведь, товарищ командир, в графин поместятся все три!

– Без сопливых знаю! А солдатам что предъявлять будем? Теперь налей в эти две бутылки воду и закупорь. Построишь личный состав, я проведу с ними беседу о недопустимости пьянства, и при них разобью о крыльцо штаба сначала две бутылки с водой, а потом, сверху – одну с чачей. Когда мы уйдем, солдаты наверняка проверят – действительно ли мы спиртное уничтожили. А у чачи такой запах, что одной бутылки за глаза хватит. Понял, недотепа?

Так и сделали. Коваль разъяснил солдатам, что пить советскому военнослужащему совершенно нельзя, закончил любимым отрывком про разведчиков, Родину позади и территорию вероятного противника впереди и, очень довольный собой, залихватски трахнул первую и вторую бутылки о крыльцо штаба. Но с третьей вышло не очень гладко. То ли рука дрогнула (жалко ведь!), то ли ветерок пахнул, но бутылка разбилась с хлопком и с брызгами. Одна крупная капля попала на верхнюю губу Ковалю. Скосив на нее глаза, Коваль секунду колебался – что делать. Строй замер. Тут у Ковалю сработал инстинкт – видимо, вдохнул запах чачи – и он четко, «раз-два!», как и подобает военному, слизнул каплю с губы. Строй зашелся от хохота, не оценив военной выправки командира...

Закончив натаскивать радистов к 9-му мая, Армен явился к командиру доложить, что зачеты сдали все солдаты и он готов ехать. У Ковалю в кабинете сидел его замполит. Выслушав доклад, Коваль сказал:

– Куда торопишься? Хочешь у себя в части попасть дежурным на праздники? Поедешь после праздников! Да вот и Алексеич говорит, что нехорошо нам после торжественного собрания разбежаться по своим домикам. Солдаты пойдут на праздничный ужин, молодежь – к Валико, а вы, холостяки-переростки, приходите ко мне – жена домашнего что-нибудь приготовит. Кстати, – тут он невинно уставился на Армена своими голубыми глазами, – если у *кого-нибудь* есть нормальная, не сладкая водка, то можно захватить с собой парочку флаконов – инжирная надоела, да и чачико тоже...

Балаян был поражен его осведомленностью о его запасах, но деваться было некуда. Завтра, значит, ребятам достанется только одна бутылка «Столичной». После собрания командир и замполит пошли посмотреть, как покормят солдат, а Армен, переодевшись в гражданскую одежду, отправился к Ковалю домой. Передав хозяйке (как могут различаться муж и жена – добрее и хлебосольнее Танечки не было человека в Кобулетии!) две бутылки «Столичной», он вышел на крыльцо покурить и подождать хозяина (оставаться даже на короткое время наедине с посторонней замужней женщиной нельзя – это правило кавказского этикета не раз убе-

регало Армена от неловких ситуаций). Он стоял на веранде финского домика, курил и представлял себе, с каким удовольствием сейчас Коваль смотрит на проходящие в столовую взводы, которые при виде командира подают команду «смирно!» и переходят на строевой шаг, приветствуя его. Торжественность момента нарушал только солдатский любимец – поросенок Васька. Поросянок был местной, грузинской породы, поросший редкой черной щетиной и необычайно шустрый. Такой шустрый, что все офицеры утверждали, что это особая порода – «свинья грузинская беговая». Откуда он взялся, никто не знал, но он стал настоящим служивым и твердо заучил армейское правило – держись подальше от командира и поближе к столовой. Чтобы он не лазил в огород к Ковалю и его прапорщику, ему на шею приладили треугольник из ящичных дощечек, которые мешали ему протискиваться между штакетником забора. Но сегодня он и не хотел в огород. Безошибочное чутье подсказывало ему, что у солдат будет праздничный ужин с тортом и киселем, а, значит, перловки из гарнира останется много. Вот он и встречал подходящие колонны солдат, радостно вертя хвостиком, но не забывая находиться на противоположной от Ковалья стороне строя. Подальше от командира, поближе к столовой. Забавная картина...

Через полчаса пришли Коваль и замполит, и все уселись за праздничный стол. Застолье текло своим чередом, и две бутылки «Столичной» и бутылка коньяка, которую принес, да и пил сам Виктор Алексеевич, опустели. Коваль обратился к Армену:

– Нехорошо смешивать напитки! У тебя там...еще ...

Танечка попыталась остановить мужа:

– Хватит уже водку пить, давайте я вам чай приготовлю, у меня варенье инжировое есть!

Ковалья аж перекосило.

– Про инжир мне ни слова! Тащи еще грибов соленых!

Замполит решительно поднялся.

– Я пас, мне надо готовиться к экзамену в академию!

Но Коваль уже уперся:

– Ничего, иди, мы с Арменом можем и сами продолжить!

Деваться Армену было некуда – надо идти в свой финский домик за подкреплением. Виктор Алексеевич поблагодарил хозяйку за хлеб-соль, и они удалились. Когда Балаян через десять минут вернулся, у Танечки голова была перевязана вафельным полотенцем и глаза заплаканы. Она молча убирала лишние приборы со стола, пряча от Армена глаза. Коваль, наливая водку в рюмки, обратился к гостю с искренностью, достойной Станиславского:

– Армен, я вот о чем часто думаю: и как это у других офицеров жены выживают? Вот ведь как я Танечку люблю, как лелею, а все равно – что-нибудь, да случится! Представляешь: ты ушел, а я хотел с Танечкой поиграть – ведь предпраздничный вечер, душевное застолье... Хотел шутя кинуть в нее диванной подушкой – так надо же, *табуретка под руку попала!*

Теперь пришла очередь Армена прятать от Тани глаза. Не мог же он, в самом деле, вмешиваться в чужие семейные отношения...

На другой день Балаян решил после обеда ехать домой и в баню не пошел. Перед обедом зазвонил телефон: «Это дежурный по части. У нас ЧП. Товарищ капитан, помогите! Я в части один, командир с замполитом уехали на возложение венков, а из санатория имени Калинина медсестра позвонила, говорит, что у входа в санаторий *наши офицеры на деревьях висят!* Буквально так и сказала! Беда!».

По возможности успокоив его, Армен сел в дежурную машину и поехал к санаторию. Картина, которую он застал, была достойна кисти Кукрыниксов. У входа в санаторий росли из одного корня две пальмы. Стараясь избежать тени друг друга, они росли от самой земли под углом, буквой V. На этих наклонных стволах, каждый на своем, глупо улыбаясь, полулежали два молодых лейтенанта. Они, как стало понятно из их лепета, зашли после бани на рынок купить пучок «иглы». При взгляде на аппетитную копченую рыбку у них появилась вполне понятная идея – выпить по кружке пива. Как же русскому человеку не выпить пива после баньки, да при хорошей рыбке? Только не учли они, что чачико после этого ни в коем случае пить нельзя. Вот и повисли – голова соображает, а ноги не несут... Повезло ребятам... Век должны благодарить бога, что Коваль и Виктор Алексеевич задержались у городского начальства после возложения венков, а то бы он их по-другому повесил сушиться!

Это был последний приезд Армена в Кобулету. Через месяц на Ближнем Востоке началась война, и его размеренной жизни в ЗАКВО пришел конец.

Он ждал эту войну, как божий дар. Какой-то умник из контрразведки придумал правило, что офицеры военной разведки не могут ездить в мирное время за границу – велика возможность разглашения секретной информации. Он, наверное, не знал, что если кто-то захочет ее разгласить, ему не надо куда-то ехать. Охотники до секретной информации есть везде – их искать не надо. Если ты обладаешь секретной информацией, тебя найдут. Если разведчика никто не хочет перевербовать – значит, он не интересен. Это может быть только по двум причинам. Или потому, что его информация уже известна противнику, или потому, что запрашивают непомерную цену – нет, не деньги (их бы не пожалели), а другую информацию, в обмен. Так вот, в мирное время ехать радиоразведчикам за рубеж нельзя. Другое дело – война. Тут все Александровичи и Литовченки сразу теряют интерес к поездкам в воюющие страны, и возникает вакансия для Константиновых, Балаянов и Ситниковых – а покажите-ка, ребята, на что вы способны, а то сидите в своих Тьмутараканях, пригреблись на Кавказе, в Крыму – в Перевальном, или в Капустинном Яре и Красноводске! Слетайте, например, перегоните бомбардировщики из Североморска в Каир-Вест или перевезите на «АН-12» истребители в Бени-Суэйф! Или доставьте боеприпасы под видом бурового оборудования курдам в Ирак. Это вам не чужие радиogramмы перехватывать да расшифровывать. Или листовки на иностранном языке писать. Растрясите кабинетный жирок! Только, чур, если вас поймут, мы здесь не при чем – это ваш командир корабля

с экипажем погнались за валютной выручкой и опорочили честное имя советских соколов. Ничего, посидите у них, а если вернетесь, не выполнив задания, то и у нас – невелики вельможи. Толмачи, возмнившие себя невесть кем! Артисты и переводчики сродни друг другу – они за свою жизнь как будто проживают несколько жизней. Переводчик годами работает то с геологами, то с врачами, то с моряками, ну, а актеры вживаются в роль. Но играть короля – не значит быть монархом. Инженер, пришедший в ГРУ, становится разведчиком, как и неудавшийся пилот, ставший, если есть «волосатая рука», помощником военного атташе по авиации. Но переводчику никогда не забывают его изначальной профессии – он и для инженеров, и для пилотов, и для дипломатов – переводчик, как когда-то актер для обычных людей – лицедей-греховодник, мужчина с бритым, как раньше говорили – с голым, лицом. И Армен, и Юра переводчиками стали совершенно случайно. Они с Константиновым и Ситниковым после десятого класса подали документы в летное училище. Романтика одолела. Да и перед девочками – Верочкой Однолько, Оленькой Шеманской и Эллочкой Новиковой уж очень хотелось похвастать: «Да, поступаем в летное, конечно в истребители!» Но Сергея не взяли из-за операции на ноге – неудачно упал с велосипеда, у Юры Ситникова возникли проблемы со зрением, а у него, оказалось, давление повышено. Кто в семнадцать лет меряет давление? Обида на военных была столь велика, что подсознательно захотелось «им назло» избрать профессию как можно более далекую от армии. Вот и поступили все три мушкетера на факультет иностранных языков. Хотя, если честно, то только Константинов имел тягу к языку и уже тогда довольно неплохо изъяснялся на английском – начальственные родители нашли ему какого-то необыкновенного репетитора. Но... от судьбы не уйдешь. К середине 5-го курса их, троих единственных мальчишек на курсе, сначала отправили в Ирак, Индию и Пакистан на практику, а по возвращении опять вызвали в военкомат и предложили стать военными переводчиками. Так они и очутились в Военном институте иностранных языков, на Танковом проезде, под неусыпным оком полковника Попкова.

ВСЕГО МЕСЯЦ МОЛОДОСТИ

Ноябрь 1967

АФП-077, 078

1 ноября

Анкара

Ертугрул Денкташ, брат арестованного на Кипре лидера турков-киприотов, заявил, что его брат высадился на Кипре в районе Галатии 21 октября, хотя официальные источники сообщают, что он высадился и был арестован 31 октября.

Жена Рауфа Денкташа сегодня была принята премьер-министром Турции Сулейманом Демирелем и передала ему два письма от своего мужа. Одно из них адресовано премьер-министру, другое – министру

иностранных дел. Она заявила, что Рауф Денкташ просил ее передать письма адресатам, если с ним случится что-нибудь.

esr 22 12.41

АФП-352

10 ноября

Каир

Низложенный президент Йемена маршал Саяль сообщил: убывая в Москву, он предупредил человека, которого оставлял за себя на месте, что «определенные экстремисты могут попытаться действовать против интересов йеменского народа». По иронии судьбы он предупредил об этом кади эль Ириани, который и захватил власть и объявил себя президентом в результате государственного переворота. Кади эль Ириани обвинил маршала Абдаллу ас-Саяля в «безответственности и импровизации при исполнении властных полномочий».

wbt 22 01.41

АФП-303

20 ноября

Иерусалим

Священнослужители в пятницу подрались с израильскими чиновниками в нескольких сотнях метров от места тайной вечера и других святых мест иудаизма и христианства. Столкновение произошло, когда около 50-ти греческих православных монахов начали строить высокий забор вокруг участка на горе Сион, который принадлежит греческому патриарху в Иерусалиме. Чиновники израильского Министерства по делам религий, которые воспрепятствовали таким же действиям в прошлое воскресенье, вмешались, чтобы помешать возведению забора. Произошла драка, которую пресекла полиция. Этот земельный участок представлял собой единственный проход к месту тайной вечера и к месту преобразования богородицы. Однако это же место по иудейской традиции считается местом погребения царя Давида. Теперь, когда после захвата израильтянами западного берега реки Иордан иудейские верующие могут использовать другой проход на гору Сион к храму Давида, без вторжения на землю греческой патриархии, патриарх желает оградить свою территорию.

tw 22 00.01

АФП-078, 80

28 ноября

Москва

Британский и американский военные атташе, бригадир Ван Харпер и полковник Виллиам Дж. Спар, посещая во время ознакомительной поездки по Молдавии винодельческий завод около Кишинева, участвовали в дегустации вин. Вернувшись в свой отель, они плохо себя почувствовали, заявили официальные представители двух посольств. Когда они

легли в кровати, в их номер якобы проникли неизвестные лица, которые приказали им не двигаться, обыскали их вещи и взяли все документы из их бумажников. Через час эти люди якобы вернулись в номер, вернули бумаги, разбили пепельницу, содрали гардины с окна и обвинили офицеров в хулиганском поведении.

В Вашингтоне госдепартамент заявил протест по поводу инцидента, не углубляясь в подробности.

md 22 13.09

Константинов. Москва. Начало

Лейтенант Константинов был в недоумении. Экзамены и выпуск были на носу, а значит, и распределение. До сих пор все шло так, как ему рассказывали его старшие товарищи – Емизов и Букаев, уже прошедшие школу полковника Попкова за год и за два до Константинова. Схема была бесхитростна и надежна. Приехавшего из провинции сынака партийного босса или министра какой-то там республики полковник назначал начальником языковой группы, каковых у него было три – английская, французская и испанская. За шесть месяцев интенсивной учебы и напряженного распорядка дня не могло не возникнуть ситуации, когда командир отделения вошел бы в конфликт либо с кем-то из преподавателей, либо со своими сокурсниками. Если же он проявлял недюжинное сочетание командирской воли, гибкости и такта (а откуда оно может взяться у лейтенанта, недоумевал полковник), то в ход шло испытанное средство – кандидата на отрицательную характеристику приглашали на «семейный ужин». Полковник в этот день случайно дежурил по институту, и, прохаживаясь около единственной проходной на Волочаевской улице, ловил нарушителя тепленьким – а дальше по накатанной. Комсомольское собрание, выступления подготовленных товарищей и постановка на вид, а то и выговор. Кто и за что может упрекнуть полковника Попкова? И чиновные отцы не помогут. Сыновья первых секретарей предпочитали МГИМО, Плехановский или Бауманский, а других Попков не боялся. Будь ты хоть вторым секретарем обкома партии – что делать, если сынок оплошал? Ну, послужит в Копьяре, или в Красноводске. Или поедет за границу – но в Монголию или Вьетнам. Сам виноват, не беда, молодой еще, исправится! А, главное, и Ингуш не прицепится... Система!

«Система Попкова» стала известна Сергею на горьком опыте друзей, проходивших обучение в ВИИЯ до него. Сначала одного Попков «завалил», воспользовавшись ссорой командира отделения со строптивым курсантом-москвичом, не пожелавшим дежурить на праздники: «Вам, иногородним, делать нечего, вот и сидите, дежурьте!». И никакие доводы, что у иногородних праздники – единственная возможность познакомиться с Москвой или слетать домой, не убеждают. Слово за слово – и за грудки.

Результат понятен. Хорошо еще, что удалось, отслужив два года, уволиться из родной армии, не спившись. Другого, наученного горьким опытом предшественника, на ссору взять не удалось, его «пригласили посидеть в семейной обстановке». Полковник, конечно, в этот день был де-

журным по институту, и, после предупреждающего звонка москвича, стал прогуливаться у проходной. И застучал, ясное дело! Собрание. Выговор.

Система сработала и на этот раз. Выручила только война в Египте. Да и то – не самое завидное назначение – Синай. Но... У Константинова была выдержка, воспитанная многолетним кавказским почитанием старших, и с преподавателями он не конфликтовал. И на ссору с сокурсниками не повелся. Он ждал, когда же его пригласят на «именины» или просто «отдохнуть в семейной обстановке, расслабиться». Сергей не верил, что Попков придумал что-то новое. Во-первых, его система работала, и не было нужды ее заменять или усложнять. Во-вторых, полковник часто повторял, что «этим провинциалам и так много чести – после вшивых гражданских университетов и институтов получают офицерское звание, не попотев как следует. Раньше в армии служили солдатами три года, а во флоте – все четыре. Курсантскую лямку тянули тоже четыре года, а то и пять – и только тогда получали офицерские погоны и разрешение жить не в казарме. А эти переводчики... Толмачи чертовы! Малюта Скуратов говаривал, что толмачи, люди все больше по своему происхождению из народа подлого, будучи приставлены к большим государевым мужам, узнают секреты важные и этим могут во вред государю же воспользоваться. А посему их надо, время от времени, пороть жестоко, а еще лучше – в котел или на дыбу. А толмачей других найдем, эка невидаль... Малюта был прав!».

Телегин. Москва

Заместитель председателя Комитета государственной безопасности Петр Васильевич Телегин смотрел на докладывавшего ему полковника Кузьмина в своей известной манере. Он знал, что его в конторе называют «верхогляд» – не за поверхностность, боже упаси, – он бы не достиг такой должности, если бы не был первоклассным профессионалом. Это председатель КГБ может быть партийным или государственным деятелем. А его заместители – все профессионалы самого высокого класса каждый в своей области – в разведке, контрразведке, территориальной службе (благонадежность своих граждан), следствии и охране госграницы. Нет, кличку ему дали за привычку смотреть при разговоре не в глаза собеседника, а чуть выше – на лоб. Телегин знал, как неуютно становилось собеседнику от того, что он не видел его прямого взгляда, не мог оценить, как относится его собеседник к услышанному, не может прогнозировать его реакцию на поступающую информацию. Но Кузьмин не волновался. Он знал другую особенность Телегина. Зампред объективно оценивал доложенное ему, не отвлекаясь на личность докладчика, не болел «звездной болезнью» и при необходимости мог не только выслушать, но и услышать рациональное предложение, даже если оно исходило от младшего офицера. Полковника Кузьмина Телегин знал как отличного аналитика и не удивился, когда он через голову своего начальника обратился к нему с просьбой об аудиенции. Он понимал, что только дело высшей степени секретности (по определению КГБ – «государственной важности») могло

вынудить полковника обратиться лично к нему, заместителю председателя комитета по внешней разведке, напрямую. Он услышал доводы Кузьмина и не удержался, чтобы не похвалить себя мысленно за проницательность. Пусть он не сформулировал определения, данные полковником, так филигранно, пусть он не достроил все логические цепочки до конца, но ведь было же у него уже смутное предчувствие именно такого поворота событий, который так четко и подробно описал в своем докладе аналитик. По своей прошлой работе он знал, как остро переживает Кузьмин то, что по здоровью он не мог быть оперативным работником, что сослуживцы называют его, как и всех аналитиков, «иезуитом», а недоброжелатели, завидовавшие его блистательному уму, – «кабинетной крысой». Иезуит и сейчас был, пожалуй, прав. В его посылках и выводах генерал Телегин не видел ни одного изъяна, ни одного слабого звена. Все подчинялось логике и анализу. Кратко это звучало так.

Начавшееся в стране по воле генерального секретаря ЦК движение под названием «перестройка» не останется в тех рамках, которые очертили Горбачеву его помощники. Они идут на половинчатые меры по либерализации общества, надеясь на то, что именно эта половинчатость сможет лишить перестройку глубоких демократизирующих последствий, позволит лишь в очередной раз «выпустить пар», ослабить ту напряженность, которая возникла между развращенной безнаказанностью верхушкой партийного аппарата и народом, живущим в условиях унижительных очередей, талонов, мизерных зарплат, пенсий и никчемных льгот. Но перестройка повлечет за собой либерализацию выезда за границу с туристическими и производственными целями, появится мощный поток информации, видеофильмов и иностранных печатных изданий. Усилится приток в Союз родственников, оказавшихся по разным причинам за рубежом в военный и послевоенный периоды. Очень скоро даже простые люди заметят разительную разницу в витринах магазинов, в одежде и в манере поведения даже простых людей из-за рубежа, в их уверенности в том, что любой, самый высокий чиновник на Западе уязвим и ответственен перед лицом общественности. Эти наблюдения сначала будут восприниматься просто как интересная информация, но затем будут накапливаться, подсознательно систематизироваться и анализироваться. Далее неизбежно последуют сравнения, а за ними выводы, которые будут не в пользу советской действительности. Партийные органы в силу своей косности и скрытых интересов различных группировок – территориальных, ведомственных, политических сторонников того или иного члена политбюро ЦК, не справятся с валом нарастающих проблем. Потеря власти сначала партийными органами, а затем и правительственными ведомствами – неизбежна.

Финансисты, как всегда, первыми почувствуют опасность своими нежными брюшками и кинутся бежать с тонущего корабля. Но, в отличие от крыс, они сначала постараются переправить в спокойную гавань наиболее ценное из содержимого трюмов. Партийная валюта и драгоценности Гохрана потекут сначала в сейфы Швейцарии, а потом, чтобы не привлечь излишний интерес и диверсифицировать зарубежные вклады, в другие банки. Оффшорам партия своих средств не доверит никогда. Италия и Греция ненадежны – что ни день, то политический кризис. Гер-

мания – устоявшийся стереотип для престарелых членов Политбюро – это «немцы», враги. Значит – Великобритания, Австрия, Испания, Норвегия, Швеция, Дания. Но для нашей организации это не выход. При крушении империи надеяться на кристальную честность курьеров, доставляющих деньги на секретные счета и знающих номера счетов и пароли, глупо. Людей убивают за десятки тысяч долларов. За миллионы сражаются банды и кланы. Ради десятков миллионов можно развязать небольшую войну. А разговор идет о сотнях. Необходимо безотлагательно направить в страны, не входящие в круг интересов партии, людей, которые, вместо примитивной перевозки денег и золотых слитков займутся скупкой дорогостоящей, но не конфликтной недвижимостью. Не надо приобретать химические и автомобильные заводы с их мощными профсоюзными организациями и экологическими проблемами. Гораздо перспективнее – создание обществ с ограниченной ответственностью, в которые номинальными совладельцами и членами совета директоров за небольшие проценты акций надо привлекать местных чиновников. Эти общества станут собственниками отелей, пансионатов, санаториев, пляжей, элитных спортивных клубов и комплексов – яхт-клубов, гольф-клубов и частных аэродромов и пристаней, где трудятся люди, не объединенные профессиональной солидарностью и чаще всего конкурирующие друг с другом. И, самое важное – недвижимая собственность не поменяет владельца только потому, что кто-то узнал секретный код и номер счета. Если цена такой собственности в избранном районе в данное время высока, перед приобретением надо предпринять меры по ее удешевлению. Небольшой конфликт на международной или религиозной почве, несколько террористических актов, создающих угрозу финансовой нестабильности прекрасно решают эту проблему. Недвижимость стремительно дешевеет. Нам торопиться некуда – приобрести собственность за полцены, можно подождать несколько лет, пока обстановка не стабилизируется и цены не вернуться на прежний уровень. Мелкого предпринимателя на этом пути ждет неминуемое разорение. Но не мощную, планирующую свою деятельность на годы вперед, хорошо законспирированную и технически вооруженную организацию. Проиграть невозможно. План обречен на успех. Но даже если бы он был убыточен – кого волнует баланс, когда речь идет о жизни и смерти, о большой политической целесообразности. Вспомните миф о деньгах рейха... Идеальной страной для воплощения этого плана в жизнь в настоящее время является Кипр. Наличие компактной группировки турков на севере острова создает ту самую обстановку, которую можно не только использовать, но и изменять в своих интересах. Отток крупного иностранного капитала уже наметился, и он будет продолжаться – провозглашение турецкой республики Северного Кипра не за горами. Медлить нельзя...

Телегин почувствовал изменение интонации и тембра голоса собеседника. Тот понизил голос, как бы показывая, что доложенная информация – не все. Генерал изменил своей привычке и взглянул полковнику в глаза. Он увидел в них напряженность, как у человека перед прыжком в ледяную воду, и решимость довести задуманное до конца:

– Товарищ генерал-лейтенант, разрешите мне перейти ко второй части доклада, которой нет в представленной Вам перед нашей беседой

служебной записке. Я сделал это намеренно, так как не хочу ставить в двусмысленное положение Вас и все руководство Комитета. Если наши выводы подтвердятся, то могут найтись умники, которые начнут задавать вопросы – почему не были приняты меры, ведь вам заблаговременно докладывали? Лучше, чтобы такого доклада нигде в архиве не сохранилось. Прошу просто выслушать меня. К сожалению, я и мои подчиненные в аналитическом отделе, проанализировав обстановку внутри страны и проведя экстраполяцию, пришли к неутешительным выводам – при нынешнем составе Политбюро и состоянии отношений в ЦК перестройка неминуемо и окончательно выйдет за пределы управляемости, партия и правительство потеряют контроль сначала над союзными республиками Прибалтики, над Украиной и Белоруссией, а затем распадется весь Советский Союз. Товарищ генерал, поверьте мне – прогноз о будущем предательстве со стороны украинцев и белорусов – не наше изобретение. Еще Достоевский писал (извините, я зачитаю эту довольно длинную цитату, чтобы ничего не напутать): «Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и делают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью... Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее. О, я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Они поймут все величие и всю святость дела России и великой идеи, знамя которой поставит она в человечестве. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации. У них, конечно, явятся, с самого начала, конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. <...> России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнут хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества».

Но тогда на его слова никто не обратил внимания. Достоевский, мол, не совсем уравновешенный человек, кто же еще мог «Идиота» написать.

Наши аналитики считают, что прогноз его будет верен не только для означенных славян, но и для прибалтов, и других республик нашего Союза. Но... извините, я отвлекся. Разрешите продолжить, товарищ генерал? Наибольшие центробежные силы проявятся в многонациональных и сложных по религиозной ориентации регионах. В Закавказье неизбежна война между Арменией и Азербайджаном – проблемы Нагорного Карабаха и Нахичевани не имеют логического решения. Абхазия уже давно спит и видит себя суверенным государством. Будут проблемы и на Северном Кавказе. Помешать этому процессу при нынешнем составе руководства страной и вооруженными силами мы вряд ли в состоянии. Значит, надо использовать создавшуюся ситуацию. При выходе Абхазии из состава Грузии неизбежны этнические столкновения. Абхазов в Грузии не много. А вот грузин в Абхазии – тысячи. Они будут вынуждены покинуть свои дома и бежать в Грузию. Вам хорошо известно, товарищ генерал-лейтенант, что объявить себя независимым государством легко, а вот обеспечить функционирование этого государства – тяжелая, иногда невыполнимая задача. У Абхазии есть все для организации великолепного туризма – и высокогорное озеро Рица, и золотая полоска пляжа от Гагры до Очамчиры. И конечно, когда-нибудь эти места – Гагры, Пицунда, Сухуми, Гудаута принесут в казну сказочные доходы. Но... через много лет. Санатории, пансионаты и турбазы останутся бесхозными и будут разграблены. Инфраструктура скоро придет в негодность. Без нее туристический сервис невозможен. Промышленного животноводства и птицеводства нет. И валюта на закупку продовольствия за рубежом появится не скоро. Мандаринами туристов не накормишь... Вывод: раз нельзя кардинально изменить ход событий, надо воспользоваться создавшейся обстановкой, обратить ее себе на пользу. Необходимо уже сейчас направить в Абхазию людей, которые, используя разрешенные в СССР сейчас формы коллективной собственности – кооперативы, приобретут мелкие предприятия сферы обслуживания – кафе, парикмахерские, мелкие турбазы, обустроят офисы и легализуются, привлекая к сотрудничеству не грузин, а абхазцев и русских. Когда начнется великий исход грузин из Абхазии, а правительство будет лихорадочно искать средства для поддержки своей государственности, оно неизбежно вспомнит о том, что вдоль побережья стоят десятки санаториев – «Металлургов», «Железнодорожников», и так далее. Потом очередь дойдет и до элитных санаториев 4-го управления делами ЦК КПСС, дач ЦК и Совета Министров. Наши люди должны быть готовы – правительство не захочет сначала «терять лицо» и продавать все это сразу в частные руки. Другое дело – кооперативы. Как-никак – общественная собственность, организации, давно зарегистрированные в Абхазии. Иметь крупную собственность за главным Кавказским хребтом, недалеко от Грузии и Аджарии – для Комитета в будущем станет реальным достижением. Политика Грузии после развала СССР и поведение удельного князя Аджарии Абашидзе непредсказуемы, и наше присутствие на этом оперативном направлении станет необходимостью. Наличие там уже легализовавшейся, обросшей связями и даже родней агентуры будет неопределимым фактором успешной работы в Закавказье. Товарищ генерал-лейтенант, полковник Кузьмин доклад закончил!

Афлик ОРАЗАЕВ

Путеводная звезда

Карине Мезовой – первой кавказской женщине, покорившей Эверест и водрузившей на его вершине адыгское знамя

1

Как вспышка, распахнул глаза звонок –
К концу уроки тянутся так длинно.
Мальчишек обгоняя, со всех ног
Бежит девчонка бойкая – Лалина.

Через плечо приметив Аминат,
Маша рукой, она ее торопит,
А та молчит и пятится назад –
Ее, мол, от нескромности коробит.

Лалина ей кричит: «Давай скорей!
Забыла, что ли, ты об уговоре,
Что мы, как только выйдем из дверей,
Отправимся с тобой на холм, в предгорье?»

«Я не забыла, – Аминат в ответ, –
Да только подступает уже голод,
А мама приготовила обед...
К тому же огород у нас не полот».

«Так, значит, огород тебе важней?
Пойду одна! На холм взойти мне надо!»
«Но что скажу я бабушке твоей?»
«Что видела, как шла к ограде сада.

Она решит, что к Махо* я пошла –
Его рассказам равных нет поныне

* Имя Махо как лексическая единица имеет несколько значений: «свет», «день», «добрый».

Ни у кого из стариков села...
А вот и сам он – легок на помине!

Смотри, ведет коня он в поводу,
Здесь попасти решил его, красавца.
Что, ежели к нему я подойду
И попрошу со мной на холм подняться?

Гнедого он и там бы мог пасти,
А я шагала б рядом без опаски
До самого конца – и по пути
Рассказы его слушала да сказки.

Историй разных столько знает он!
Покажется – все, выдохся, но снова
Звучит его рассказ другим вдогон –
И страшно пропустить хотя бы слово!»

2

Дед Махо, увидав Лалину, рад –
В глазах улыбка прыгает лучисто:
«Что, непоседа, вместо дома – в сад?
Устала, несравненная, учиться?»

«Другие есть заботы у меня! –
Внимательно он смотрит на Лалину. –
Я твоего хочу пасти коня,
Взойдя на холм, на самую вершину».

«Чтоб девочка коня пасла сама?!
Обычаев таких вовек не знали.
Коль хочешь посмотреть на мир с холма,
Хитрить со мною следует едва ли.

Склон крут – чтоб не устала ты в пути,
Я посажу тебя коню на спину».
«Нет, дедушка, пешком хочу идти –
Ведь только так восходят на вершину».

«Знать, не боишься ты в своей судьбе
Ни трудностей, ни пота, ни ушибов.
Я, солнышко, всегда дивлюсь тебе –
Не родственником ли тебе Хаширов?»

«А кто такой Хаширов? Расскажи
Мне, дедушка, об этом человеке!

Люблю твоих рассказов виражи –
Ты знаешь все о том и этом веке.

Он был отважен? Честен и умен?
В сравнении важнее нет значенья!
С чего тебе припомнился вдруг он?
Похожа на него, скажи-ка, чем я?»

«Все расскажу спокойно, не гоня,
Узнаешь, дочка, многое сегодня».
И Махо отпустил вперед коня,
Набросив на хребет ему поводья.

Взяв за руку Лалину, не спеша
С ней вместе поднимается он в гору –
А в той переполняется душа,
Ей петь от счастья этакого в пору.

Глаза горят, и думает она:
«Как завтра расскажу об этом в школе?
Ведь могут лгуньей обозвать сполна!
Смолчать о приключенье этом, что ли?»

А Махо принаравливает шаг
К ее походке, чтоб не сбить дыханье,
И, словно бы два голоса в ушах,
Две мысли спорят у него в сознание:

«Не знаю даже, как мне с нею быть, –
Она ведь ждет поддержки и совета.
Уместна ли мальчишеская прыть
В такой прелестной девочке, как эта?»

Воспитана, скромна – откуда в ней
Стремление в горы? Женское ли дело?
Быть может, отголосок давних дней,
Когда сражались женщины умело?

Неужто в Кабарде второй Лашин*
Ей суждено прославиться с годами?
Что, если покорение вершин
Останется в истории следами?

Проходит время, изменяя мир:
Привычное вчера – сегодня ложно,

* Л а ш и н – женщина-богатырь из адыгского сказания.

Глядишь, повержен в прах былой кумир,
А прежде невозможное – возможно.

У новой жизни новое лицо,
И всходы не походят на посевы –
Ведь времени чудное колесо,
Скрипя, рождает разные напевы.

... Те годы поросли забвенья мхом,
Но помню, как задумывался, слыша,
Что восходил на этот самый холм
Великолепный гармонист – Мамиша.

С гармошкой вместе поднимался он
На самую вершину и оттуда
Подолгу на село свое, на склон
Глядел как на невесть какое чудо.

В те времена гармонь везде слыла
Уделом только женским, и мужчины
Ее не брали в руки, от села
Насмешек сторожась не без причины.

Мамиша же смотрел с холма, смотрел,
И если видел свадьбу у кого-то,
То сразу выдавал такую трель,
Что в пляс пуститься всем была охота.

Бывало, начинали и трунить:
Мол, ты что засидевшаяся дева!
Ну а Мамише – только б длилась нить
Гармошки неумолчного напева.

Подобных нот не слышали отцы:
Ему такая сила их досталась,
Что даже лесорубы и косцы
Мгновенно забывали про усталость.

Заучивало песни все село,
Которые слагать умел Мамиша, –
Насмешек время вскорости прошло,
Любой светлел, его мотивы слыша.

И предрассудки канули во тьму –
Играют на гармошке все спокойно.
Да, привыкают люди ко всему,
Коль дело свое делаешь достойно».

3

Так размышляя, Махо вдруг спросил:
«Голубушка, наверно, ты устала?
Сядь, отдохни – на восхождение сил
Уйдет у нас с тобой еще немало.

Перед рывком нелишне и прилечь:
Нам отдых даст подобие опоры,
А силы надо всячески беречь –
Беспечности не переносят горы».

Лалина же и впрямь изнемогла,
Но прячет это тщательно от взгляда –
Шагает, закусивши удила,
Шепча самой себе упрямо: «Надо!»

Она, уже вошедшая в азарт,
Не хочет упустить другого раза,
Боишься как-то слабость показать,
Чтоб в будущем не услышать отказа.

Когда же наконец на холм взошли,
То Махо спутал своего гнедого.
Валун там словно вылез из земли –
Сиденье старику всегда готово.

Теперь же он на корточки присел,
На трон свой усадив сперва Лалину.
«Ну что? – спросил. – Не подоспел предел?
Охота взять еще одну вершину?»

Мечтаешь так же горы покорять,
Как прежде, не попробовав, мечтала?
Скажу – и не устану повторять:
Не думай, что слаба, коли устала.

Здесь устают не так, как при ходьбе
По ровному изученному краю.
Ты отдыхай. Я расскажу тебе
Все то, что о Хаширове я знаю».

4

«Таких, как он, разыщешь без труда
Среди адыгов – очень схож он с ними.
Он сам того не ждал, но навсегда
В истории его осталось имя.

Направо, моя девочка, смотри:
Вон, видишь высоченную ту гору,
Чьи две вершины отсветы зари
Так выкрасили, что молиться впору?

Издревле «Ошхамахо» нарекли
Ее адыги, и она доньше
Милее им всех уголков земли,
Подобная лелеемой святыне.

Считаясь обиталищем богов
Адыгских, почитаема от века,
Она парила между облаков –
Нога там не ступала человека.

Но как-то раз приехали туда
Российские ученые, желая
Узнать, какая скрыта череда
Секретов в складках вздыбленного края.

Чтоб разобраться в тайнах, мало книг:
Без опыта в горах – одно унынье.
Им нужен был хороший проводник,
Который бы помог идти к вершине.

Такой, в ком не остыл познания пыл,
Кому родна седых снегов обитель.
Вновь прибывшим рекомендован был
Киляр Хаширов, горовосходитель.

Киляр был этой встрече очень рад,
С готовностью он присоединился
К ученым и, возглавив их отряд,
К вершине Ошхамахо устремился.

Один усталый путник за другим
Шли вспять, осилить гору не сумели,
И лишь адыг Киляр, неутомим,
Дошел-таки до самой главной цели.

В знак покоренья шест он там воздвиг
И обложил со всех сторон камнями.
Так на весь мир прославился адыг,
И слава эта да пребудет с нами!

Вот родственницей чьей тебя я счел –
Ты хочешь по его шагать дороге,

Но путь средь круч немислимо тяжел –
На женские надеяться ли ноги?

Об этом знает только лишь Аллах!
Но, коль задумал кто благое дело,
Опорою Аллах в таких делах,
Его поддержке нет ни в чем предела.

У нас считают, женщине не след
Прельщать себя занятиями мужскими,
Но, девочка, дурного в этом нет,
Лишь были б твои помыслы благими.

Когдаходишь с чистою душой
К любому делу, люди не осудят.
Пусть шаг сперва удастся небольшой,
Но важно, что за путь в дальнейшем будет.

Коль золотые цели пред собой
Ступенями ты в лестницу уложишь,
Тебе удастся замысел любой,
Ты все на свете выдюжишь и сможешь.

Великому деянию всегда
Начаться надлежит с того, что мало.
Взгляни: река! Бурливая вода
От родничка берет свое начало.

Не так уж много в силах старика,
Но подниматься научу я ловко
Тебя сюда, на этот холм. Пока
Сойдет тебе такая тренировка.

Вершины же другие впереди –
Всему свои назначенные сроки.
Ты завтра после школы приходи –
Посмотрим, как тебе мои уроки».

5

Лалину старый Махо ждал в саду
На следующий день по уговору,
Чтоб, причащаясь к тяжкому труду,
Еще разок вдвоем взойти на гору.

Лалина удивилась, что гнедой
Был под седлом: где видано, чтоб кони

Паслись бы не расседланы, с уздой?!
А Махо, все поняв, потер ладони:

«Коль будешь наблюдательной такой,
То не допустишь бед больших и пущих!
Послушай: из тебя бы неплохой
Мог вырасти со временем табунщик».

Лалина шутку деда приняла,
Не обижаясь даже в половину,
И снова, удаляясь от села,
Они с конем поднялись на вершину.

Там Махо так же, как и в прошлый раз,
Коня опутал – и головоломный
Еще один сюрприз он ей припас,
Седло на камень водрузив огромный.

Сел рядом. Ласку в голосе тая,
Сказал ей: «Пройденное подытожим –
Теперь спускайся, девочка моя,
И отдохни чуток перед подножьем.

Потом одна поднимешься опять –
Без помощи, без чьей-либо поддержки...
Сильна ль, чтоб альпинизму обучать?
Не слишком ли твои запросы дерзки?»

Лалина быстро начинает спуск,
А старый Махо говорит вдогонку:
«Вниз, кажется, легко идти, но пусть
Такая мысль подвинется в сторонку!

Не торопись, рассчитывай шаги,
Иначе здесь и оступиться можно.
Спускаясь, медли, силы береги
И будь внимательна и осторожна!»

Сошла она к подножию холма
Под «тренера» присмотром аккуратно,
Утерла пот – и вот уже сама
Готовится взойти на холм обратно.

«Красавица! Лалина! Э-ге-гей! –
Доносятся с вершины крики Махо. –
Счастливого подъема, не робей,
Пусть каждый шаг ведет на Ошхамахо!»

Стяжать надеясь деда похвалу,
Лалина вверх по склону лезет смело,
В мечтах воображая, что скалу
Одoleвает споро и умело.

Она из-под ладони смотрит вверх:
Ей мнится, что старик глядит с сомненьем
В ее успехе, – сдерживая смех,
Следит он свысока за восхождением.

Припомнила, почти теряя пыл,
Девичьего задора на измене:
«Покуда к делу ты не приступил,
То думаешь, что водятся в нем змеи»*.

Так Махо говорил когда-то ей,
И ныне это более чем кстати.
«Отброшу страх, пойду вперед смелей,
Пускай сноровка будет на подхвате!

Ничто не остановит здесь меня,
К вершине подойду я, а не к краю!
Коль вправду я Хаширову родня,
То Махо я доверье оправдаю».

Подкашивались ноги, как взошла –
Второй раз в день! – на самую вершину.
К ней Махо обращается с седла,
С улыбкою взирая на Лалину:

«Теперь, наверно, хочешь отдохнуть?
Понежиться в объятьях сладкой лени?
Я на два шага удлинил твой путь –
Ко мне, их сделав, сядешь на колени.

Жизнь делится на множество шагов,
В ней каждый шаг – ответственность большая.
Коль человек принять ее готов,
Пусть обопрется на мечты, шагая.

Не может восхождение никогда
Быть легким делом! Человек не птица,
Но в помощь путеводная звезда
Тому, кто к небывалому стремится.

* Адыгская пословица, приблизительными аналогами которой могут служить русские «Лиха беда начало», «Глаза боятся, а руки делают» и др.

Сквозь времени пробившись пелену,
Сумеет он любую взять вершину.
Седло я завтра выше подниму –
Еще раз испытать хочу Лалину!»

С трудом преодолев последний шаг,
К груди широкой девочка припала.
В глазах круги, и звон стоит в ушах,
Но это не страшит ее нимало.

Такой и ураганы не согнут:
Юна, но взобралась на гору ловко.
«Во что же, – шепчет, – был Килляр обут?
Какой была его экипировка?»

Ей Махо говорит: «В те времена
Экипировки не было особой:
Она лишь позже изобретена,
Тогда же – в чем ты ходишь, в том и пробуй!»

Он в паре сыромятных ноговиц
Поднялся в первый раз на Ошхамахо –
Стал выше облаков и выше птиц,
Осилив гору вещь с размаха.

Влекомый путеводною звездой,
Он показал, на что адыг способен!
Сказанья, отягченные бедой, –
Их образ в ледниках застыл, подробен...

Но ты, пожалуй, слишком молода,
Чтобы сейчас задуматься об этом.
Ты трудности старайся никогда
Не счесть преградой или же запретом.

Не бойся, не пасуй, не отступай,
Адыгское яви упорство людям –
И этим ты прославишь весь наш край,
И мы тобой всегда гордиться будем...»

6

Немало лет с тех миновало пор,
И оборвался жизненный путь Махо.
Ей мнилось: не вернулся старый с гор,
Остался на небесном Ошхамахо.

Рыдала в голос на похоронах,
Как будто с Махо вместе хоронили
Отрезок жизни, обративши в прах
Мечты, что так и сгинут там, в могиле.

Но оказалось, он не покидал
Ни на минуту девочки Лалины –
Звездой путеводной в небе ждал,
Гнал страхи и рассеивал лавины.

Уже немало взято ей вершин,
Уже не раз взошла на Ошхамахо –
Все восхожденья словно совершил
С ней вместе в небеса ушедший Махо.

Он, отлетев, навек остался с ней.
Лалину удивляет, как он молод,
Как неподвластен быстрой смене дней,
Которой и кремень в песок размолот.

Уходят думы в прошлое порой,
На старый холм тот снова возвращая,
Что в юности казался ей горой,
Царившей над зазубринами края.

Тех тягот, что она превозмогла,
Последовавши дедовым советам,
Не перечеть – сгущавшаяся мгла
Всегда сменялась радостным рассветом.

Ей кажется, что Махо ей светил
Со всех вершин звездой путеводной,
Ей прибавляя бодрости и сил,
Давая себя чувствовать свободной.

Не раз ей вспоминались те слова,
Что говорил он, сидя на вершине:
«Звезда – всему на свете голова,
Без путеводной – счастья нет в помине!»

Она быть может солнцем и луной,
Во впадинах сиять и на вершинах,
Скрываться под соленою волной
В неведомых, таинственных пучинах.

Пусть даже ты на дно не попадешь,
Но ты туда направить можешь мысли,

Чтоб разобраться, где правда, а где ложь,
Чтоб видеть, чьи слова от кривды скисли.

Дыханьем прошлых, не забытых лет,
Как зеркало, все море запотело.
Жестоким временам прощенья нет,
Когда огонь не ведал здесь предела.

Не полностью оправилась от ран
Земля, ее леса не возродились...
Ты сможешь ли преодолеть обман,
Чтобы адыги все тобой гордились?

Обычаев своих не забывай –
Они звездой пусть служат путеводной:
Прославишь с ними свой родимый край
И в памяти останешься народной.

Сложил народ твой гыбзу – песню-плач,
Но знак ли то, что стал он слабосильным?
Не плачет лишь бесчувственный палач
Над жертвоприношением обильным!

Всегда, Лалина, помни, чья ты дочь –
И сможешь одолеть любые склоны,
Любые беды сможешь превозмочь,
Снесешь перед собою все препоны!..»

7

Она сама не верила вчера,
Что ныне вот сюда подняться сможет:
Коль над тобою высится гора
Великая, всегда сомненье гложет.

Но следовала преданно она
Советам Махо – справилась с задачей.
Коль память духа родичей полна,
То зорче человек, чем просто зрячий.

Минувшее опять явилось к ней,
Перед глазами Махо лик воздвигнув...
Он просит, чтоб была она сильней,
Чтоб верила в себя и в дух адыгов.

Так, соберись, Лалина, сделай шаг,
За ним – другой... Вся жизнь – как восхождение!

Всем докажи, что не страшит ни мрак,
Ни эта стынь, ни головокруженье!

Пусть непомерна эта высота,
Превозмоги отдышку и усталость,
Так путь пройди, чтоб и хвоста кота *
Между тобой и целью не осталось.

Когда ей это было невдомек,
«При чем здесь кот?» – у бабушки спросила.
«Из старых слов адыгских, – он изрек. –
В них кроется огромнейшая сила».

«Неужто ты делить слова привык
На старые и новые?» – «От века
Так повелось: душа, родной язык –
С рожденья достоянье человека.

А старые адыгские слова –
Пословицы – в себя вобрали память,
И в них душа народная жива,
Которую ничем не переплавить.

Любой народ пословицы творит,
Свою судьбу в них запечатлевая.
Пословицами время говорит,
И жизнь в них сохраняется живая.

Какую бы вершину человек
Ни одолел, он должен, не роняя,
Держать народа честь – везде, весь век, –
А этому подспорьем – речь родная.

Я вижу моей девочки мечты,
И в их осуществление я верю –
Что мне сказать, чтоб прошагала ты
С достоинством дорогою своею?

Знай твердо, что в пословицах урок,
Как пропасть миновать, пройти по круче,
Как добротой пересилить рок
И разогнать ненастья злые тучи.

Жизнь непроста: в ней зло с добром подчас
Так сплетены, что разделить их трудно,

* Адыгская пословица о слегка не завершенном деле: «до конца не хватило хвоста кота».

Но, сколько бы светильник твой ни гас,
Всегда вслед ночи наступает утро.

Пословицы нам прибавляют сил
И помогают жизнь любить всем сердцем.
Прошу, как ни о чем я не просил:
Будь преданной своим единоверцам!»

8

Из милых дней минувших унося,
Морозный ветер воеет так уныло,
Округа снегом выбелена вся,
Как будто ведьма космы распустила.

Колючий снег прожечь готов насквозь
Все то, к чему в полете прикоснется.
Сполна Лалина знает эту злость,
Однако не сдается и не гнется.

Так, соберись, Лалина, сделай шаг,
За ним – другой... В седло ты сядешь скоро!
Пусть видит Махо, что тебя ни мрак,
Ни холод не страшат, коль есть опора!

Она груди касается рукой –
За пазухой хранится флаг адыгов,
Его собратья дали с целью той,
Чтоб донесла, над всей землей воздвигнув.

И миг забилося сердце веселей,
Увереннее смотрит на вершину.
Пусть этот ветер воеет злей и злей,
Ему вовек не запугать Лалину.

«Пребудь адыгом или же умри», –
Пословица гласит из тьмы столетий.
Свои, Лалина, страхи побори:
Аллах, и ты, и Махо – с вами третий.

Пословица другая говорит:
«Коль начат путь, нельзя на середине
Остановиться». Что она велит?
Велит идти назло всему к вершине.

Карабкается в гору, чуть дыша,
От тягот сводит мышцы, ломит кости,

А Махо умудренная душа
Все кружит над Лалиной в беспокойстве:

«К тебе я обращаюсь от лица
Ушедших, из безвременья потомок:
Будь по-адыгски стойкой до конца
Дитя мое, Хаширова потомок!

Избрали знаменосцем мы тебя –
Мы знаем, ты всегда душою с нами.
Дойди же до вершины, все терпя,
И водрузи над миром наше знамя.

Ступай за путеводною звездой,
Не зная опасений и сомнений –
Ведь ты, Лалина, ныне как связной
Меж прошлых и грядущих поколений.

Жизнь – наше восхождение на земле,
Достигнуть цели хватит в сердце пыла.
Шаг сделай – и окажешься в седле,
Как, помнишь ли, в далеком детстве было.

Еще одну пословицу нашел
Тебе, чтоб пособила в восхождение:
”Коль путь свой до конца ты не прошел,
То и не помышляй о возвращенье”».

«Я слышу, Махо, все твои слова, –
Лалина ему в мыслях отвечает. –
Пусть подчас кружится голова,
Мне голос твой дорогу облегчает.

Когда я поднималась в первый раз
На Ошхамахо, мне служила светом
Бесхитростная мудрость твоих фраз,
Пословицы мне сделались заветом.

Я слышала, как ты мне говорил:
«Давай-давай, еще шажок, Лалина!» –
И этим ты всегда меня бодрил,
Мне даже ледяная седловина

Твоим седлом представилась, и ты
С него ко мне тянул призывно руку.
Как не бояться горной высоты –
Ведь это ты мне преподал науку.

В горах среди родных своих земель
Я закалилась, стала крепче стали.
Когда ж на эту замахнулась цель,
То многие посмеиваться стали.

За мной бежал шершавый шепоток:
«Что дерзкая девчонка возомнила?!» –
Но верила я в крепость этих ног
И ведала, какая в сердце сила.

Бахвалиться напрасно не люблю,
Но сладостней не будет в жизни мига,
Чем тот, когда на Эверест ступлю
Своей ногой, читай: ногой адыга.

Надежда есть, что я поднять смогу
Адыгэ хабзэ* на его вершину
И тем адыгам мира помогу
Избыть в своей истории кручину.

Мне кажется, что рядом ты идешь!
Да, дедушка, меня сегодня снова
Ты за руку на старый холм ведешь
И согреваешь теплотою слова.

О, как далек сейчас мой милый дом!
И все же я горда своей судьбою:
Меня адыги сделали послом,
И знамя наше я несу с собою.

Коль водрузить удастся мне его
На Эверест, я клятвы не нарушу:
Адыги испытают торжество,
Да и твою порадую я душу.

С тобой мы будем праздновать тот миг,
С народом всем, что по земле рассеян;
Узрев наш флаг над миром, пусть адыг
С другим своим поделится весельем.

Куда б ни шла и где б я ни была,
Ты, Махо, о себе всегда напомним.
Не раз, тебе внимая, помогла
Я тем, кому потребовалась помощь.

* Неписанный свод законов, нравственных правил у адыгов.

«Коль не поможешь ближнему в нужде,
Тебе кус хлеба не полезет в глотку», –
Я это наставление везде
Блюда и следую ему в охотку.

Однажды с группой альпинистов мы
На гору высоченную всходили
Средь вечно царствующей там зимы,
В круженье непрерывном снежной пыли.

Один из альпинистов вдруг упал –
На полпути он потерял сознание,
А день морозный гнал за шквалом шквал
И выстудить хотел все мирозданье.

Его я вниз тогда поволокла,
А кое-кто смотрел на это косо:
Мол, что, другого дела не нашла?
Зачем суется с помощью без спроса?

Такие не считают, что позор
Уйти, оставив в бедствии другого.
Ну что ж, они росли вдали от гор
И не слышали от тебя ни слова.

В тот день отстала я от группы, но
Усталость как рукою сняло в пору –
На следующий день я все равно
Взошла быстрее всех на ту же гору!

Вот и сейчас к вершине я иду –
И я своей достигну цели, Махо.
На крыше мира, может, я найду
Богов, что жили встарь на Ошхамахо.

Коль водружу я там адыгский флаг,
Чтоб освещал он путь всему народу,
То, значит, не напрасен каждый шаг –
Он сделан единению в угоду.

Шаги – из них подъем и состоит.
Еще шажок. Еще. Еще два шага.
Я чувствую сегодня, как горит
В моей груди Хаширова отвага.

Пусть, Махо, в этот очень трудный час
Душа твоя останется с Лалиной!

Судьба сегодня награждает нас
Еще одной – верховною – вершиной.

Раз старшие, подумавши, сочли,
Что ныне я в седло могу усесться,
Достойна, значит, я своей земли
И предками поощрена от сердца.

Твое седло, мне кажется, лежит
На той вершине, я стремлюсь к которой.
Твоя душа со мною ворожит,
Твои уроки служат мне опорой.

Ты, Махо, как маяк всегдашний мой,
Ты воспитал такой свою Лалину.
Прими же клятву; не вернусь домой,
Пока не ступят ноги на вершину».

9

Себя воспоминаньями согрев,
Лалина снова бодрость ощутила.
В душе ее звучит святой напев,
Вливается в нее адыгов сила.

Продолжила она свой трудный путь,
Где и мужчины горбились и кисли.
Решимости полна Лалины грудь,
А в голове опять теснятся мысли:

«Лишенных обиталища богов
Адыгских по вселенной разбросало –
Так и адыги с прежних берегов
Отплыли прочь, не ведая причала.

Быть может, боги встретились опять
И за руки взялись, верны надежде
Ту реку в этом мире отыскать,
Что волны счастья катит, как и прежде?

Еще шажок. Еще два шага. Шаг.
Ступенькой стану в лестнице я нашей!
Еще немного, и отступит мрак,
Адыгскую историю застлавший.

До торжества осталось «с хвост ката»!
Пусть ветер злой мое терзает тело,

Но шаг-другой – и сгинет темнота,
В которой жили мы осиротело.

Иди, Лалина, дедово седло
Тебя ждет на вершине, как бывало.
Тебе и в стужу с памятью тепло,
Ты с ней от восхожденья не устала.

«Еще шажок. Еще два шага. Шаг», –
То Махо подзывает, напевая.
Жизнь – восхожденье, это вправду так:
Восходишь вновь – а стало быть, живая.

Наказ – преодоление высоты,
Но грузом ли он лег тебе на плечи?
Когда народа воле служишь ты,
То покорять вершины много легче.

Когда б не зовы дедова седла,
Я, может быть, сейчас сидела б дома,
Но для меня звезда в ночи взошла,
И ей, как встарь, к вершине я влекома.

Уроки Махо ввысь меня влекут,
Им следуя, иду по этой жизни,
Надеясь, что и мой тяжелый труд
Послужит, может, чем-нибудь отчизне.

Я не оставлю и «хвоста кота»,
Изведаю сполна победы сладость.
Сегодня будет взята высота,
И я в седло заветное усядусь!»

10

Подъем тяжелый одолев, присесть
Как славно было на колени к Махо!
Казалось, в мире только радость есть –
Ни горя, ни страдания, ни страха.

Как согревала Махо похвала!
Тепло такое истинно и свято.
Им Ошхамахо виделся с холма,
Чьи склоны багровели от заката.

Однажды, чтобы лишь не задремать,
Разнежившись от усталости и ласки,
Лалина о Хаширове опять
Поведать попросила вместо сказки.

«Туда и ты, красавица, взойдешь –
Ты не страшишься ссадин и ушибов.
Сотрешь немало ты в пути подошв,
Но повторишь, что сотворил Хаширов.

Идя за путеводною звездой,
Он показал, на что адыг способен.
Сказанья, отягченные бедой, –
Их образ в ледниках застыл, подробен...

Да, много страшных и кровавых бед
Отобразилось в Ошхамахо склонах –
Как будто на щеках остался след
От пролитых богами слез соленых.

Но ты, пожалуй, слишком молода,
Чтобы сейчас тревожиться об этом.
Сейчас твоя задача – никогда
Не счесть подъема трудности запретом.

Поймешь ты обязательно потом,
Ту горечь, что в истории есть нашей.
Адыгов собирать в единый дом
Назло судьбе, по свету раскидавшей, –

Задача, для которой стоит жить!
Коль сможешь каждым шагом, каждым мигом
Ты этой цели преданно служить,
То облегченье принесешь адыгам.

Не бойся, не пасуй, не отступай,
Адыгское яви упорство людям –
С годами ты прославишь весь наш край,
И мы тобой всегда гордиться будем».

11

Когда, флаг из-за пазухи достав,
Лалина в мерзлый грунт вбивает древко,
Ей кажется, что Махо, камень взяв,
Ей помогает, чтоб стояло крепко.

И слышалось, что он ей говорит:
«Ты Эверест сегодня покорила –
И флаг наш над планетою парит
На радость тем, кого судьбою било.

Лалина, до чего ты хороша!
Доподлинно я, Махо, ныне вижу:

Чиста твоя адыгская душа,
Взошедшая на эту мира крышу.

В историю главу вписала ты,
Дар жизни понапрасну не растратив.
Спустись благополучно с высоты –
И попади в объятия собратьев!»

12

Лалина, отойдя в сторонку, ждет,
Глядит, как развевает ветер знамя.
Дух у нее захватывает от
Содеянного ею осознания.

«Надеюсь, флаг, что вьется здесь сейчас,
Поможет нам избавиться от боли,
И все двенадцать звезд *, что есть у нас,
Когда-то на одном сойдутся поле!»

Века отображая, вьется флаг,
Над миром целым плещется без страха.
Сквозь ветер неумолчный слышно, как
Ей с гордостью возносит песню Махо:

«Тот флаг, что донесла ты, как связной,
Его над всей планетой воздвигнув,
Послужит путеводною звездой
Грядущим поколениям адыгов!»

*Перевел с кабардинского
Корней Тляругов*

* Двенадцать звезд на адыгском флаге символизируют двенадцать адыгских племен.

Амир МАКОЕВ

САДЫ МАСИРАТ

*Повесть**

...Рано утром к дому подъехал муж. Он несколько раз не очень убедительно постучал по забору напротив ее окон, и звал ее негромко, когда из своего дома вышла Нажан с метлой. Она стала подметать у ворот, нарочно не обращая внимания на нервно прохаживающегося раннего гостя. Здравствуй, Нажан, не очень-то подруга твоя торопится открывать ему калитку, поди, еще спит. Как же она откроет, была невозмутимой Нажан, когда она с утра пораньше уехала в город – и думает: вот тебе, получай, получай! Да? Он не знал. А куда именно она могла поехать в город? Откуда ей знать, поехала и поехала, мало ли какие могут быть у человека дела в городе, хотя – здесь бы паузу подольше удержать – в больницу, например. Как в больницу, навестить, что ли, кого? Да нет, по собственной надобности, ее чуть удар вчера не хватил, она, Нажан, с трудом привела Масират в себя, может, ее обидел кто – он случайно не знает, кто? Ведь муж все-таки?

Он не стал больше ни о чем допытываться и сразу же уехал. Тут же открылась дверь и появилась на крыльце Масират: зайди ко мне, вот ты, Нажан, умница, – горше всего на свете было бы сейчас с ним объясняться. Да что ж, разве она не понимает, сразу смекнула, что к чему и, по правде сказать, делать ему здесь больше нечего, пусть не упрашивает теперь возвращаться. Да нет, Нажан, не за этим он сюда приезжал – хотел увидеть в ее глазах прощение, для него это важно, она-то его знает. Ой, какие страсти, подробнее бы про это узнать, но поговорить сейчас не получится, отец поручил Нажан съездить в город в ветеринарную аптеку за лекарствами. А после она сразу же к ней придет, и – наговоримся вдоволь.

Выходило, что Масират почти на весь день останется одна. Что ж, первым делом надо навести порядок в доме, хотя порядок здесь хранился идеальный – как перед праздником в ожидании гостей. Только пыль немного протереть и коснуться каждой вещи, чтобы как-то оживить и запечатлеть на них свое присутствие. Время от времени Масират смотрела в тот угол материнной комнаты, где накануне видела свое изображение, и у нее было ощущение, что на нее направлены чьи-то взгляды. Ей чудились то мать с отцом, то сестра из далекого детства, то летающий мальчик из сна, причем взгляд его теперь казался ей разумно-внимательным, даже испытующим, то тетя с пшеничным супом, неизвестно для чего впутавшаяся в ее сновидения.

Она пыталась представить их как можно ярче и думала-гадала, какою

* Окончание (начало см. в № 1, 2012).

она сама видится им оттуда. Такое с ней происходило впервые – смотреть на себя со стороны, чужими глазами. Что если Масират каким-то образом остается подсудной им? Что если они наблюдают за ее жизнью, по-своему переживают, но ничем не могут повлиять на ее судьбу? А что если они и в самом деле ведают о каждом ее поступке и каждой ее мысли? Конечно, все они милые и дорогие ее сердцу люди, но как, должно быть, такое наблюдение неприятно. Но что любопытно, все ее мысли о них странным образом связывались с коровой Мурой. Стоило ей о ком-нибудь из них подумать, как тут же ей представлялась она, Мура, стоящая в полутемном хлеву в ожидании какого-то неприятного события, и Масират всякий раз с содроганием ощущала на себе таинственный блеск ее холодных, напряженных зрачков. Где-то отдаленно в ее сознании присутствовала мысль о причастности Муры к какой-то важной, но недоступной Масират тайне.

Масират показалось, что предположения ее подтвердились, когда она направилась в загон, к Муре. В щели между досками входной двери Масират разглядела только ее белые бока и светящиеся во тьме глаза, обращенные к входу, к звуку ее шагов. К сему она, кажется, и не прикасалась вовсе, алюминиевый таз с вареной смесью кукурузы, отрубей и комбикормов был опрокинут, – а ведь каприза или безалаберности за ней никогда не наблюдалось.

При виде Масират корова вытянула шею навстречу, как бы приветствуя ее и всем своим видом пытаясь сообщить: «Единственная моя, родная моя!». Масират обняла Муру за шею и долго так стояла, поглаживая ее. Не заболела любимица матери? Умела бы она говорить, ах, как о многом бы ей поведала. Но для чего мать в том странном сне просила принести Муру в жертву? Никакого объяснения она тому не находила.

Был уже полдень, и до вечера Масират решила убраться в саду. Он обильно зарос жесткой травой и лопухами, перезрелые плоды, упавшие с деревьев, пьяно-сладким ароматом доходили в густых зарослях. Над кустарниками, цветками и листвой по-хозяйски роились злато-медоносные пчелы. Отовсюду, как в чаще лесной, доносились причудливые голоса невидимых птиц. А вон там, под вишневым деревом, проросшие голенастыми сорняками, до сих пор стоят почерневшие от времени скамейка и круглый столик – место для девичьих таинств и упражнений в волшебстве. Волшебство заключалось в том, что у подружек был свой ритуал обращения к высшим силам. Следовало приложить правую руку к наросту на дереве в виде бугорка, на котором имелись волнистые желто-коричневые кольца. И, сообщив дереву самую сокровенную на тот момент свою тайну, взамен попросить об исполнении желания. И в скором времени оно непременно сбывалось.

Масират долго еще тянуло к магическому дереву. Даже в студенческие годы ни один экзамен или зачет не сдавались без священнодействия у дерева. Но то был уже скромный знак уважения к привычке, вынесенной из детства, которой она дорожила, как старой любимой игрушкой.

Но сейчас вспомнился сон, где тетя упоминала о месте, которое непременно нужно найти Масират. Ведь место то у каждого человека свое, там сходится вся его жизнь, оттуда, как было ей сообщено, можно достать до чего захочешь. Но как вся жизнь может сойтись в одном месте и до чего,

собственно, можно оттуда достать? Непонятно. Нет, конечно же, это не серьезно – все равно, что варить колдовские зелья или гадать на картах. Как посмеялись бы теперь над нею подруги и сослуживцы. Но если допустить – из любопытства, разумеется, и только на минуточку, – что в этом есть некий смысл, а местом таким для Масират является скамеечка под вишневым деревом, – что тогда? Ведь именно здесь так много чудесного происходило с нею в ту пору. Именно отсюда девичьи мечтания уносили ее в дали сказочные, в царства волшебные. Тогда, вероятно, ей следует снова встать к дереву, приложить правую руку к наросту с кольцами и ожидать каких-нибудь знаков или какого-то необычного ощущения. Это не трудно сделать, надо только расчистить к нему путь.

И что же? Нет, никаких новых ощущений, никакого особого волнения в ней не наблюдается. Ну, разве что с удовольствием пережила детское мироощущение, насколько это возможно и доступно взрослому человеку. А жаль, образ, привнесенный из сна, и сама возможность существования такого места ей необычайно понравились. Прийти в трудный свой час, – как она, например, – встать на заветное место и увидеть прошлое свое и будущее в единой картине, соединить свои потерянные половинки, залечить израненную душу и ощутить всю полноту жизни во всей ее прелести.

Может, надо, не уставая, искать это место всю жизнь и тогда придет награда за упорство и лишения. А может, знаки эти были даны прежде, только исчезли они, оказавшись не востребуемыми, неузнанными. А может, это место следует понимать вовсе не в географическом смысле, а здесь имеется в виду определенная жизненная ситуация, своего рода внезапное совпадение времени действия и условий открытия, когда человек узнает некую главную истину, которою держится земля и род людской.

Мысли у нее смешались, хуже нет, чем оставаться одной с рядом нелепых и оттого неразрешимых вопросов. Нет спокойствия на душе, а Нажан, верно, задержится до самого вечера, говорила что-то о родившемся ребенке у двоюродной сестры – надо поздравить, да и выехала она поздно, только в обед.

Может, прогуляться до озера, погладить склонившиеся к воде ивы, посидеть у родника и опустить ноги в холодную речушку, вытекающую из него. Как давно не приходилось беззаботно пройтись по этому краю села, можно сказать, с выпускного школьного вечера. Потом подняться на вершину холма, зайти на кладбище и посидеть у могил родных. Только надо переодеться в велюровый красный халат, он ей идет больше других и очень нарядно смотрится – в поле непременно кого-нибудь да встретишь.

Через семь дворов кончается их квартал, неподалеку заунывно гудит мельница, и сразу же открывается поле, используемое сельчанами под пастбище. За ним – озеро, неподалеку в овраге – родник, а еще дальше, на холме, кладбище. Далеко вверх, над лесистыми горами, темнеет небо, ветер обнаруживает себя только здесь, на просторе, ударяя в лицо запахами с гречишных, кукурузных и подсолнечниковых полей. Обеспокоено носятся ласточки между коровами, которые, по всей видимости, и сегодня еще не имеют своего пастуха.

Несколько человек – четверо мужчин и три женщины, стоят неподалеку, мирно беседуют и заодно присматривают за своими коровами. Не

подойти к ним не представляется возможным, и Масират направляется в их сторону. Оказавшись вблизи, она поняла, что пока шла, разговор был о ней, сельчан выдали любопытные и вместе с тем смущенные взгляды, точно их неожиданно застали за неблаговидным занятием. Что ж, теперь она брошенная жена, не утаишь, все село поди знает. Поздоровалась, поговорили о трудности поиска хорошего пастуха, вроде с завтрашнего дня выйдет один человек, он из соседнего села. Так что Масират может выгонять с утра свою Муру. Надо же, и о том, что Муру забрала, тоже знают. Да, тогда, конечно, и она свою корову выгонит. Попрощалась, а вслед ей женщины говорят, ну, прелесть ты, Масират, красавица наша, выглядишь просто великолепно. Спасибо. И, без сомнения, оживленный разговор снова о ней.

Вот и знакомые ивы, здесь, под тем деревом, что одиноко стоит возле шлюза у кромки воды, она встретила в первый раз наедине со своим будущим мужем. Юная, с робостью и дрожью в теле, точно вышла в сумерках на преступление, она направилась на первое свое свидание, а ее парень, добрый и внимательный, терпеливо ожидал ее здесь. Он был умница, много говорил, и вкрадчивый его голос пьянил ее с каждым разом все сильнее. А он позволил себе только лишь раз дотронуться до ее руки, в момент, когда попросил стать его женой.

Так может, снова спуститься вниз, сесть под ивой и попробовать оживить ощущения ее единственной любви. Пусть нет ее теперь, пусть больше никогда такое не повторится, но сейчас она, если это возможно, хотела бы на миг вернуть те душевные движения, когда любила она и любили ее. Может, здесь и находится то заветное место, ведь много счастливых вечеров она провела именно под этим деревом.

Но снова нет никаких ощущений. Только грусть, уже почерневшая от времени, холодом дохнула из глубины ее. Вдобавок ветер внезапно вскинул ветку прямо к ее лицу, мол, прочь, для тебя здесь ничего уже не осталось, все вами предано, все утрачено, все умерло.

Масират поднялась наверх, не замечая, как почернело небо, не чувствуя вдруг похолодевшего ветра, хватавшего ее за полы халата. И только спускаясь к роднику, она заметила, как вспыхнула под ногами земля, осветив ее до корней трав, до упавшего между ними едва видимого глазу семечка. За молнией, немного припоздав, прозвучал гром такой силы, что от испуга она опустилась на землю. Просидела минуту, со страхом и удивлением слушая стук сердца – да что с нею такое? Добраться бы до родника, тут несколько шагов осталось, облить лицо холодной водой и скорее домой. Но как только она склонилась к маленькому озерцу над бьющим из-под земли ключом – ужаснулась: в нем кишело множество каких-то коротких белых червей. Да как такое возможно: в чистой холодной воде, в священном роднике завелись черви. Не сон ли это?

Она выбралась из оврага и почти бегом направилась в сторону своего дома. Ее гнал не страх оказаться под ливнем, ни даже гром и молнии, которых она всю жизнь боялась, – так или иначе, это привычные, вполне преодолимые страхи, – но отвращение и ужас от белых червей. Стало быстро темнеть, в какой-то час исчезли люди, ласточки и мирно пасущееся стадо. По пути сюда еще работала мельница, а сейчас там, кажется, ни души, даже свет некому зажечь, хотя света не видно и ни в одном из

ближайших домов. Наверное, отключили на электростанции, чтобы не наделалось пожару от такого небесного светопреставления.

Но хоть бы кого из людей увидеть. Ведь должны же они где-то у себя во дворе шуметь, загоняя в укрытие птицу и скот перед бурей. Кто-то же должен, страшась надвигающегося бедствия, бежать домой, чтобы добраться до своего ребенка, оставленного без пригляда на часок, успокоить его, закрыть окна и зажечь керосиновую лампу. И где соседские ребятишки, что любят носиться под проливным дождем, и обеспокоенные их матери, безуспешно пытающиеся разобрать детей по домам.

Но никого нигде не видно, точно сговорились одну ее оставить на всем белом свете. Только одинокий всадник на миг показался на другом конце улицы, но так же внезапно нечеткий его силуэт размылся за обильными струями дождя. Ветер всей мощью наваливался на окружающие деревья, прямо перед Масират он надломил и нагнул до земли ветку соседской акации, пережившей на своем веку множество бурь. То тут, то там он теребил жестяные кровли, желоба и водосточные трубы, срывал куски шифера с хилых сараев и бросал их далеко в чужие огороды.

Масират подошла к своему дому, дрожа от холода и пытаясь согреть живот руками. Вода лилась с нее, не задерживаясь в одежде. Дневная красавица превратилась в съежившуюся, болезненного вида женщину. Со стороны могло показаться, что она либо пьяна, либо подслеповата – в грязи ноги не слушались, а у ворот она не сразу взялась за ручку калитки и отыскала ее только на ощупь. Она не обратила внимания, как от ветра надрывно хлопала из стороны в сторону ставни и как с потолка тонкой струей стекала вода на пол. Несколько раз она бесцельно прошла из комнаты в комнату, затем поочередно протянула руку к обоим окнам и, удостоверившись, что стекла целы, стала переодеваться. Накинула розовый материн халат на голое тело, распустила волосы и, не просушив их, села на кровать, спрятавшись с головой под одеяло, – так быстрее согреться своим дыханием.

Но не это важно – по дороге домой, когда увидела всадника, у нее мелькнула странная мысль, но упустила ее и не смогла развить. Она снова возникла перед ней в виде образа, напоминающего некую закрытую для понимания призрачную фразу. Подобное ощущение она испытала когда-то во сне: в тягучем и беспокойном забытьи она без всякого успеха пыталась объяснить ученикам значение какого-то слова, смысла которого сама никак не могла постигнуть. В этой абсурдной и безвыходной ситуации она находилась, как ей казалось, мучительно долго, пока через силу не заставила себя проснуться.

И теперь она пытается найти название этому призраку, хотя и понимает, что ни разглядеть отчетливо, ни даже мельком его увидеть невозможно. Очевидно, нечто, находящееся перед нею, не может иметь формы вообще. Если бы все это происходило в привычном измерении и мысли развивались в логической последовательности, то впору было задаться вопросом: что это за призрак? Выяснить, сила ли это какая, сгусток ли энергии, или чья-то воля, направленная на нее с определенной целью. И здесь, учитывая необычность явления, можно было рассчитывать на встречу с некой истиной, после чего нынешняя жизнь лишилась бы смысла, но открылась бы другая – осознанная, высокая и справедливая.

Очередная картина несколько ее не удивила, напротив, она приняла ее как давно живший в сознании образ. Возможно, Масират и раньше смутно желала увидеть мир со стороны, вот как сейчас: она находится в невесомости где-то в глубине ночного звездного пространства и держит в руках Землю. Осторожно поворачивая, она осматривает ее со всех сторон. Чтобы не навредить земным строениям, она берется за планету с двух сторон: то в месте безжизненных горных территорий и жарких пустынь, то запускает одну руку в страшные джунгли, а другую окунает в холодные воды мирового океана.

Вот она отыскала местонахождение их села. Здесь вчера ее оскорбили, унизили и выставили из дома мужа. Поначалу жизнь казалась конченной, но вдруг явилась какая-то таинственная сила и помогла пережить случившееся. И это вовсе не была ее заслуга – не Масират ее призвала, не она попросила о помощи, она явилась сама и вошла в ослабленную и безвольно распахнутую ее душу.

Вдруг стало ясно, что все то, к чему она была привязана в жизни, заманивало ее, оказывается ложной значимостью, иллюзией скорого свершения всех мечтаний. И пустота прошлого теперь открылась с мстительной очевидностью. Сколько душевных сил отдано пустым переживаниям, тому, что должно уйти без слез и сожаления. И всего-то нужно было не играть в слова, а оттолкнуть от себя саму жизнь со всем нагромождением нелепых представлений о ней с той же легкостью, как сейчас она оттолкнет эту бутафорскую Землю. Плыви же от меня прочь по своей орбите, крутись, играй светом и тенью для простаков, купайся в ледяном свете ночных звезд, – только меня оставь в покое. И Земля стала от нее удаляться, тяжело и мерно вращаясь вокруг оси под глухой вселенский гул.

Масират испытала одновременно испуг и восторг, как это бывает в момент прыжка с высоты или неожиданного взлета. Она сбросила одеяло, опустила ноги и коснулась холодного мокрого пола. Что за странные чувства она сейчас переживает? Что с ней, наконец, происходит? Но как подумать о чем-нибудь своем, когда на ее глазах порвалась струна на инструменте великого поэта и певца, жившего несколько веков назад на другом конце света. И струна эта, спрессовав страдания и боли столетий, полосонула по сердцу юноши, ее однокурсника, обреченно шагнувшего затем с высотного здания. И на какой-то миг Масират явилась свидетелем всей жизни древнего поэта и несчастного юноши и увидела незримую для всего мира таинственную между ними связь. Но для чего ей эта информация, и каким образом она вдруг к ней явилась? Не успела она осмыслить странное видение, как чередой поплыли другие.

Они стремительно исчезали и также возникали без влияния друг на друга, как несвязные фрагменты сна. Она видела события и человеческие судьбы в разном порядке и разном приближении. Если однокурсник предстал со всей отчетливостью и причины и трагического завершения своей истории, то как объяснить появление юной девушки из средневекового города, Масират не знала. Чувствовала только, что та находится в смятении и что через минуту она выбежит на лужайку к кустам алых роз и больно уколется себе палец. А через год умрет, оставив возлюбленному дневник – самое трогательное признание в любви, когда-либо сделанное. В какой

связи она явилась из небытия, и какое отношение имела к ней, осталось загадкой. Но со следующим видением Масират перестала искать в них смысл и стала лишь сторонним наблюдателем. Перед нею разворачивались интриги и заговоры, она была невольным свидетелем принимаемых решений, творческих волнений, предательств, измен, признаний, гениальных открытий, переживала со всеми героями их чувства. Люди с их страстями, мечтами, переживаниями пронеслись перед ее глазами. Весь род человеческий со всей обнаженностью своих устремлений оказался вдруг перед нею, и не находила она никакого оправдания их жизни...

Внезапно видения прекратились – другая, иного рода мысль остановила их движение. Где-то в глубине сознания, как в детском калейдоскопе, сошлись значения какой-то важной задачи и показалось решение. И с этого момента стало казаться, что все возникающие в сознании мысли принадлежат будто бы не ей: чудным образом исчезло физическое родство с ними и та важная, как она думала, составляющая всех ее мыслительных процессов – ответственность за них.

В коридоре, в кухонном шкафу на ощупь отыскиваются спички, там же, в прикрепленном к стене металлическом ободе стоит керосиновая лампа. Зажигает фитилек с дрожью в пальцах, а потом, одолевая тусклым светом тугое пространство тьмы, выходит из дома босиком, и по траве, напитанной холодной дождевой водой, направляется в сарай. Да, да, именно здесь: между шифером, вымазанным изнутри голубой краской, и нижним концом стропила отец хранил невероятно острый нож, завернутый в ее детскую велюровую юбочку. Он дорожил этим ножом, и прятал даже от жены, потому что она могла бы не удержаться и в его отсутствие дать кому-нибудь из соседей, вечно просящих у него то пилу, то топор, то рубанок, то еще что-нибудь. Сам он никому нож не одалживал, и брал только, когда звали помочь разделить быка или овцу по случаю какого-нибудь торжества или поминок. На руки не даю – смотрите так, говорил отец любопытствующим, ведь им можно рассечь пополам даже медведя.

Вот здесь слева, под крышей, и прятал он нож, Масират это не раз видела. Что ему было скрывать от них, девочки не достали бы его при всем желании да интереса к подобным предметам не имели. Но как же годы уменьшили сарай, теперь ей легко дотянуться до самой крыши, вот выглядывает часть детской юбки, а вот и рукоятка – боже, за все это время никто к нему даже не прикасался. И что странно: ни разу за все годы ей не приходила в голову мысль об этом ноже.

Масират с нежностью развернула тряпицу, тоже для нее дорогую, и взяла нож за рукоятку, в ее руке он смотрелся большим и тяжелым. Лезвие даже при тусклом свете блестело, притягивая какой-то неопровержимой красотой. Она невольно провела по острию подушечкой большого пальца левой руки, и тут же нежная кожа на подушечке разошлась. Пошла кровь, и она, машинально ухватившись почему-то за мочку уха, испачкала себе щеку и шею. Потом попыталась ее остановить, прижавшись к ране губами, но и это не помогло, разве только ощутила во рту неприятный вкус собственной крови. Острый лихой нож – не о тебе ли было упоминание в сегодняшнем сне? Эти слова она мысленно произнесла с предощущением священного ритуала, неминуемо ожидавшего ее теперь.

Дождь ослабел, но не прекратился. Только сейчас Масират стала различать его шум, там, в саду, он напряженно и однозвучно шелестел в листве. Она вышла из сарая, прислушиваясь к стуку своего сердца, намокшие петли бесшумно притворили за нею дощатую дверь. Сделала несколько шагов в глубь сада, взбухшая грунтовая тропинка пыталась из-под нее вывернуться. Склонившаяся над нею с обеих сторон высокая трава преграждала путь, полы халата намокли, и сделалось холодно ногам. Из раны на пальце обильно сочилась кровь, вкус ее все ощутимее нарастал во рту. Дождь мог потушить огонь, и она правой рукой, державшей нож, попыталась прикрыть отверстие стеклянного колпака, но больно обожгла пальцы.

Зачем она идет в темный сад? А идет она затем, чтобы не смотреть в сторону загона, где находится Мура, который уже миновала. Она задрожала от страха, и с трудом удержалась на ногах, они мгновенно ослабели и перестали слушаться. С немалым усилием ей удалось упереться правой ногой в грязь и повернуться в обратную сторону. Выбравшись, поставила лампу на землю и еще с минуту стояла недвижно, прислушиваясь неизвестно к чему. Ей казалось, что и там, за дверью, где стоит Мура, к ней тоже прислушиваются в ожидании от нее решительности. Первые шаги снова отозвались дрожью в руках и ногах, но вместе с тем было отчетливое сознание, что не убежит от страха в дом, а исполнит положенное.

Масират не ощущала уже своего тела, что-то медленно ее несло к двери, и она глазами отмеряла оставшееся до нее расстояние. Нет, в щель между досками она смотреть больше не станет, жутко будет сейчас видеть очертания одних только белых пятен на теле Муры, повисших в воздухе. Да, так и есть: Мура даже не ложилась, она стоит в напряжении, и взгляд ее тоже по-человечески напряжен. Здесь темно, ах, да, лампу забыла, Мура протягивает шею: «родная моя, единственная». Масират заносит над ней руку: вот рога, на них цепь, вот лоб, гладит его левой рукой, под рукой блеснул зрачок, не смотри на меня Мура, пожалуйста, очень тебя прошу. Правая рука с ножом тянется снизу к ее шее, а за воротами слышится: Масират! А Масират! Это Нажан, зачем ее сейчас принесло? Весь день ее не было, а теперь явилась. А калитка да – заперта. Этим ножом можно пополам рассечь медведя. Острый лихой нож! Правая рука, наконец, встречает искомую преграду. И вот движение, которому никогда ее не учили, но как легко и просто она это проделывает. Знакомое ощущение, точно разрезаешь тесто, но с той лишь разницей, что теперь снизу вверх. Да, получилось, это, оказывается, совсем несложно. И почему это семеро мужчин едва только управляют с таким же делом, и сколько разговоров, сколько криков! Ты возмись с этого края, а ты встань справа от меня и тяни на себя веревку, ноги теперь оттягивай в его сторону, голову, как ты держишь голову, да ты, я вижу, только с курицами имел дело! О чем это я? Грудь и живот болят, точно в меня ударили стенобитным орудием. Это, наверное, от непривычки. Кровь из горла Муры хлещет – хоть тазы подставляй, а она стоит пока и терпеливо выносит страдания. Знаю – все ради меня. Но что делать, это ее, коровья, участь. Но боль моя невыносимая. Где папин нож, его терять никак нельзя, попадет же мне за него. И почему я лежу в грязи, дождь льется на лицо, здесь холодно и

неприятно. Вокруг меня в агонии носится Мура с полуотрезанной шеей, копыта несколько раз пролетели близко над моей головой, как бы она не наступила на меня. Но вот Мура падает рядом со мною, она уже доходит, последние хрипы доносятся из перерезанной глотки. Масират! А Масират! – второй раз кричит Нажан. Ну что тебе, душа моя подруга, уходила бы ты к себе домой, не до тебя сейчас. Не видишь разве, как закрутилась вокруг меня земля воронкою, повалились строения, сад мой весь уходит со мною в кружение, прощай, добрая подруга, хоть ты меня и не слышишь! Весь двор с постройками смешался вместе со мною в едином вихре, да так быстро все кружится, что не успеваешь сожалеть о разрушении. Бруски, осколки шифера, доски с гвоздями больно ранят тело, цепь, чем привязывала Муру, замотала мои ноги, навозная жижа пропитала халат. Нас крутит в обнимку с Мурой, в ноздри бьет теплый животный запах ее кожи, влажные губы ее слюнявят мне шею, зубы ее скребут по моим зубам, шерстинки лезут мне в рот. Наши спутники дождевые черви, корни растений, ржавые винтовки, наконечники стрел и кинжалы минувших веков, женские украшения, деньги, человеческие кости, подземные воды и – пустота, дальше мы летим, не встречая сопротивления на пути.

Благостная невесомость, только Мура и я посреди ослепительной неземной голубизны. Тишина, покой и пустота. Возникло и осталось во мне одно только, ни с чем не сравнимое из ранее знакомых ощущение – любовь, и непонятно, на кого и на что она направлена, она просто во мне есть. Я кажусь себе огромной, где-то там, далеко-далеко внизу, за прозрачной дымкой облаков пасутся стада, и я думаю: это Мура обрела родное пристанище. Понемногу слева и справа в воздухе проступают покрытые еще туманом очертания речных долин, лесов и цветущих невообразимо яркими красками лугов. А надо мною открывается безграничное звездное небо. И вижу я у подножия одного из ближайших холмов дом наш, вот мать первая идет уже навстречу, затем отец с моей сестрой, уже взрослой. Мы не произносим ни слова, мы сливаемся в единое целое, как хорошо, именно это и есть абсолютное счастье. Ты явилась, и дом свой выстроила здесь, говорит, наконец, мама, отсюда ты достанешь до всего. Ты знаешь, и вы с сестрой явились мне задолго до того, как я встретила вашего отца. А что я говорила, встречает вдруг откуда-то явившаяся тетя, вот он, стоит и тебя дожидается. Он единственный, кто во все времена определен был мужем быть и возлюбленным твоим. Там вы не находите друг друга. А он оказался здесь в годы переселения нашего народа за море, с того минуло почти два века по вашему исчислению, ушел на дно морское вместе с другими. Видишь, он в дом твой входит – войди в него и ты. Высокий, худощавый, с красивыми усами, одетый в черкеску, коня он привязал к крыльцу и теперь поднимается по ступеням – я узнала в нем всадника, что видела во время бури за пеленою дождевого потока. Но скоро тает и рассеивается все вокруг меня, оставляя одну только ослепительно неземную голубизну, пустоту, тишину и покой.

Масират, а Масират, в третий раз кричит Нажан. Она уже сама изловчилась и с помощью палки выдвинула затвор калитки, а теперь направляется к Масират. Что случилось, что с тобой происходит, родная моя, да ты вся в крови. Для чего нож у тебя в руке, давай его сюда, не

нужно этого. Ах, чуяло мое сердце, не надо было тебя одну оставлять, какая же я дура. Убирает с лица Масират растрепавшиеся липкие волосы, пытается ее поднять, сама опускается на колени, прижимает к себе и плачет. Как же это так, разве можно с собою такое делать. Масират упрямо высвобождается из объятий Нажан. Уперев мутный взгляд в открытый дверной проем загона, она спиной вперед медленно отползает к фундаменту дома и облегченно к нему прижимается. В загоне, совершенно невредимая, стоит Мура и так же напряженно на них глядит. Ты, Нажан, теперь оставь меня, произносит Масират едва слышно, я пойду и сама приведу себя в порядок, мне так надо, а ты не ходи за мной в дом. Да как же она ее оставит сейчас, пусть и не думает даже – одну ее, видите ли, надо оставить. Пошли, пошли, я все сама сделаю, обмою тебя, уложу и до утра с тобой побуду, ни за что теперь тебя одну не оставлю. Вдвоём они трудными шагами направляются в дом. Но, подойдя к двери, Масират спиной закрывает туда доступ и умоляюще смотрит на подругу: Нажан должна ее сегодня оставить, завтра обо всем расскажет сама. Решительный взгляд утомленных глаз не ожидает сейчас никаких возражений – или она ей не подруга. Там разве кто-то есть, напоследок недоуменно произносит Нажан. До утра. А теперь, прошу тебя: иди.

Утром, как было договорено, Нажан спозаранку явилась в соседний дом, пробыла в нем около часа и вернулась домой. Она быстро переоделась с тревожной рассеянностью в глазах, незаметно вышла на улицу и направилась в сторону трассы. Через какое-то время она вернулась на едва не разваливающейся на ходу легковой машине, открыла ворота Масират и велела водителю въезжать. Еще через час машина выехала со двора и, поднимая густую пыль сельской дороги, что не видно было пассажиров внутри, вскоре исчезла. Нажан вернулась под вечер, устало прилегла на краю дивана и, однозначно отвечая на ненавязчивые вопросы матери, касающиеся в основном хозяйства, уснула с таинственной полуулыбкой на лице.

Спустя три года, когда уже рассеялись и забылись все разговоры и пересуды о внезапном отъезде брошенной мужем Масират, в один солнечный осенний день почтальон принес Нажан телеграмму. Через четыре дня, согласно указанной в телеграмме дате, она собралась и, никому ничего не сообщив, уехала в районный центр на железнодорожный вокзал. Поезд здесь стоит только две минуты. Боясь не совладать с собой от волнения и не расплакаться на людях, она решила пока не выходить на привокзальную площадку, и села на скамью в палисаднике, нервно теребя ручку сумки. Но они, оказывается, уже вышли из четвертого от нее вагона – как же она не заметила – выставили багаж, и неторопливо осматривались. Масират в длинном светлом плаще, поверх него длинная коса – боже, она краше прежнего. Возле нее в строгом сером костюме привлекательный мужчина с красивыми усами. Вокруг него бегал маленький мальчик, на голове его, чуть выше лба, сияла белая отметина размером с его кулачок. Пытаясь сдержать волнение, Нажан глубоко вздохнула и сжала руки на груди. Боже, как хорошо, шепчет она, я здесь, здесь я, не опоздала, я давно пришла, к вам иду. Она подошла к кованой решетке, отделяющей палисадник от перрона, но вдруг опустилась на бетонный уступ фундамента, закрыла лицо сумкой и заревела на всю станцию, не в силах себя остановить.

Мухамед НАФЕДЗОВ

У каждой мечты есть свой способ осуществиться

Рассказ

Я гулял по осеннему парку, мерз в наплывах холодного ветра, и казалось, что вместе с телом зябнет и ежится моя душа. Не знаю почему, словно повинуюсь потаенному призыву, я свернул с аллейки и пошел к высокой ели, одиноко грустившей в стороне от остальных деревьев. Шепот сухих листьев в траве напоминал мне о сладком запахе весны, и прошлое, как будто отражаясь в роднике, мерцало в моем сердце. Как бы я хотел вернуться в безвозвратно ушедшие дни. Но мне до них не дотянуться, как не добраться до вороньего гнезда на вершине огромного ореха. Я не сравниваю птичью кладку с тем, что потерял, что казалось мне счастьем. То, что ускользнуло из моих рук, было гораздо ближе, чем свитое на самой верхотуре гнездо. Нет, я ни о чем не сожалею, и не я первым заметил, что прошлого не вернуть. Но мысли о прошлом владели мной, приглушая картины настоящего и заставляя обращаться к памяти...

...Жаркий летний день. Это был первый день моего отпуска, который я решил провести в Домбае. Горные тропы в окрестностях пансионата разбегались в разных направлениях, везде хотелось побывать, все посмотреть. Я долго бродил в одиночестве, не чувствуя усталости, сердце было готово выпрыгнуть из груди, губы сами собой расплывались в улыбке. Странное волнение, словно в предчувствии чего-то необыкновенного, я объяснил себе случайной встречей – в гостиной пансионата, на одном из диванов, сидели три девушки. Хорошеньких девушек на свете не сосчитать, но истинная красота и обаяние проявляются только в сочетании с хорошим воспитанием. Именно этим – степенностью, простотой и одновременно изысканностью манер отличалась одна из сидевших на том диване. При взгляде на нее в моей голове вспыхнули тысячи мыслей, и мне стоило значительных усилий, чтобы заставить себя отвлечься, направляясь в столовую.

На следующий день, после завтрака, мы с моим новым знакомым отправились на пешую прогулку. Воздух был чист и приятен, взгляд наслаждался игрой солнечных лучей на снежных макушках и зеленых боках гор-великанов. В сердце поднимался восторг, когда я смотрел вниз, на бурливый горный поток. Напористые, ликующие звуки, издаваемые речными волнами, слышались словно музыка, созданная и исполняемая не только на наших глазах, но, казалось, и при нашем участии. Все вокруг было ново, удивительно, маняще... Вдруг взгляд мой выхватил из золотого сияния неба – тура, застывшего на вершине горы. Он был

настолько свободен и горд, что мог с полным правом смотреть на всех сверху вниз, как будто подобных ему в этом удивительном горном краю нет. Этот день был насыщен впечатлениями, как прозрачный воздух высокогорья – золотом июньского солнца.

Мне уже не верилось, что в моем возрасте еще возможны мечты, любовь. Я вообще считал ее выдумкой, думая, что так называют влечение к новому, неизведанному. А когда новизна притупляется, между двумя людьми не остается ни уважения, ни общих интересов, ничего, что удерживало их какое-то время вместе. Так твердил мне рассудок, а между тем душа рвалась к ней – к девушке, случайно увиденной в гостинной, глаза при встречах не могли на нее наглядеться. Таких встреч было мало, виделись мы в основном в столовой. Особая статья отличала ее среди девушек за столом. Я не берусь сравнивать ее прекрасные глаза с чем бы то ни было, и все-таки иногда их блеск напоминал мне последние яркие всполохи закатного неба. Я заметил в ее глазах чистый блеск свободного и прекрасного создания природы, не изведавшего нрава плохого человека.

– Брат, а что ты там так упорно разглядываешь? – спросил сидевший со мной за одним столом мой новый приятель, земляк-черкес по имени Зураб. Вместо ответа я кивнул в сторону девушки.

– А-а, кажется, ты серьезно увлекся чеченской красавицей, – улыбнулся Зураб.

– Конечно, а как ты думал! – ответил я, и подумал, что мне до сих пор и в голову не приходило поинтересоваться, какой она национальности.

В это время за наш стол присел знакомый карачаевец, и разговор о девушке прервался.

– Как себя чувствуют наши гости? Трапезничаете?

– Говорят, в компании с черкесами любая еда хороша. Даже если ты только что из-за стола, поешь с нами, – пригласил Зураб.

– Кушайте на здоровье, – вежливо отклонил приглашение наш знакомый. – Я только хотел напомнить, что в семь часов мы с друзьями собираемся на прогулку, присоединяйтесь, будет весело.

Мы с Зурабом согласились, а парень заспешил по каким-то своим неотложным делам.

Когда на душе радость, время летит незаметно. В тот вечер, сверх самых смелых ожиданий, на прогулке мне удалось познакомиться с девушкой, которая так властно захватила все мои мысли. Никогда не узнаешь до конца, что в душе у человека. Она, подобно черной земле, прячет в себе все. Начнешь искать, того и гляди обнаружится такое, на что никак не рассчитывал. Но мне казалось, что я влюбился в эту девушку. И душа ее казалась мне еще прекрасней ее милого облика, и поэтому мне хотелось узнать ее поближе...

Увлечшись беседой, мы с ней незаметно отстали от других. Высказывали то, что у каждого было на душе. Удивительно, но наши взгляды на многие вещи совпадали. Вскоре мы остановились у моста, внизу шумел бурный поток. Светильники, развешанные среди деревьев, отражались в

воде мириадами острых осколков, вспыхивали, взлетали и таяли в вечерней темноте. Почему-то и воду мне захотелось сравнить с ее прекрасными глазами, впервые увиденными мной так близко. В какой-то момент наши взгляды встретились, и моя спутница тут же опустила веки. Но я все равно заметил, какую сладость таили эти глаза.

– Мне... мне кажется, – запинаясь, произнес я негромко, – что ты не похожа на других. Но, по-моему, что-то тебя сейчас печалит...

– Да? – вскинула она ресницы. – А с чего ты это взял?

Я замаялся, пытаюсь высказаться определеннее.

– Ну... не знаю... показалось...

Не обращая внимания на мое замешательство, она подошла ближе к берегу, махнула мне рукой.

– Посмотри, какая чистая вода, напиться бы...

– Я принесу тебе сколько угодно воды, напьешься вдоволь! – сказал я и неожиданно даже для самого себя добавил: – Дай только вдоволь наглядеться на твои глаза.

Девушка рассмеялась, вторя шуму реки, и этот смех эхом раскатился по всему ущелью. А ведь до сих пор я не то что смеха ее не слышал, но и улыбки не видел на ее лице.

– И в чем ты ее принесешь? У тебя же не во что набрать, – по-прежнему весело сказала она.

– В ладонях!.. Но ты, пожалуй, побрезгуешь. Подожди, я сейчас...

Оглядевшись по сторонам, я не заметил ничего такого, что могло бы послужить подобием сосуда для воды. Однако недалеко от реки светились окна многоэтажного корпуса – туда-то я и побежал в поисках кружки или стакана. Через несколько минут, также бегом, вернулся с фаянсовой кружкой. Словом, очень скоро желание моей спутницы было исполнено.

Она поднесла кружку к свету, то ли разглядывая на ней рисунок, то ли в воду глядела, затем поднесла к губам. Пила, не спеша, делая пере-рывы, вдыхая полной грудью воздух, улыбалась каким-то своим мыслям и снова делала глоток. Наконец сказала:

– Спасибо тебе... Вода – словно медовая. В местах, где редко бывает человек, острее чувствуешь красоту и чистоту.

– Это правда, – согласился я.

– Вода – лекарство для души!

– И это правда. Скажи, а что лекарство для сердца?

– А что, сердцу нужно лекарство?

Я отвечал, глядя в ее лицо:

– Знаешь, лекарством для сердца может быть только другое сердце, которое бьется в том же ритме и способно отдавать свое тепло.

Ее глаза, как мне показалось, горели ярче ночных фонарей. Я не мог сказать, какого они цвета – черные, голубые или зеленые, я видел только свет, идущий из их глубин. Мне захотелось взять ее за руки, почувствовать ее тепло. Нам никто не мешал, но я боялся, что она убежит, стоит мне только прикоснуться к ее пальцу. Не решаясь что-либо сделать, я все-таки немного подступил к ней и спросил:

– Фаида, ты веришь в любовь с первого взгляда?

Девушка смутилась, даже в вечерних сумерках был заметен румянец, заливший ее щеки, она опустила голову. Я ждал.

– Хочешь правду? – собравшись с мыслями, начала она. Я поспешно закивал, и Фаида продолжала: – Наверное, она есть. Я вижу, что ты в нее веришь. Не могу сказать, что разделяю эту твою уверенность. Мне кажется, любовь – как счастье, которое нельзя взять в руки. Она невесома и быстротечна, не успел оглянуться – ее уже нет. Как ты думаешь, почему в наше время распадается столько браков, люди, женившись по любви, расходятся? Любовь длится до тех пор, пока не остынет? А если нет теплоты, душевности, взаимного доверия, уважения между двумя людьми, самая пылкая влюбленность пройдет бесследно.

– Но ведь любовь и скрепляет все то, что ты сейчас перечислила, и не только это. Будет ли понимание, если изначально нет любви?

– Любовь, любовь... – вздохнула моя собеседница, – сколько о ней говорят, сколько романов написали, но никто так и не постиг ее до конца.

– Фаида, не обессудь, если мои слова покажутся тебе нелепыми, наивными, но в тебе есть что-то, я это чувствую, невидимое для глаза. Я не могу понять, что это. Никогда я еще не переживал подобного, никогда не был в таком состоянии. Конечно, тебе трудно в это поверить, мои слова могут показаться пустыми, не имеющими никаких оснований, ведь мы едва знакомы, по сути, ничего друг о друге не знаем. Можно ли в таком случае говорить о возникновении любви? Но, как говорится, пока лбом не стукнешься, не поймешь...

– Кто знает, может, так оно и есть, – задумчиво сказала Фаида. – В жизни ничему нельзя удивляться. Это жизнь. Неожиданно все может перемениться. На все воля Аллаха. Таковы люди, трудно узнать, что у них на сердце или что может прийти им в голову. Как узнать?

– Не знаю...

– Мне хочется верить в честность, искренность, но всему, что говорят, особо верить нельзя.

– Я понимаю, о чем ты говоришь. Поверь, я сейчас далек от притворства, да и вообще привык говорить то, что думаю.

– Не обижайся, но это неразумно. Нельзя произносить вслух все, что приходит в голову. То, что тебе кажется верным, правильным, может оказаться ошибкой, ложью... Не принимай эти слова на свой счет, я тебя еще плохо знаю, но кто привык слушать голос своего сердца, того побеждает надменность...

Она говорила, а я слушал ее нежный голос и думал, как давно мне не приходилось разговаривать с таким удовольствием, раскрывая душу и находя во мнениях собеседника отклики своим собственным суждениям.

Тот вечер был отдохновением для души. Для человека, которого сдавливает одиночество, подобное общение дорогого стоит. Окружившие нас горы, несмолкаемый говор чистой реки, шелест подсвеченной фонарями листвы, все звуки, запахи и цвета этого беззаботного мира завораживали, все было приятно и глазу, и сердцу, тем более – рядом была девушка, которая тебе нравилась, которую хотелось узнать поближе, подобную которой ты никогда не видел... Да, мир казался таким красивым, таким

неизведанным и интересным именно из-за того, что она была рядом. Мы возвращались, устремив наши сердца навстречу друг другу, и молчали. В какой-то момент, поймав задумчивый взгляд спутницы, я сказал:

– Фаида, не могу поверить, что твои глаза видели войну. Такие красивые, такие неповторимые... Эти блестящие, словно звезды, глаза были даны тебе, чтобы дарить людям сладость, душевность, чтобы украшать этот мир!

Девушка одним взглядом остановила поток моих слов, и этим взглядом поведала все, что таила в своем сердце.

– Аслан, – тихо произнесла она, впервые называя меня по имени, – о чем ты сейчас думаешь?

– Признаться, я и сам не разберу, слишком много мыслей, чувств, сразу всего и не выразишь...

Мы замедлили шаг, затем остановились. Волнение охватило меня, слова вымолвить не могу, молча смотрю на нее. А она вертит в руках кружку, о которой я уже и не помнил, поворачивает к свету и пристально всматривается в маленькую красную розу на ее боку. Потом обеими руками протягивает кружку мне.

– Храни как память о нашем разговоре...

Я молча и растроганно принимаю подарок, девушка прощается и уходит. Чувствуя, что в этот вечер я самый счастливый человек на свете, ухожу к себе...

Сколько на свете людей, у которых есть и почет, и богатство, но нет взаимопонимания, они ссорятся, обижают друг друга, дело иногда доходит до беды. А другие живут в мире и согласии, но нет здоровья... Человеку всегда чего-то не хватает. А разве не счастлив тот, у кого ничего нет, но он считает, что обладает всем, что равных ему нет? Вот в таком состоянии был и я. Просто чувствовал себя счастливым, не заботясь о том, какое определение можно дать счастью, в какие формы его облечь.

Просыпаясь ранним утром, я не мог дождаться вечера, потому что встречаться с чеченской девушкой Фаидой мы могли только по вечерам. Мы встречались на общих прогулках. И усталость моя пропадала, стоило взглянуть в ее глаза, да что там усталость – я забывал все! В ее глазах было столько нежности, добра, взгляд ее проникал в самое сердце, но не останавливался в нем, ширился, как бушующее море, захватывая и сотрясая все мое существо. А между тем отпуск подходил к концу, близилось время отъезда из пансионата. Думать об этом было мучительно, накапывала тоска, и я не знал, куда себя деть. Так было и в этот вечер. Я пришел на берег реки, где мы обычно встречались, и там, у высокой ели, стал дожидаться. Скоро на тропинке показалась ладная фигурка Фаиды, она спешила ко мне, словно чувствовала, что творится в моей душе.

– Привет. Как дела? – спросила она, подойдя и ободряюще улыбаясь.

Я протянул ей плитку шоколада и поздоровался, как обычно. Раньше у черкесов не было принято здороваться с женщинами за руку, у чеченцев тоже не было такого обыкновения. Таким образом, не нарушая обычаев, держась с обеих сторон за скромный подарок, мы словно бы обменивались рукопожатием. Фаиду это удивляло, и каждый раз, участвуя в нашем

условном ритуале приветствия, я видел в ее глазах уважение и радость, и от этого мое сердце увеличивалось, наполняясь гордостью.

– Дай Аллах тебе здоровья! Не нужно столько сладостей!

– Какой разговор... но, признаться, когда я протягиваю тебе конфету, а ты прикасаешься к ней, мне кажется, что я чувствую теплоту твоей души.

Фаида засмеялась мягким грудным голосом.

– Радуйся всегда, я не хочу, чтобы ты грустила...

– Я тоже хочу видеть тебя веселым и уверенным в себе. Но... когда мы разъедемся...

– Этого я и боюсь больше смерти!

– Аслан, давай не будем думать об этом.

– Мы так недавно познакомились. Я не хочу терять тебя...

– Но что мы можем? Что тут поделаешь?

– Только смерти мы не можем помешать... Ты знаешь, что я тебя люблю!

Она покраснела и опустила голову. В тот момент я почему-то нашел в ней сходство с красной розой на кружке, в которой приносил воду в день нашего знакомства.

– Мне кажется, что мы никогда больше не увидимся, – прошептала Фаида, лицо ее стало печальным, огоньки во взгляде погасли.

– Не говори так: что зовешь – то и приходит!

– Не хочу, чтобы мы себя обманывали.

– Не понимаю...

– Аслан, не осуждай меня... Сила Аллаха велика – нельзя выйти за пределы предначертанного. Еще не придумали лекарство от смерти и от сердечных ран. Я бы хотела знать: когда человек умирает, помнит ли он того, кого любил? – Она снова печально вздохнула. – Как быстро идет время...

– У нас еще есть несколько дней, – потерянно и обреченно сказал я.

Фаида подняла на меня грустный взгляд, и в этом взгляде промелькнуло сочувствие. И я смотрел на нее, смотрел, не отводя глаз, потому что боялся, что ее отнимут у меня, и любовь к ней обжигала душу. Отчаяние от скорой разлуки, чувство потери настигло и меня. На что нам было надеяться?..

– Фаида, я обещаю! Я найду тебя, где бы ты ни была! Ты только жди меня...

– Я буду ждать...

До позднего вечера мы простояли у нашей ели. Не припомню, что бы я когда-нибудь спал слаще, чем в ту ночь. Счастьем, утешительными надеждами был наполнен мой сон. Но если бы я мог предположить, что принесет мне грядущее утро...

Проснулся я поздно, вышел во двор пансионата, но то, что с таким нетерпением искало мое сердце, не находили мои глаза. Ее не было ни в столовой, ни среди подруг... «Может, заболела?!» – подморозила сознание шальная мысль. Я долго бы метался по округе, не находя себе места, если бы ко мне не подошел мой приятель.

– Уехала твоя девушка. Собралась ни свет ни заря и уехала.

Мне сложно было ее понять. Почему она так поступила?.. Горечь обиды, сомнения и те, светлые чувства, – все перемешалось. Я много думал, прокручивал, словно видеоленту, последние события, слова Фаиды... но не находил объяснения.

Прошло время. От друга я узнал, что ее больше нет. Она была неизлечимо больна, но ничем не выдала своей страшной тайны. Господи, откуда у этой хрупкой девушки столько терпения... Так и не увидел я ее, приехал уже, чтобы постоять у могилы.

На кладбище было тихо, изредка тишину нарушали крики черных птиц. Ее надгробие не отличалось от других, но лежавший под ним человек не был похож ни на кого, близкий мне, только мой. Устала, казалось мне, отдохнет и вернется. «Пока живу, буду помнить», – шептал я, словно клятву, и губы снова и снова повторяли эти слова, и мне казалось, что я слышу ее мягкий голос...

...Я гулял в осеннем парке и остановился рядом с высокой красивой елью. Когда вижу такую ель, всегда вспоминаю Фаиду. Потому что это одно из немногих деревьев, что не теряет своей зеленой кроны, не боится ни летнего зноя, ни мертвящей зимней летаргии. И хотя нет больше на свете этой прекрасной девушки, она живет в моем сердце. У каждой мечты есть свой способ осуществиться. И мою мечту я не сравню ни с чем. Для меня эта любовь – как воздух, которым дышу. Я ее не потерял! Она была жива, так легко, так щедро наделяла счастьем. И я не могу ею насладиться, я радуюсь, я плачу... успокаиваюсь.

*Перевод с кабардинского языка –
Оксаны Апажевой
и Ладомира Местича*

Мусса БАЙДАЕВ

Все человеку жизнь дает сполна –
Отнюдь неважно,
Где живешь и кто ты.
Работай от зари и дотемна –
На сотни лет отпущено работы.

Каких красавиц в жизни только нет!
Твоя душа влюбиться захотела?
Влюбись!
И жить бы надо много лет,
Чтоб о любви судить со знанием дела.

Науки познавай из года в год,
Чтоб выйти в космос из земных туманов.
На десять тысяч лет –
Одних забот!
На сотни тысяч лет –
Серьезных планов!

И предается юность грезам,
Снам.
И верит в старость близкую едва ли.
Но смерть не ждет!
Она приходит к нам.
Когда серьезный труд –
В самом начале.

Над этим многие гадали –
Как юность в старости оберечь.
Все притупляется с годами –
И взгляд,
И слух,
И нюх,
И речь...

Возможно так лишь в жизни серой.
Бескрылость старости виной.
А я живу на свете – с верой.
Что будет молодость со мной

И через тридцать,
Через сорок
Моих неугомонных лет!
Мне юный пыл души столь дорог,
Сколь дорог людям
Солнца свет.

Давно виски уж поседели.
И просьба слышится в груди:
О молодость, ты в самом деле
Живи со мной,
Не уходи!

В работе	Я даже, кажется, моложе
Утро я встречаю.	Сегодня дочери моей.
Не гнусь лозинкою от бед.	
И постоянство замечаю –	И машут крылья за спиною,
Я жизни рад, как в двадцать лет.	Когда заметит горы взгляд –
	И значит, молодость
И удивленье миром – то же,	со мною!
И жизнь весомей и милей.	В мои седые пятьдесят.

Богатство наше вовсе не в рубле.
 И, несомненно, тот преступно беден,
 Кто век прожил без дружбы на земле,
 Спиною повернувшись
 И к соседям.

Кто дружбою богат –
 Тот на коне!
 Богатому казной
 Без дружбы туго,
 А бедному крестьянину –
 Вдвойне,
 Особенно
 Когда теряет друга.

Я с первых лет
 Остался сиротой.
 И вот богат я дружбою под старость.
 Но страх берет,
 Когда мой дом – пустой...
 Тогда я говорю себе:
 Постой,
 Да неужели друга
 Не осталось?!

Смотрю на майские долины.
 Смотрю на отчие места...
 Необозримые картины!
 Необозрима красота!

Глядеть на все –
 Не наглядеться!
 Так люб Кавказ моей судьбе.
 Его края сыновье сердце
 Вместило полностью в себе,
 Что даже взглядом не измерю

Ущелья, доли,
Свет и мрак...
И слову доктора не верю,
Что сердце наше
Лишь с кулак.

Кому ты в жизни чем-либо помог?
Кто скажет про тебя:
«Моя опора!»?
Взгляни на малый звонкий ручеек,
Чей длинный путь
От снежных гор пролег
До полевого хлебного простора.

Чтоб не скучать,
Он песнь в пути поет –
Где спуск с горы
Судьбой проложен круто.
Но ты заметь:
Казалось, без забот
Ручей под знойным солнышком живет,
Но он без них не мыслит
Ни минуты.

Пережитое –
Все хранится в нас.
Момент любви –
И тот до смерти ярок.
Любую радость,
Малую подчас,
Храним в душе
Как дорогой подарок.

Придет беда –
Терпенья я молю.
И думаю
О каждом я курьезе,
Что сводит
Дело важное
К нулю.
Глумленья ни над кем
Не потерплю –
Пусть оно
И в самой малой дозе.

Порой ветрам,
Что рыщут в поле,
Злы,
В нас породить
Великий страх охота...
Им не подвластны
Гордые орлы,
Что не унизятся,
Взлетевши со скалы,
До высоты куриного полета.

Любовь – моя богиня!
А врагу
Я и травинки
Не оставлю в поле:
Глумленья, козни
Видеть не могу,
И комара не боле.

Магомет КУЧИНАЕВ**Пословицы и поговорки –
кладезь народной мудрости**

И это действительно так. Ведь в пословицах и поговорках в краткой форме выражен весь жизненный опыт народа за многие века и тысячелетия! Ведь никто не может сказать, когда народ изрек ту или иную истину в форме пословицы, – нет, конечно. И если нартские сказания представляют собой, коль допустимо такое сравнение, сериалы о прошлом нашего народа, где авторы не очень-то ограничены ни временем, ни пространством, ни тем более какими бы то ни было рамками в использовании своей фантазии, то поговорки и пословицы более похожи на изречения мудрых академиков по тому или иному типичному случаю из жизни. Коль очутишься, мол, в таком положении, постарайся не ошибиться, постарайся поступить правильно.

Жизнь – многогранна, а потому поговорки и пословицы тоже разнообразны, как и явления жизни и поступки людей.

К сожалению, наши ученые не уделяют должного внимания сбору и публикации наших поговорок и пословиц, их изучению и комментариям. Впервые небольшой сборник балкарских поговорок и пословиц был опубликован в 1965 году, спустя примерно 20 лет вышла маленькая (и форматом, и объемом) книжечка, составленная Азретом Холаевым, сотрудником НИИ, – вот и все.

Ни первая, ни вторая книжки не могут считаться достаточно подготовленными и полными изданиями, так как в них не оказалось слишком уж много пословиц и поговорок, имеющих хождение в народе. Тем не менее и эти две книжки дают достаточно ясное представление о духовном богатстве, о жизненном опыте нашего народа – до того они, собранные в этих небольших книжках пословицы и поговорки, своеобразны и колоритны, полны мудрости, а порою и открытого юмора. Говорят, тот народ умен и мужественен, который может легко и свободно посмеяться над собственными недостатками. Если это правда, то наш народ – и мудрый, и мужественный. Чего стоит в этом плане одна только эта поговорка – «Пусть первая дума горца (то бишь балкарца) будет чьей угодно, лишь последняя – моей!». В этой поговорке балкарец выглядит не очень-то умным, раз народ согласен воспользоваться его думой и мыслью лишь после того, как он, образно говоря, набьет себе шишки и наберется опыта, думая и, соответственно, поступая то так, то этак. Он, наверное, и наивная душа, ничего в этой жизни не смыслящий, возможно туговат в умственном отношении, или же, наоборот, не в меру горяч и скоропалителен, как он сам, народ, говорит, немножко «того», раз сам же не хочет ни думать, ни поступать так, как это делает его любимый горец, то есть он сам. Наверное, балкарец начинает нормально мыслить и поступать

лишь после того, как жизнь набьет ему шишки. В этом же ряду стоит поговорка «Поздороваться по-чегемски». Поздороваться по-чегемски, это значит – начинать здороваться тогда, когда уже пора и прощаться. Ведь бывают же в жизни такие курьезные случаи, когда человек, увлекшись встречей и выяснением каких-то деталей одного любопытного дела, забывает вовремя поздороваться.

Народ смеется и над теми, кто не чтит горский этикет, о чем и говорит поговорка «Саутулинец, коль наелся, сразу уходит». По горскому обычаю считается неприличным, если ты находишься в гостях, уходить сразу же после угощения. Надо еще хотя бы посидеть немного, поговорить с хозяевами о том о сем, а то подумают еще, что ты приходил-то только для того, чтобы поесть. Жители села Сауту, того самого злополучного Сауту, которое сожгли в 1942 году советские войска и партизаны, видно, опростоволосились, бывая в гостях в других селениях, именно подобным нарушением этикета. Вот и «прославились». Кстати, эту поговорку я не нашел ни в первой, ни во второй книжках. Может, авторы пожалели саутулинцев, не хотели их выставлять в нехорошем свете перед всеми? Возможно, но тогда ведь надо было пощадить и чегемцев, которые даже и поздороваться не могут, к тому же еще в доме после них как после Мамая (есть поговорка: «Балкарец (житель Черекского ущелья) придет – дом тебе поставит, чегемец придет – дом твой опустошит»). Но если щадить всех, то ведь обеднеет фольклор. А еще хуже – наши предки будут казаться не такими уж остроумными и жизнерадостными, какими они предстают в поговорках, пословицах, коли их знать побольше.

Вот, видя чрезмерно горделивого человека, витающего в своих мечтах в облаках, народ говорит, добродушно улыбаясь: «Гордыня его – в небе, а зад его (а он сам) – в золе». Какой народ не знает и не высмеивает кичливых людей, попавших из «грязи в князи», есть и у нас поговорки на эту тему. Многие пословицы и поговорки строятся на игре слов, на созвучии звуков, а потому очень трудно их перевести так, чтобы они сохраняли сочность и ясность мысли оригинала. Вот, к примеру, поговорка о таких кичливых, которые «из грязи в князи». «Кюн кёрмеген кюн кёрсе, кюндюз чирак жандырыр». Видите, какая игра слов и созвучий: кюн, кюн, кюндюз. Кюн – это солнце, но в данном случае имеем дело с иносказанием. Здесь – это материальное благополучие. А слово кюндюз – это значит день. Дословный, нелогичный перевод будет таков – «Коль не видевший солнца увидит солнце, он и днем свечу (лампу) зажжет». А смысловой перевод будет примерно такой: «Коль бедняк разбогатеет, он и днем будет свечу зажигать». Чтобы, мол, показать людям, что он не беден, что он богат. Другая поговорка на эту же тему тоже построена на игре слов. «Тапхан табанын кётюрюр». Дословный перевод: «Находящий поднимает стопу», что к чему – совершенно непонятно. А смысловой перевод примерно таков: «Коль человеку (легко) достается (богатство) – он возгордится». Или «Таба баргъан чаба барыр». Дословный перевод: «Находящий будет бежать». Тоже нелегко догадаться о смысле поговорки. А смысл таков: «Жадность человеческая безгранична, а потому кто (легко) находит богатство, тот будет желать его еще больше».

О бездельниках и лентяях тоже немало пословиц и поговорок. И это вполне понятно – ведь для нашего трудолюбивого народа бездельники и лентяи – люди далеко не симпатичные, и посмеяться над ними вовсе и не грешно. Одна из лучших поговорок на эту тему такова: «У кого нет дела, тот гоняет собак на водопой». На первый взгляд вроде бы ничего особенного здесь и нет. И то правда – зачем гонять собак на водопой, коли они и сами могут найти воду, когда им захочется пить. Но здесь тот случай, когда юмор как бы скрыт в тени. И он проясняется лишь человеку с воображением, с чувством юмора. Стоит только представить себе, как это на самом деле будет выглядеть, как сразу же начинает, словно на фото-плёнке в ванной, ясно выступать юмористическое содержание поговорки. Во-первых, собаки – это тебе не бараны, и их никак в группу не собьешь, не соберешь. Во-вторых, если даже это тебе как-то и удастся чудом, все равно погнать их на водопой не удастся – они, конечно же, разбегутся. В любом случае пытаться погнать собак на водопой – занятие совершенно бесполезное и неосуществимое. В этой поговорке народ как бы посмеивается над теми незадачливыми людьми, которые всерьез принимаются за какое-то совершенно бесполезное дело.

Иногда можно увидеть целую стайку работниц «Горзелентреста», одетых в оранжевые безрукавки, собирающих на проспекте редкие опавшие желтые листочки в начале осени или ранней весной сгребающих уже и так почти растаявший снежок, выпавший ночью. Ярко-желтые листья осенью – это же красота, пусть хоть недельку полежат на зеленой лужайке под деревьями. А еще лучше – по поздней осени. А потом можно сразу все и убрать. А снежок этот весенний, который и так еле прикрыл асфальт, – он ведь растает и сам к полудню! Зачем и в том, и другом случае попусту тратить время и силы, разве нет более серьезных дел? Зачем «гонять собак на водопой»?

Но, конечно же, абсолютное большинство наших поговорок и пословиц, как и у всех народов, имеет серьезный философско-житейский смысл. И каждая поговорка, каждая пословица здесь – целый клад мудрости. Всего несколько слов – и настоящий философский трактат! Вот послушайте: «Когда стадо поворачивает назад – хромя овца окажется впереди». Всего-то одно предложение из нескольких слов – а какая глыба мысли, сколько трагедии! История человечества, да и нашей страны, знает множество примеров, подтверждающих эту печальную истину – истину о том, что в смутные времена, когда рушатся основы устоявшейся жизни, когда общество делает крутой поворот, на вершине власти – «впереди стада» – оказываются «хромые овцы». Начало XX столетия, Россия: война, разруха, революции – и у власти оказывается целая гурьба «хромых овец» во главе с Лениным и Сталиным. И на целое столетие беда обрушивается на Россию, заодно и на соседние страны. И в Германии после Первой мировой войны и позора поражения тоже во власти оказываются «хромые овцы» – фашисты – во главе с Гитлером. И беда обрушивается не только на саму Германию, но и на весь мир. В смутные годы, когда народы кардинально меняют пути своего развития, как правило, у них в предводителях оказываются «хромые овцы», – так было в Ираке (у вла-

сти стал Саддам Хусейн), так было в Конго (у власти стал Мабуту), так было в Югославии (у власти оказался Слободан Милошевич), так было и в Афганистане, и в Иране, и в Ливии во второй половине XX века. До и после распада СССР во главе России тоже оказались, к сожалению, «хромые овцы», которые чуть было не развязали в стране гражданскую войну, но поджечь Кавказ они все-таки умудрились – и теперь Чечня стала незаживающей раной России.

Не меньший философский смысл имеет и другая поговорка – «Плохому человеку делать добро – это то же самое, что сшить тапочки собаке». Мы, люди XXI века, конечно, знаем о том, что на севере собак используют вместо лошадей, и, запрягая в сани, им иногда шьют тапочки, чтобы об льдинки не резали лапы, но наши предки об этом, разумеется, не знали и были уверены в том, что собакам тапочки не нужны, и они, собаки, не оценят подобную заботу о них человека. Точно так же не оценит ни заботу, ни доброту и плохой человек.

И опять же мы должны признать, что эта поговорка, к сожалению, «глаголет» истину. Каждый взрослый человек примерами из своей жизни может подтвердить правоту этой поговорки, мы же приведем лишь один пример из истории.

Люди, интересующейся историей Золотой Орды, знают о том, что Тохтамыш на трон посадил могучий эмир Темирлан. С тем, чтобы иметь у себя за спиной своего человека во время похода в Индию, о котором он мечтал больше всего. Трижды сгоняли Тохтамыш с ханской тахты, трижды, посылая вместе с ним большое войско, сажал его на трон Темирлан. Казалось бы, что Тохтамыш теперь в вечном долгу перед Темирланом, всегда будет ему опорой и поддержкой. Но, видно, не зря народ сложил такую поговорку. Наверное, действительно не имеет смысла делать добро плохим людям. А Тохтамыш, скорее всего, был плохим человеком. Потому что, окрепнув, напал на Темирлана. Темирлан разгромил Тохтамыш. Но тот, оправившись, опять напал на Темирлана. Тому ничего не оставалось, как вновь поднять саблю против того, кого сам и вскормил. И, как известно из истории, беспощадная сабля Темирлана сокрушила не только Золотую Орду, но почти полностью истребила многие народы Северного Кавказа, в том числе и аланов, бывших до этого одним из сильных и многочисленных народов в этом регионе.

Точно тот же смысл имеют и другие поговорки. К примеру: «Откормишь плохого ягненка – и нос, и губы будут в жиру; откормишь плохого человека – и нос, и губы будут в крови». И горькая поговорка на эту же тему, видно, уже сочиненная в XX веке: «Ни одно добро не остается безнаказанным».

Конечно, эти и другие поговорки отражают горький опыт жизни, когда некоторые плохие люди делают зло тем, кто им же помогал в трудную минуту. Но это совсем не значит, что все люди плохие. Ведь большинство людей все-таки хорошие, благодарны тем, кто приходит к ним на помощь в тяжелое время, и всегда готовы сами помочь другим. Так что, большинство людей все-таки человеки. А человеку свойственно делать добро. А злоба больше присуща животным. А потому – не бойтесь и не стесняй-

тесь делать добро! Замечательны поговорки и пословицы, посвященные восхвалению ума и человечности, мастерства и осмеянию жадности, тупости и лени. «У кого рука сильна – тысячу раз ударит, у кого голова сильна – один раз ударит». «Пустое ведро громко гремит». «Учение – пища знания, знание – кол достатка». «Без учения – нет знания, без знаний – нет солнца (нет радости, нет благополучия)». «Тот, кто не соревнуется, мужчиной не будет, хорошим людям товарищем не будет». «Хороший человек – богатство народа. Хорошая земля – богатство жизни». «У кого плохая нога – грязь месит, у кого плохой язык – народ месит (мутит)». «У кого есть голова, у того есть и пища». «Кто знает дело – делает, кто не знает дело – страдает». «Когда дело доходит до работы – он труп, когда дело доходит до еды – он волк». Здесь особо можно отметить и такую поговорку: «Топор, построивший дом, остался на улице». Эта поговорка имеет глубокий философско-этический смысл, выражающийся в том, что в жизни зачастую случается и так, что мы не умеем воздавать должное большим благородным делам и поступкам людей. В народной жизни и в быту эту несправедливость можно видеть почти каждый день. Типичный случай для второй половины XX века из жизни балкарцев примерно таков: в тяжелые послевоенные годы старшие в семье вынуждены были больше думать о выживании, а не об учебе, а потому они становились кормильцами семьи, где обычно отец репрессирован, самый старший сын не вернулся с войны, а мать еле управляет с домашними делами. И он, следующий старший сын, кормилец семьи, работает день и ночь, кормит младших братишек и сестер. Те подрастают, ходят, как и все, в школу. И хотя бы один из них потом, выучившись, становится бригадиром, агрономом, а возможно и большим начальником. И все – и родня, и соседи, и народ вообще хвалят этого начальника, говорят, что он возвысил своим умом и знаниями не только свой род, но и все село. А о том, что его старший брат фактически и спас его и от голодной смерти, и сделал все, чтобы он без особых забот учился, да и сегодня не уступит своему младшему брату не только по хозяйской сметке, да и по уму-разуму, почему-то никто ничего обычно не говорит. Он как бы остается в тени, «на улице», в то время как «дом» (общее достижение семьи) фактически построил именно он.

В большой политике такое тоже часто бывает. И страна, и народ не всегда воздают должное человеку, совершившему в трудную минуту мужественный поступок, в результате которого или «строится дом», или же сохраняется «дом» от разрушения. Так, в период попытки государственного переворота ГКЧП-истами председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Руслан Имранович Хасбулатов – первый и единственный из высших руководителей страны – сразу же назвал действия ГКЧП-истов попыткой государственного переворота, антиконституционным актом, и призвал мировое сообщество и граждан страны встать на защиту демократии и свободы в России. И именно его выступление по радио полностью прояснило политическую подоплеку происходящих событий, четко и ясно поставило перед всеми людьми чистой совести задачи – сорвать планы заговорщиков, отстоять в стране свободу и демократию.

Лишь потом, когда Хасбулатов вернулся из радиостанции в Белый

Дом и практически стал организовывать отпор ГКЧП-истам, отыскивали где-то в подвале Ельцина и он вышел к народу, взобрался на танк, являя собой символ новой демократической власти России.

И как же отблагодарили народ, страна, Ельцин Хасбулатова, за то, что он фактически стал спасителем новой России, демократической России, когда ленинско-сталинские наследники попытались вновь ввергнуть страну в хаос большевистской вседозволенности правящей клики во главе с очередным своим божком с кличкой Генсек?

Ельцин, тот самый Ельцин, который, услышав о ГКЧП, со страху забился в какой-то угол, но потом, когда появился смелый и спокойный Хасбулатов, вдруг воспрявший духом и вскоре ставший символом новой демократической России, стал стрелять в него, в Хасбулатова из танка, как только тот попытался освободить его, Ельцина, от дурного влияния собутыльников во главе с Коржаковым, чтобы он, президент, занимался делами государственными, а не только винно-банными. И после окончательной победы ельцинизма в стране, когда президент страны бог и царь и волен говорить и поступать, как хочет, никто не посмел произнести два-три добрых слова в адрес Руслана Хасбулатова. И страна, и народ мигом забыли про своего спасителя.

И разве не удивительно хороши такие пословицы и поговорки: «Мышь не имела нору, куда самой залезть, а еще привязывала к хвосту колесо»; «Змея не любила мяту, а та шла и вырастала у ее норы»? Это о назойливых людях, которые чуть ли не насильно стараются навязать другим свою дружбу или же злоупотребляют знакомством или родством ради корыстных целей, не имея никаких моральных прав на благосклонность.

Как уже было сказано, поговорки имеются почти на все типичные случаи жизни. Много хороших поговорок и пословиц на тему: «А бедняку постоянно не везет». Сколько горечи и скрытого юмора в них! «На бедняка и овраг обрушится». «Скотину бедняка волк задерет». «Бедного похвала погубит». «Коль начнет переезжать и бедняк покажется богатым». «Дождь – и то над озером льет» – это о том, что, если уж и повезет кому, то опять же богачу.

Замечательна следующая поговорка: «Неумело сшив, сделал высокую шапку, а народ, увидев это, в моду взял». Воистину, в жизни полно примеров, когда народ слепо копирует многое, лишь только потому, что тот или иной начальник так сказал или сделал, что за морями и горами кто-то так делает. Еще свежи в памяти людей нашей страны конца XX века подобные случаи. Так, министр иностранных дел СССР времен холодной войны А. А. Громыко, известный своей большевистской «упертостью», которого в мире дипломатии называли не иначе как мистер «Нет», так как и он сам, и его патроны-генсеки на все предложения Запада в области разоружения и снятия напряженности в мире непременно отвечали отказом, как-то держа свою очередную «нетовскую» речь, произнес аббревиатуру ФРГ не так, как все (ФЭЭРГЭ), а так, как «требуется» алфавит русского языка (ЭФЭРГЭ). Радио и телевидение СССР мигом «пограмотнели» и стали «эфэрговать», и продолжалось это почти четверть века. И только сейчас политики и журналисты (с помощью Владимира Вольфовича

Жириновского, между прочим!) стали вновь говорить, как и раньше – ФЭЭРГЭ. А «высокая шапка» в исторической науке – «монголо-татары» вместо «татаро-монголы», – видно, останется в моде надолго, так как наука вещь, между прочим, очень консервативная. И это касается не только исторической науки. Разве не та же самая «высокая шапка» в физике – теория Большого взрыва и разбегающихся галактик? Как можно всерьез считать, что столько-то миллиардов лет назад вся вселенная (вся, а не только наша галактика!) находилась в сжатом состоянии и представляла собой лишь горошек!? И вот этот горошек взрывается, образуются галактики, и они сейчас разлетаются во все стороны. Через некоторое время, мол, они начнут обратно сбегаться, и вновь соберутся в горошек! И опять произойдет Большой взрыв! И вся эта сказка – не сказка, а последнее достижение физики и вообще науки о мироздании!

Более правдоподобны и отвечают всему предыдущему опыту науки и человечества простые и ясные высказывания на этот счет нашего знаменитого земляка Джабраила Харуновича Бозиева. Никакого Большого взрыва на свете не было, и галактики никуда не разбегаются, говорит он. Вот его основные выводы: «Вселенная стационарна, она не расширяется и не сжимается... Вселенная лишена временных рамок, ибо она есть объективная реальность, не имеющая ни начала, ни конца... Однако из этого вовсе не следует, что солнечная, или любая другая планетная система, не имеет временных рамок. Напротив, она имеет начало, эволюционирует и приходит к определенному концу, но это локальная подсистема в звездной системе. А понятие Вселенной объединяет все бесконечное множество галактик».

Ясно, понятно и, главное, – не абсурдно, логично.

Человечество лишь только через тысячи лет пришло к пониманию того, что Земля вертится вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли. Настанет время, и для понимания того, что вся вселенная не может сжаться до размеров горошины, и что эти гигантские звездные системы не испугались ни Фридмана, ни Хаббла, и вовсе никуда не разбегаются, а спокойно живут своей галактической жизнью, когда в положенное время, как и у всех на свете, рождаются их дети – звезды, и звезды эти живут-живут и, опять же, в положенное время, умирают.

Все правильно. Все так, как в природе. Пусть так и будет. И не нужны нам «высокие шапки» ни в жизни, ни в науке.

Эта статья напечатана в сборнике «Наука. Мастерство. Искусство», изданном КЧГУ, где ведущие специалисты университета обобщают опыт своих работ. В этой статье, наряду с другими художественными произведениями, проанализирована повесть балкарского писателя Магомета Кучинаева «Горькая дорога в рай».

Софья АКАЧИЕВА,

кандидат филологических наук,
КЧГУ им. У. Д. Алиева

«Горькая дорога в рай»

...Эта тема, – одна из актуальных тем и карачаево-балкарского литературоведения. Так, теме изгнания посвящены кандидатские диссертации Берберова Б. А. -Ю. и Оттаровой М. Б. (см. Авторефераты: «Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии». Нальчик, 2002; «Художественное осмысление проблемы депортации (на материале литератур Северного Кавказа и Калмыкии)». Нальчик, 2006).

В художественной литературе тема отражена в разных жанрах – поэме, рассказе, очерке, повести и романе.

Яркими страницами в раскрытии этой темы являются поэмы С. Байчорова, Ю. Каракетова, Д. Мамчуевой, А. Акбаева и др. («Опальный Карачай», «Огнем опаленное детство», «Карачай», «Элия»).

Одноименная книга А. Акбаева «Элия» (молния) о боли родной земли, страданиях людей, раздумья о жизни, о времени, о мире, о любви, о судьбах отцов, матерей и детей. В ней – глубокая связь мудрости горцев и древних гор.

И нами ведется работа по данной теме. Так, опубликован ряд очерков, заметок, статей на страницах разных научных сборников, а также в периодической печати КЧР, КБР, РД, РА и т. д.¹

На наш взгляд, статья автора данного сообщения «Скитания и испытания. Депортация в современной карачаевской прозе» ценна своей библиографической информацией.

В ней говорится: «Рассказ балкарского прозаика Х. Шаваева «Письмо, пришедшее из ада» опубликован в Москве в книге «Современная литература народов России».

¹ *Акачиева С. М.* Изучение творчества Медичи Шамановой в школе и вузе (на примере документальной повести «Дерево держат корни») // Наука. Мастерство. Искусство (из опыта ведущих преподавателей КЧГУ). № 3. – Карачаевск: КЧГУ, 2005.; Она же. «Скитания и испытания»: Депортация в современной карачаевской прозе // Литературная Адыгея. № 1. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2007; Она же. «Забытая эпопея»: выселение и возвращение карачаевцев (на материале творчества Ибрагима Аппакова) // Межкультурный диалог на филологическом пространстве: Материалы II Междун. Тюркологической науч.-практ. конф. – Махачкала: ДГПУ, 2008 (в соавт.).

Рассказ посвящен известному в Балкарии ученому Адилгеррию Соттаеву. Являясь автором многих работ в области педагогики, он осмелится написать И. В. Сталину письмо в защиту балкарского народа, выселенного из родных мест. За это Адилгерей Соттаев был осужден на 25 лет каторжных работ»¹.

И здесь же указано на проблемные публикации проф. К. Т. Лайпанова (из КЧР) и д. и. н. Х. М. Сабанчиева (из КБР) – «О депортации карачаевцев» к 60-летию со дня депортации карачаевского народа; «Героизм ради справедливости, правды, демократии» – написанной к 50-летию XX съезда КПСС...», которые проливают свет на данную тему.

И наконец, событием литературной жизни КЧР стала публикация коллективом авторов по этой теме сборника поэзии и прозы «Возвращение», посвященного 50-летию возвращения карачаевского народа на родину – Кавказ, о чем упоминалось и выше².

После краткого экскурса, проведенного нами в историю данного вопроса темы, мы считаем возможным проиллюстрировать данную проблему на материале небольшой повести с говорящим названием «Горькая дорога в рай»...

Книга, давшая название нашему сообщению, принадлежит балкарскому писателю Магомету Кучинаеву. «В новую книгу известного прозаика М. Кучинаева вошли две повести, посвященные войне и депортации балкарского народа. В них автор поднимает важные моральные и этические проблемы» (из аннотации к книге «Горькая дорога в рай»)³.

«Кучинаев как автор прозаических произведений стал известен со второй половины 80-х гг.: повесть «Ючюнчю батальон» (Третий батальон) была издана в 1987 г.; вторая – «Горькая дорога в рай» – появилась на страницах журнала «Литературная Кабардино-Балкария» в 1991 г. В них писатель обращается к событиям периода Великой Отечественной войны, связывая их с драматичным поворотом в судьбе балкарского народа – его депортацией. Эти трагические темы сливаются воедино в повести «Горькая дорога в рай». В ней Кучинаев изображает период, когда «кровавый дождь прошел по всей Балкарии». «Кровавый дождь» у автора символизирует войну. Повесть написана с большой эмоциональной силой, драматизмом, которые исходят из чувства страшной боли, связанной с утратой родины. Писатель создает галерею образов – Халимат,

¹ Акачиева С. М. Изучение творчества Медичи Шамановой в школе и вузе (на примере документальной повести «Дерево держат корни») // Наука. Мастерство. Искусство (из опыта ведущих преподавателей КЧГУ). № 3. – Карачаевск: КЧГУ, 2005.; Она же. «Скитания и испытания»: Депортация в современной карачаевской прозе // Литературная Адыгя. № 1. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2007; Она же. «Забывтая эпопея»: выселение и возвращение карачаевцев (на материале творчества Ибрагима Аппакова) // Межкультурный диалог на филологическом пространстве: Материалы II Междун. Тюркологической науч.-практ. конф. – Махачкала: ДГПУ, 2008 (в соавт.). С. 139.

² Возвращение: Сборник поэзии и прозы. Кучинаев М. Ю. Горькая дорога в рай. Повесть / Пер. с балк. – Нальчик: Эльбрус, 2004. 152 с.

³ Депортация карачаевцев. Документы рассказывают // Сб. док. / Сост., автор предисл., вст. ст. и заключение Р. С. Тебуев. – Черкесск: КЧИГИ, 1995. – 344 с.

Батыра, Солтана, – судьбы которых раскрываются на фоне трагических потрясений¹.

Краткий сюжет повести («Горькая дорога в рай») составляет история небольшой семьи, живущей в одном из селений Верхней Балкарии, состоящей из главы семьи Солтана, его сына, офицера Красной Армии, находящегося на фронте, его снохи Халимат, внуков Айшатки и Алия.

Повесть начинается с эпизода выселения жителей села Верхняя Балкария...

В село прибыло множество машин и военных, которые объявили руководству села, что прибыли на несколько дней, и просят устроить их на ночлег.

К Солтану, хозяину дома, у которого сын, офицер-орденоносец, был на фронте, определили на постой молодого лейтенанта... Гость попросил Халимат, сноху Солтана, встретиться с ним наедине, когда уснет старик. Хотя лейтенант и пытался объяснить, что эта встреча нужна прежде всего ей, Халимат сильно оскорбилась, набросилась на него. «Хватит кричать!.. Я... дурак... пожалел. А ты – черт знает, куда пошла – забрела... Иди, спи, видимо, рановато придется завтра вставать...» Она не поняла его... «Зайдем домой, поговорим. Чтобы потом ты локти не кусала...» Она снова налетела на него: «Какая такая беда может быть?..» Лейтенант продолжал: «...Значит – надо бежать... надо с собой что-то взять?.. Наверное, надо, если будешь знать... Так?..» После долгих раздумий и метаний он крикнул: «...Пусть все горит синим пламенем!.. Но только я тебе все равно скажу – завтра будет землетрясение!.. – будет гром и молния, рухнут горы твои... Готовься бежать!.. Готовься!..»

Ошеломленная Халимат так и осталась стоять во дворе... Лишь поздно, чуть не под утро, легла она в свою постель»².

8 марта 1944 года... сумерки... спит Большая Балкария... вдруг грохот от ударов крепких солдатских кулаков, прикладов в двери вмиг скинул людей с теплых постелей... Крики и ругань людей, яростный лай собак, выстрелы, повизгивание пристреленных собак, плач и стенания заполнили весь свет...

Присланные Америкой по ленд-лизу из-за океана десятиколесные «студебеккеры» выстроились на главной улице. ...Через час солдаты начали пригонять людей небольшими группами и сажать в машины...

Взвод уже знакомого Халимат лейтенанта Добровольского отвечал за выселение среди прочих и дома Баллиевых. Поэтому он смог помочь ей вернуться в дом, чтобы собрать необходимые вещи и провизию в дорогу. Но это доброе отношение не ускользнуло от всевидящего ока «гэпэушников» – лейтенант получил взыскание и на глазах «начальников» перестал «церемониться» с людьми. Только теперь Халимат поняла, о чем пытался предупредить ее Добровольский.

¹ Сарбашева А. Кучинаев Магомет Юсупович // Писатели Кабардино-Балкарии XIX – 80-х гг. XX в.: Библиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. 255 с.

² Кучинаев М. Ю. Горькая дорога в рай: Повести / Пер. с балк. – Нальчик: Эльбрус, 2004. 152 с.

Людей привезли к эшелону, который был битком набит жителями правобережных поселков Вехней Балкарии. Когда поезд тронулся, «страшная боль – боль утраты Родины – безжалостным кинжалом вонзилась в сердца людей».

Халимат заразилась тифом, ее сняли с поезда в каком-то городе, оставив Солтану вместо снохи клочок бумажки и плачущих, голодных внуков.

Его сын – муж Халимат, Батыр Баллиев – главный герой этой повести, перед самой войной окончил военное училище. С началом военных действий попал в окружение, а когда вышел к своим – был разжалован из лейтенантов в рядовые. Но он в бою доказал свою верность Родине. За мужество и отвагу, проявленные при форсировании Днепра, Батыр был награжден орденом боевого Красного Знамени и вновь произведен в лейтенанты.

В конце мая 1945 года, оправдывая свое имя, «за умелое командование эскадром при взятии города Брандесбурга и проявленные при этом высокую воинскую смекалку, личную отвагу и мужество, командир 3-го эскадрона капитан Баллиев Батыр Солтанович награжден орденом Александра Невского»¹.

Его военная судьба – это «хождение по мукам» (А. Толстой) офицера храброго, стойкого, который достойно прошел все годы войны.

Уже осенью 1945 года Батыр прибыл в родное село (в Большую Балкарию)... Его жестоко обидела «Большая мать» – страна, которую он героически защищал от фашистов. А что он получил взамен?..

Он посидел, оглянулся – а вокруг мертвая тишина, только в садах красовались спелые яблоки. Открыл свой вещмешок, взял белое полотенце, набрал в горсть земли и завязал ее в узелок – спрятал. Еще раз удостоверившись, что в селе нет жизни, зашагал дальше... И теперь его дорога лежала в Казахстан, Джамбул.

Перипетии судьбы привели его в ликующую Москву, встречающую гостей – военных, приехавших на парад Победы 1945 года.

И здесь он встретился с землячкой-балкаркой, которая была супругой кадрового военного. Она пообещала через знакомых устроить его в Военную академию, потому что знала, что ничего хорошего не ожидало его в будущем в Средней Азии и Казахстане, рядом со своим выселенным народом. Но капитан Баллиев не мог принять предложение «хорошенькой брюнетки», он спешил к своей семье.

Теперь в жизни Батыра новый этап – Казахстан. Здесь он увидел жизнь переселенцев воочию: женщин, стариков, детей, умирающих от голода, нищеты и болезней.

Он долго ходил по глухим, заброшенным разъездам, передвигался на крышах поездов... Во время скитаний узнал, что его жена Халимат умерла, умерла и дочь Айшат, а его сын, чтобы сохранить ему жизнь, отдал земляками Баллиевых в бездетную семью пожилых казахов...

¹ Кучинаев М. Ю. Горькая дорога в рай: Повести / Пер. с балк. – Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 43.

Но впереди его подстерегала еще большая беда... Вместо могилы отца он нашел его останки, лежащие на земле, которые он узнал по отцовскому белому колпаку. Он закрыл их своей белой рубашкой и пошел прочь. Оглянувшись, увидел волков. Хищники не смогли подойти к человеку, вооруженному ножом, хотя этой схватки так жаждало сердце Батыра.

Смыслом жизни для Батыра теперь стал поиск сына. Надежда на встречу с ним давала ему силы. Так начался новый виток в его горестной судьбе... Вот так завершается повесть о семье Баллиевых, о воине – защитнике Отечества – Батыре.

На наш взгляд, можно провести сравнительную параллель между повестями М. Шамановой («Дерево держат корни», 2002 г.) и М. Кучинаева («Горькая дорога в рай», 2004 г.). Их роднит единая судьба двух офицеров: Магомета Боташева и Батыра Баллиева – в самые переломные периоды в жизни страны: Великой Отечественной войны и незаконного выселения народов с исконных территорий в регионы Средней Азии и Казахстана.

Герои этих произведений, герои-воины, представители «наказанного народа», тоже становились спецпереселенцами, и у них начиналась жизнь в изгнании, «Жизнь в аду» – по образному выражению проф. С. И. Асхакова.

К 70-летию черкесского поэта Хизира Абитова

К популярному черкесскому поэту Хизиру Абитову пришло признание читателей с первым же его сборником стихотворений, выпущенном в 1967 году Карачаево-Черкесским книжным издательством.

Произведения Хизира Абитова разнообразны по тематике и актуальны. Многие стихотворения написаны на уровне классической поэзии. Многие из них наполнены большим гражданским пафосом и гуманизмом. Тонким лириком выступает поэт и в стихах о любви. Достоверности художественных образов помогают автору достичь чутье и наблюдения над жизнью.

Сегодня Хизир Абитов – автор более десяти поэтических сборников. О его лирике написаны научные статьи. Издана монография о творческой деятельности и методике изучения произведения поэта.

За вклад в развитие черкесской литературы Абитов удостоен медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, почетного звания «Народный поэт Карачаево-Черкесской Республики» и других высоких наград. Его книга «Голос души» отмечена премией президента Карачаево-Черкесской Республики.

*Хана Кохова,
член Союза писателей России*

Кавказ

На перепутьях сонма зве здных трасс
Земля-планета – чудная гостиница.
Я вечный странник. Мне порою видится,
Что лучший «номер» в ней – родной Кавказ.

Как «сейф» стоит веков минувших дар,
С несметными сокровищами мира,
Эльбрус двуглавый – гор великих царь,
Прославленный божественною лирой.

Там зелень крутосклонная дубрав
И радуги альпийских разнотравий,
Подобно всем бесценнейшим коврам
В путях-дорожках стелятся пред вами.
И русла рек ведут вас по долам.
На перепутьях сонма звездных трасс

Земля-планета – чудная гостиница.
Я вечный странник. Мне порою видится,
Что лучший «номер» в ней – родной Кавказ.

Школа родных полей

В детстве не раз пришлось мне
В поле метать стога,
И собирать колосья,
Пахарь был я – плугарь.

В поле встречал я часто
Те родники – ключи
Что утоляли жажду
И подсказать могли, –
Что ко всему,
Кто здравствует,
Тянется к солнцу свету,
Надо быть нежным, ласковым.
О, как прекрасно это!

В здешних заветных даях,
В час пробужденья степи,
Вечно меня пленяли
Певчих птиц чудо-песни.
Пеньем волшебным смолоду
Я переполнен весь,
Милой земли восходы
Славить – большая честь.

Видел я много раз
Пчелок,
Чей трудный взяток
И горьковато-сладок,
И восхищает нас.
Рад, что
Их рано встретив,
Понял я навсегда:
Благословенной труда
Нет ничего на свете.

Часто орла встречал,
Кружит в глубинах горных,
И из-за туч он взорлит
Холодом «стрел» зайчат.
Множество лет прошло
С давнего детства светлого,
Тех, кто чинит слабым зло
Сердце мое отвергло.
В поле провел я детство.
В трудной судьбе моей
Главной была мне школой –
Школа родных полей.

Перевод С. Овсянникова

Разговор с песней

– Откуда взялась ты, песня,
Ко мне ты откуда пришла?
– Я из души народа,
Лишенной фальши и зла.

– А из чего же это
Душа собрала тебя?
– Из самого светлого света,
Радуюсь и любя.

– Не солнечный это свет ли,
Щедрей которого нет?

– Душа твоего народа
Сама излучает свет.

– Народ мой не капля в море,
Но вдоволь хлебнул он горе.
Может ли в общем хоре
Исчезнуть его язык?

– Жить будет народ твой вечно,
Цвести будет он без конца:
Если рождает он песню,
Если рождает певца.

Перевод автора и В. Твороговой

Я волею судьбы своей – поэт
 Но безгранично было б мое счастье,
 Когда б мог в птиц я перевоплощаться,
 Чтоб песней звучной пробуждать рассвет.

Стань я однажды полевым цветком,
 Себя б на небе чувствовал седьмом.
 Цветы живые! Ваш удел прекрасен:
 Мир сохранять в изысканном убранстве.

Весеннее утро.
 В небесные выси
 Возносится голубь играясь,
 Скользя по веселым лучам
 золотым.

Тяжелое чувство
 Меня охватило:
 Вокруг темнота распростерлась...
 И стало тоскливо,
 И горько до слез.

Вдруг яркою вспышкой
 Предательский выстрел
 Охотника алчного грянул,
 И голубь на землю
 Упал с высоты.

Казалось, не птицу,
 А солнце убил он.
 И в сумке,
 Пропитанной кровью,
 Унес.

Перевод С. Овсянникова

Жизнью наслаждался бы...

Человек,
 Проживший двадцать лет,
 Повстречал
 Последний свой рассвет.
 Близкими, родными
 Окружен,
 Перед смертью
 Сокрушался он:
 – Если бы еще мне год
 Прожить,
 Не о чем мне было бы
 Тужить,
 Умереть не страшно
 Было б мне,
 Жизнью наслаждался бы
 Вполне!..

Человек,
 Проживший больше ста,
 Перед смертью
 Отворил уста, –
 Близкими, родными
 Окружен,
 Сокрушался
 Перед ними он:
 – Если бы еще мне год прожить,
 Не о чем мне было бы
 Тужить,
 Умереть не страшно
 Было б мне,
 Жизнью наслаждался бы
 Вполне!..

Перевод Г. Корина

Алий КУЛЬБАЕВ,
заслуженный работник культуры КБР

ЖИЗНЬ В СПОРТЕ

Уянаев
Владимир Биязуркаевич

Они расскажут лучше...

Имя Владимира Уянаева в республике известно многим. Я же, его односельчанин, помню моего героя чуть ли не с пеленок. На красивого крепыша нельзя было не обратить внимания. Мальчик всем своим видом отличался от других детей. «Придет время, и ты положишь на лопатки самого Рамазана Гутаева», – сказал однажды сосед Зулкарней, слегка похлопав малыша по плечу. Но вопреки его пророчеству Володя не стал борцом, а выбрал тяжелую атлетику.

Мы беседуем с ним в его уютной квартире в Нальчике. Чистота бросается в глаза, в комнате ничего лишнего. Хлебосольная супруга Владимира, Аза, приветливо поздоровавшись со мной, прошла на кухню. И через несколько минут на столе появились искусно приготовленный салат, котлеты, балкарские хичины, осетинские пироги...

«Покушайте, потом будете разговаривать», – настаивала гостеприимная хозяйка.

Я знаю Владимира давно, поэтому сразу, без предисловий, попросил его рассказать о своих спортивных достижениях. Он, сказав, что они расскажут лучше, разложил передо мной множество грамот, дипломов, приветственных адресов, медалей и т.д. Вот одна из них, которой, как мне показалось, мой собеседник дорожит больше всего. Грамота к медали:

«В память 30-летия Игр XXII Олимпиады 1980 г. в г. Москве Уянаеву Владимиру. За значительный вклад в развитие спорта и международного спортивного сотрудничества, пропаганду здорового образа жизни.»

Президент Российской Федерации
Д. Медведев.
12 августа 2010 г.»

Кто он, откуда родом, в какой семье воспитывался спортсмен, который удостоился внимания самого президента России? Об этом несколько слов.

Уянаев Владимир Биязуркаевич родился в селении Кашхатау в крестьянской семье. Родители работали в колхозе. Их жизнь, как и у других сельчан, не была роскошной, однако, слава Богу, в еде не нуждались. Все бы ничего, да вот беда, началась война. В конце октября 1942 года в Кашхатау пришли немцы. Они заставили людей разобрать колхозные постройки, поделить меж собой лес, черепицу, скот и т.д. Чего греха таить, были и готовые растащить колхоз, чтобы следа от него не осталось. Биязурка, безграмотный горец, отказался от «услуг» непрошенных гостей, и пальцем не дотронулся до колхозного добра. А тем, которые с жадностью бросились что-то урвать из «ничейного» хозяйства, он сказал: «Очень скоро вам придется все вернуть цалхозу (так отец Владимира называл колхоз).

«Пришла беда, отворяй ворота», – говорится в народе. Прошло неполных два года, как балкарцев настигла новая беда, во сто крат трагичнее, чем оккупация. Володе шел одиннадцатый год, когда он вместе со всей семьей оказался в городе Кизил-Кия Ошской области Киргизской ССР.

Первый спортивный успех

Жизнь на чужбине не была сладкой. Балкарцам приходилось терпеть и унижения, и оскорбления. Но, наперекор всем трудностям и невзгодам, они упорно боролись за выживание, в буквальном смысле этого слова. Добывали уголь, выращивали хлопок и сахарную свеклу, работали трактористами и комбайнерами, пастухами и чабанами. Трудолюбие нашего народа вскоре была замечено и отношение к нему изменилось в лучшую сторону.

Здесь, вдали от родных гор, начал свою трудовую деятельность и семнадцатилетний юноша Владимир Уянаев. Работал разнорабочим, потом выучился на шофера. Занимался спортом, в основном тяжелой атлетикой. Со временем тренировки по поднятию тяжестей стали частью его жизни. А тренировался он до седьмого пота, и стали его брать на соревнования штангистов. 1955 год, в городе Фрунзе состоялась спартакиада народов республики. Там, выступая в полусреднем весе, наш земляк Уянаев занял первое место. Это был его первый спортивный успех. Награды – немного денег и часы «Победа».

Затем, три года подряд, Владимир держал первенство в Киргизии по тяжелой атлетике в своем весе, стал рекордсменом. В 1956 году мой земляк участвовал в 1-й спартакиаде народов СССР в Москве, кстати, единственный из балкарцев, участвовавший в этой спартакиаде.

Я сам, хоть и не спортсмен, знаю, что достигнуть здесь каких-то высот можно только упорством, кропотливым трудом. И труд этот, по моему разумению, сродни науке, где каждую ее грань надо грызть. Так и в спорте. По ступеням его крутой лестницы надо карабкаться не один год, пока не взберется на самый верх. Да еще вопрос, сможет ли подняться до заветной черты? Как говорят, дорогу осилит идущий. Нельзя остановиться, потерять веру в свои силы.

На родину, в Кабардино-Балкарию, Владимир вернулся в 1957 году перворазрядником. Тренировал штангистов в Советском (Черекском) районе. Сборная команда тяжелоатлетов района неоднократно занимала первые места в республиканских соревнованиях. Воспитанники Уянаева Ахмат Мокаев, Хажи-Мурат Настуев, Али Черкесов стали чемпионами Кабардино-Балкарии. Владимир тренировал и своего двоюродного брата Владимира Чомаевича Уянаева. Тот стал мастером спорта СССР по тяжелой атлетике в легком весе, заняв второе место на первенстве Союза, а сам учитель ходил еще в перворазрядниках.

Спорт спортом, а образовательный уровень надо было повышать, расширить общий кругозор. В 1976 году Володя закончил КБГУ по специальности преподаватель истории и обществоведения. Возглавлял Кабардино-Балкарскую республиканскую организацию добровольного спортивного общества «Урожай». Здесь готовили спортсменов по различным видам спорта, в том числе и по конному спорту. Жокеи Владимир Бондаренко, Арсен Карацуков стали победителями в европейских и союзных соревнованиях, а Сергей Рогожин в 1980 году стал Олимпийским чемпионом по конному спорту в Москве.

В 1980 году Владимиру Биязуркаевичу Уянаеву было присвоено почетное звание «Заслуженный работник физической культуры и спорта Кабардино-Балкарии». Но долог и труден был путь спортсмена до признания его заслуг руководством республики. Восемь раз штурмовал он мастерский рубеж и – безуспешно. Помню, как на районных соревнованиях по тяжелой атлетике, проходивших в клубе селения Кашхатау в 1958 году, судья Мамуков Борис объявлял: «К штанге подходит перворазрядник Владимир Уянаев!» Не могу сказать, какой вес он тогда брал. Но то, что радостный крик судьи потонул в громких аплодисментах собравшихся, по сей день будто звучит в моих ушах.

В декабре 1962 года газета «Кабардино-Балкарская правда» писала: «Судья-информатор объявил: «На помост вызывается Владимир Уянаев. На штанге – 142,5 килограмма. Если спортсмен возьмет этот вес, он выполнит норму мастера спорта СССР».

Переполненный зал притих. Слышен был лишь скрип канифоли под ногами штангиста.

Владимир медленно подошел к снаряду, наклонился. Сильные пальцы «намертво» обхватили стальной гриф. Быстрый рывок – и штанга на груди. Еще мгновение – и она вверху, на вытянутых руках. Вес взят! Зал взорвался аплодисментами, которые заглушили даже грохот опущенного на помост многопудового снаряда. А спортсмен, усталый, но сияющий от радости, тотчас же попал в объятия друзей. Впоследствии Владимир шутиливо признался, что поздравления товарищей отняли у него больше сил, чем сами соревнования. Теперь к своим титулам чемпиона и рекордсмена ДСО «Урожай» РСФСР и Кабардино-Балкарии он прибавил еще один – почетное звание мастера спорта СССР по тяжелой атлетике.

Вся жизнь Владимира Уянаева связана со спортом. Был инструктором республиканского совета ДСО «Урожай», директором республиканского стадиона «Спартак». С 1987 по 1996 гг. – заместитель ФСО профсоюзов

КБР. С 1970 по 1987 годы – председатель Республиканского Совета ДСО «Урожай».

Судья международной категории

В течение шести лет Владимир был председателем федерации тяжелой атлетики Кабардино-Балкарии. Он, неоднократный чемпион и рекордсмен среди сельских спортсменов России, особое внимание обращал на подготовку штангистов из сельской молодежи. Часто организовывал среди них соревнования. Сам выступал в качестве судьи. В соревнованиях сельских спортсменов некогда участвовал второразрядник Хажи-Мурат Аккаев, будущий чемпион мира по тяжелой атлетике. Уянаев сам судил эти соревнования и тогда еще заметил, что этот юноша пойдет далеко. Владимир искренне рад успехам земляка, от души желает ему стать чемпионом Олимпийских игр, которые пройдут в этом году в Лондоне.

Талантливый организатор спортивных соревнований Владимир Биязуркаевич много лет исправно проводил сельские спортивные игры нашей республики. Заслуги Уянаева в развитии физической культуры и спорта в Кабардино-Балкарии неоспоримы, и вполне резонно, что ему присвоено высокое звание судьи международной категории по тяжелой атлетике.

С 1999 года по сегодняшний день Владимир Уянаев возглавляет первичную организацию ветеранов спорта г. Нальчика. За многолетний добросовестный труд, большой вклад в ветеранское движение награжден почетной грамотой парламента КБР. Мне думается, что нет надобности перечислять все награды Уянаева. Это был бы слишком длинный список.

Высшая награда Владимира

Нет спору, приятно, когда по достоинству оценивают трудовые достижения человека, его успехи в различных видах деятельности. Приятно получать награды. Это воодушевляет, мобилизует работать еще лучше, делать еще больше для блага республики, страны в целом. Но самая высшая награда Владимира Уянаева – это его семья. И я с ним солидарен. Что может быть важнее, ценнее, чем твоя семья! Любимая супруга Аза, с которой он живет более полувека, дети... Столько лет прожить в мире и согласии, скажем прямо, не всем дано. Они, видимо, были рождены друг для друга. Я уверен, что Владимир не представляет свою жизнь без Азы, а она – без него.

Родители считают себя счастливыми, если дети получили образование, вышли в люди. Владимиру и Азе в этом плане, можно сказать, повезло. Слово «повезло» в данном случае, наверное, не к месту, ибо воспитанность детей, если не полностью, то во многом зависит от родителей. Это истина, которую нельзя опровергать. Старший сын Сергей – кандидат исторических наук, работает в Москве в Институте Дальнего Востока Российской академии наук. Дочь Роза – главный врач амбулатории в селении Карагач Прохладненского района. Марат – предприниматель, имеет высшее образование.

Хочу отметить отличительную особенность этой семьи. Не знаю, от-

чего это, может Всевышним это дано им, но и родители, и дети в равной степени человеколюбивые, готовые прийти на помощь слабому, протянуть руку, попавшему в беду. Аза Георгиевна тяжело переживала бесланскую трагедию, не могла усидеть дома; поехала разделить горе несчастных матерей, чьи дети погибли от рук кровавых убийц. В меру своих возможностей помогла деньгами. Она сама и сын Марат награждены благодарственными грамотами за активное содействие народу Южной Осетии в сохранении своей духовности, культуры, традиций и обычаев. Президент Южной Осетии Кокойти лично вручил им грамоты.

Глава семьи

Выше я уже сказал, что знаю Владимира с детских лет. Вовку любили все родственники и соседи, желающих поддержать его на руках было много. Это не могло не беспокоить Халимат – мать малыша. Она, суеверная женщина, боялась дурного глаза. Ее даже предупреждали, чтобы не слишком часто показывалась на улице с сыном, уж больно видным был маленький Володя. К счастью, все обошлось, он рос крепким, здоровым. Забыл спросить его, кто ему дал имя Владимир. Думаю, что именем великого Ленина назвал его дядя Канамат, который долгие годы занимал руководящие должности в районном и республиканском масштабе. Канамат пользовался среди односельчан непререкаемым авторитетом, его уважали, к нему прислушивались. Во Владимире я нахожу черты его дяди.

Семья Уянаевых.

В центре Владимир Биязуркаевич, супруга Аза Георгиевна, слева – дочь Роза, справа – старший сын Сергей, во втором ряду – младший сын Марат

Спокойствие, трезвый ум, рассудительность, и, самое главное, мужское обаяние.

Кто он, в свое время известный в республике и за ее пределами штангист, сейчас в жизни, вне спорта? Хороший семьянин, доброжелательный сосед, уважаемый человек, ответил бы я. Жильцы пятиэтажки, где три комнаты на первом этаже занимает семья Уянаева, видят в нем надежного, готового в любое время оказать бескорыстную помощь нуждающимся, моральной и нравственной чистоты человека. И неудивительно, что в одном отдельно взятом доме автономную должность домкома доверили бывшему спортсмену Уянаеву.

С ним приятно общаться, лишнего, ненужного слова от него не услышишь. Он и сейчас, в пенсионном возрасте, такой же красивый, как в молодости. Умен, честен, порядочен, – так бы я коротко охарактеризовал моего односельчанина. Я на семь лет старше его, а при беседе с ним разница в возрасте как будто отступает, и наш разговор ведется как между ровесниками. Быть может, я преувеличиваю, или это только мое желание. В любом случае, я питаю к нему глубокое уважение, он мне симпатичен.

Сидит он за столом напротив меня, а я смотрю на его сильные руки и мысленно вижу его на ринге в боксерских перчатках, пославшего в нокаут своего соперника. Как знать, быть может, займись он боксом, достиг бы более высоких результатов, чем на помосте. Это так, к слову. Рассказывали его друзья, как, будучи уже известным спортсменом, Владимир однажды во время заготовки кормов решил помочь родному колхозу. День был жаркий. Раздевшись до пояса, встал во главе шеренги косарей. Широко махая острой косой, оставляя за собой густые валы скошенной травы, он шел впереди. Колхозники с трудом поспевали за ним. И так – почти без передышки, до самого заката. Сделав последний взмах, отдал косу бригадиру, накинул майку на вспотевшие плечи и зашагал домой. По дороге майка соскользнула с плеча, а Володя даже не обернулся. Когда я напомнил ему об этом эпизоде его участия в заготовке кормов, он, слегка улыбнувшись, сказал: «Да, было такое дело...»

К 70-летию Хурки Дзуевой

Хурка Хатохиуковна Дзуева проработала в системе образования КБР тридцать пять лет. С детства увлекалась литературой, в 1959 году поступила в Нальчикское педучилище, по окончании которого успешно прошла обучение в КБГУ на отделении русского языка и литературы. В 2009 году вышел ее поэтический сборник под названием «Горный орел всегда в полете». В своих стихотворениях она рассказывает о красоте родного края, о вековых традициях дружбы народов, населяющих Кабардино-Балкарию, о важности семейных уз, о чистоте души и помыслов.

Предлагаем вниманию наших читателей стихи из нового сборника, который Хурка Хатохиуковна готовит к изданию, и присоединяемся к поздравлениям учеников, коллег и односельчан, высказанных в канун ее 70-летнего юбилея!

Хурка ДЗУЕВА

Скоро весна

Уже повеяло весною,
Мороз трескучий ослабел,
Но, не спеша за новизною,
Покров земли все так же бел.

Вороны прыгают по полю,
Как точки черные в снегу.
Там скоро вырвется на волю
Ручей, звенящий на бегу.

Освобождая все живое,
Отступит долгий зимний сон,
И выюгами, с бессильным воем,
На север будет унесен.

Весна - утро года

С рассветом выйдя на просторы
И растворив ночную тень,
Долины осветив и горы,
Весна идет – как новый день.

Грядущей радости предвестник,
И новой жизни, и весны.

Пробился на лугу подснежник,
Как звук из полной тишины, –

И солнце каждый день добреет
И шлет лучи во все края...
Цветут сады, и душу греет
Хрустальный голос соловья.

Природы милой пробужденье
 Волнует больше всех чудес:
 И шум ручья, и птичье пенье,
 И ярко-изумрудный лес.

Одарит радостью природа,
 Забыв печали, я вздохну, –
 С надеждами, как утро года,
 Встречаю каждую весну.

Хочется мира, добра

Словно грозные волны
 Разом поднялись в морях,
 Слышу страшные стоны,
 В сердце рождается страх.

Сердце рвется на части,
 Хочется мира, добра,
 Чтобы мерцание счастья
 Не потушили ветра.

Войны терзали планету,
 Мир потрясали не раз.
 Участь безумную эту
 Пусть забывает Кавказ.

Начало марта

Мутнеет небо облаками –
 Закрыты и вершины гор,
 Но где-то, высоко над нами,
 Блеснул весны приветный взор.

Пусть время трудное, лихое,
 Но пусть не будет места злу,
 Ведь сердце, в вечном непокое,
 Стремится в свету и теплу.

Так ясно смотрит и невинно,
 Раскрывшись утром, первоцвет...
 Самой весны еще не видно,
 Но сколько же ее примет!

Все ближе видится сиянье
 Идущей по снегам весны.
 И женственность, и обаянье
 В ее глазах отражены.

Весна, земля и жизнь на свете,
 Цветы, любовь и красота, –
 Всегда в трудах, за все в ответе,
 С весною женщина слита.

Мгновенья счастья, хоть и ярки,
 Покрыты пеплом седины.
 Вниманье, радость и подарки
 И старикам порой нужны.

Жизнь наша – сложная наука,
 И что нас ждет в конце пути –
 Земное счастье или мука,
 Что скажем, прежде чем уйти.

Несчастно наше поколение,
Изведав ужасы войны,
Болезни, голод и лишения,
Мы жили для своей страны.

Отцы ценою дорогою
Спасли великий наш Союз.
Разрушен властью он другою,
Она стране – как тяжкий груз.

Власть денег все перечеркнула,
Все наши славные дела,
В чаду разлада и разгула
Людей к бездушью повела.

Пора Победы

Пора Победы наступила,
И вся природа ожила,
Цветы погибшим подарила, –
Печальна память, но светла.

И память оживляет снова
Тех, кто с войны прийти не смог,
Присяги не нарушив слова
И до конца исполнив долг.

Чужие, близкие, родные
Готовы встретить дорогих,
Даруя радости земные,
Заботу нежную о них.

Увы, напрасны ожиданья:
Вернуться им не суждено,
Таков порядок мирозданья,
Всевышним так заведено.

Борис ЧИПЧИКОВ

*На опушку – за мёдом,
к роднику – за икрой*

(кому – сказка, кому – быль)

Я бедный человек, но почему-то захотелось мёду съесть. Денег нет, а меду хочется. Где мёд, а где бедный человек? Меж ними не сближаемые расстояния. Конечно, я мог бы взять ссуду и купить мёд, но хотелось поменяться с торговцем, предложив ему что-то менее значимое. Если не знаешь, что делать, иди в лес, деревья подскажут, да и к Богу ближе.

Если нет денег, это ж не повод не есть мёд. Приободрился я от такой почти оптимистичной мысли. Пошёл я в лес, а там грибов – что травы. Нашелся и пустой мешок из-под муки, сиротливо лежащий неподалеку. Поблагодарил я Бога за то, что у меня две руки, и принялся набивать мешок тот. С Божьей помощью дотащил ношу свою до автобуса. А ноша, хоть и своя, а тянет. Не тянет лишь Ангел-Хранитель на плече твоём. Автобус довёз меня до конечной, а там бабушек – можно небольшой пруд запрудить да маленькую речку перегородить. Сидят – скучают. Семечки давно проданы, и шелуха по ветру. Я пришёл дать вам рабочие места, сказал я. Обрадовались они несказанно. Для бабушек червонец – больше, чем червонец. Ощущение, что ты жив да ещё и нужен кому-то – это больше любого червонца. И на волне той радости они вмиг распродали грибы и благодарно вручили долю мою. Тут же продавался мёд, и я купил самую большую банку. Меду не хотелось, не до него было. Меня охватила такая радость, и в волнах радости той звучали слова. У Бога всё есть, и всё бесплатно. Платит лишь тот, кто урвал вне воли Божьей не своё. И расплата гораздо дороже обретенного. Надоело сидеть в конторе и слушать бесконечные глупости недоразвитого начальника, а вечером есть лапшу с хлебом и картошкой. Не думай о дне завтрашнем своем – Бог об этом давно подумал.

В лесу у меня есть родник. Мы с другом приехали к нему и, разлив эту чистоту по большим канистрам, привезли в город, изнемогающий от употребления бацилл, живущих в водопроводе. Быстро разобрали эту чистоту вмиг ожившие граждане.

Я зашёл в магазин и купил себе чёрной икры. У Бога всё есть, и всё бесплатно. И трудится Он, чтобы был ты – не разменянный, цельный. Беден не тот, кто не может купить мёд – беден, кто не верит в такую возможность. И не говори, что ты беден, это неправда.

И не говори, что ты плохо видишь и тебе до леса никак не дойти. Я

довежу тебя до речки, вырежу первую попавшуюся палку, приспособлю к ней верёвку завалиющую, с кривым крючком на конце, и мы поймаем вкуснейшую из форелей, и ты насытишься и враз окрепнешь, заодно и подлечишься. Только никогда не говори, что ты беден, это неправда. А там и лес уж рядом, а там и Бог неподалеку. И у Бога всё есть, и всё бесплатно, – лишь бы он узнал тебя, цельного и не разменянного, такого, каким Он и создавал тебя.

И если у тебя есть дальняя и тяжкая дорога – ты должен желать мёда и икры. Для идущего мёд и икра – не роскошь, а средство для движения. И если многочисленные враги твои скажут: вот мы давным-давно пришли, а он идёт другой дорогой, и ему по ней идти и идти, и нет конца ей в жизни этой, давай мы лишим его средств к существованию, чтобы он, голодный, ослабший, не долго шёл бы по дороге этой. Ты-то знаешь, что Бог всемилостив и щедр, и у Него всё есть, и всё бесплатно.

И будешь ты идти, обогреваемый солнцем ласковым и омываемый дождями светлыми. Уповая на Бога, ты осилишь любую дорогу, только не говори, что ты бедный. Бедный и короткого отрезка не осилит.

Тенгиз МАРЖОХОВ

ТЕРМОС

Рассказ

Со всех сторон звучит – кризис! Всемирный экономический кризис! Что делать? Куда бежать? По-моему, сегодня даже модно говорить о кризисе. Если не о чем поговорить со старым знакомым или попутчиком, нужно говорить о кризисе, даже если мы не понимаем – что к чему. Это тревожит, это волнует...

В России так не бывает – давно уже едем, а не потряхивает. Неужто дорогу сделали? Не может быть, чтобы гладко все, – поедем хорошо, стабильно, с ускорением, как англичане, на рессорах! Не может быть... И правда, кризис – затрясло... кочки появились, привычная дорога пошла. И главное при этом – чувства. Как-то скучно, неинтересно, когда все стабильно. Веселее, когда загадка какая-то есть... А вдруг за поворотом – переворот! Вдруг – яма, и от удара в ушах зазвенит! Вдруг на холм заедем, с которого все видать... даже то, чего никогда видно не было! Все в груди веселее от этого, хоть что-то, а предвкушается! Не хочется думать, что все рассчитано, все подведено, ничего не будет. Должно же в жизни что-то случаться, происходить, чтобы жизнь на жизнь была похожа, а не на скучную книгу с пожелтевшими страницами и запахом прелости.

И чувства эти, и образы навеялись мне, в том числе, историей о термосе и людях, когда жизнь представляла собой один затянувшийся кризис.

Это был простой китайский термос, литровый, с потертым от старости голубоватым рисунком. Возраст этого термоса определить было невозможно. Происхождение же было таково. Мой дорогой дядя Хасан, будучи молодым перспективным художником, должен был, для расширения творческого кругозора, поехать по дружественной нам за границе, как и все в те времена, прочно стоявшего соцлагеря. Откуда в родной город Владикавказ и попал наш термос, вместе с кучей значков, книг и прочих сувениров.

Термос стал другом семьи, он исполнял такую важную функцию, что был просто незаменим. Дядя брал его на этюды, во все места, где эти этюды писались, в основном в горы. И когда приходила усталость, рябило в глазах, или нужный цвет не ложился на холст, под рукой оказывался термос. А из термоса появлялся еще паривший, горячий, бодрящий чай. Всегда кстати, всегда вовремя, – возвращавший вдохновение или убивавший его совсем, твердо давая понять, что сегодня не пойдет больше, не пропишется, надо сложить кисти. «Может, место не то?.. Почему именно

этот вид? Почему именно этот?» Мысли, мысли... Сомнения во всем: в тонах, красках, цветах, в самом виде. Хаос мыслей в голове, карусель, творческий коллапс. Чувство хочет найти выход наружу, показать, как оно преломляется в глазах, но руки не всегда послушный проводник. Руки заставляют ошибаться, переписывать, сомневаться... Хочется все бросить, порвать. Эмоции, безысходность, торможение...

Потом опять чувство: «А если вот так?! А так попробовать?!». И снова вдохновение! Муза! «Писать, писать, писать...»

И только чай из термоса возвращает на землю. Допил чай, приятно выдохнул – «ах!». Встряхнул головой, пришло чувство времени – «надо возвращаться домой...». Горы из ярких, приветливых, становятся угрожающими. Остается собрать этюдник, не оставить следов пребывания, и главное – не забыть термос, не разбить его по дороге, потому что будет еще завтра... А как без термоса? Без термоса никуда, без термоса ни гор, ни этюдов, ничего не будет.

Было у термоса еще одно предназначение, функция та же, но предназначение другое. И в свете этого второго предназначения и раскрывается смысл нашей истории.

Этюды были не всегда, и термос брался в сад-огород. Сад-огород находился на окраине города, в нескольких километрах от дома. Представлял он собой соток шесть земли в общем ряду таких же садов, огороженных заборчиками с малиной по хозяевам. Участок был засажен яблонями – несколько деревьев разных сортов, грушей, черной сливой, черешней, было даже персиковое деревце. Это, собственно, та часть, которая называлась садом, остальная земля использовалась как огород. Между плодовыми деревьями сажалась картошка, кукуруза, свекла, тыква, цветы... Рос крыжовник, пара кустов. Было много черной смородины, поменьше – белой и красной. За сараем рос грецкий орех, плодами пока особо не баловал, но надежды подавал большие. Из деликатесов была малина и небольшая грядка клубники. Короче говоря, было все, что бывает на шести сотках сада-огорода, что можно посадить, максимально используя землю, поливая и удобряя с любовью.

На краю участка находился сарай, сколоченный из досок, темных, пересохших, с большими щелями и огромными паутинами. В нем держали хозяйственный инвентарь, который нужен в таких случаях: лопаты, тяпки, грабли, коса, корзины и. т.п. Сарай мог также спасти от дождя – какая никакая, а крыша над головой.

Вообще, не было в этом саде-огороде чего-то особенного или выдающегося – отдушина для людей, живущих в городе, возможность покопаться в земле, что-то посадить, что-то вырастить своими руками.

Вот таким любителем земли была моя бабушка. Она очень любила сад-огород, скучала без него. Эта любовь обычно не понимается детьми, точнее сказать, внуками. Зачем каждый день, если нет дождя и погода хоть немного позволяет, ехать на сад-огород? Подгадать все сборы под автобус, который редко ходит в сторону садов и обратно. Причем график, по которому автобус должен ходить, и реальное время посадки не совпадали. И надо было обладать хорошей интуицией и иметь удачу именно

в этот день, чтобы попасть на автобус и доехать прямо до сада-огорода. В противном случае предстояла дорога через кладбище и все под горку, что по большей части и получалось.

Но бабушку эти небольшие неудобства не смущали. Любовь к земле пересиливала все, и надо было ехать.

Перед этим бабушка собирала в котомку провизию, которой можно подкрепиться во время передышки между огородным творчеством. И главной составляющей этого собрания на сад-огород была заправка и упаковка термоса. Термос ставился в сумку с причитаниями бабули.

– Лишь бы термос не разбить. Хасан будет ругаться.

Почему-то эти причитания по поводу термоса были постоянными. Бабушка требовала очень бережного отношения и максимального внимания в обращении с домашним любимцем и, причитая, давала установку не столько внукам, сколько себе самой.

По дороге котомку, сумку или сетку, она везла сама, во всяком случае, расставалась с ней и передавала мне (ее второму внуку) только по причине усталости и возраста. Я был рад помочь бабушке и откликнулся на просьбу Машо (бабушку звали Мария, а уменьшительно-ласкательно, с должным почтением – Машо) и очень активно перехватывал из ее рук эту ношу. На что баба Машо сразу реагировала: «Осторожно, термос не разбей!» – давая всем своим видом понять, что доверила мне нести сумку лишь по крайней необходимости.

Короче говоря, мы добирались до сада-огорода и приступали к общению с землей и наслаждению природой! Моей первоначальной задачей было собирать колорадских жуков с кустов картошки – в бутылку из-под шампанского, которая хранилась в сарае или за сараем. Я находил бутылку, смотрел, как в ней шевелятся жуки. «Когда же она наполнится?!» – думал я. Подходил к бабушке и спрашивал:

– Бабушка, а когда бутылка наполнится, что мы будем делать?

– Ничего, выбросим, – отвечала Машо, не отвлекаясь от работы. – Найдем новую бутылку, – добавляла мне вслед.

И я шел собирать жуков. Ох... как мне это не нравилось. Жуков было много, личинок еще больше, их трогать противнее, чем самих жуков, руки от них неприятно пахнут, фу!.. Поэтому заранее расстраивался, когда мы сажали картошку, понимая – опять жуков собирать...

Почему мы не обрабатывали химикатами, не знаю. Тогда я не понимал, что без химикатов экологически чистая получалась картошка, вкусная. Жуки это тоже любили, и сколько их не собирай, меньше их не становилось.

И вот однажды бутылка почти наполнилась. Я, довольный, подбежал к бабушке.

– Баба Машо, бутылка полная! Вот, сколько жуков набралось! – показал я ей бутылку. – Фу! Что с ними делать?

– Положи бутылку в костер, – ответила Машо, не разделяя моей радости.

Для нее в этом не было ничего удивительного.

Я подбежал к костру, побегал вокруг огня, подыскивая место – куда бы можно было положить бутылку. Подсунул ее под какую-то дровину и начал смотреть – что же будет?.. Долго ждать терпения не хватило, я достал бутылку из огня. Она дымилась и была покрыта пеплом.

Каково же было мое удивление, когда я рассмотрел бутылку и понял, что жуки как копошились в своей гуще, так и копошатся дальше. «Огонь их не берет!? Да!» Я побежал к бабушке.

– Машо, Машо!

– Что?

– С жуками ничего не стало! – объявил я удивительный результат. – Огонь их не берет!

– Возьми лопату и закопай бутылку в землю, – посоветовала Машо спокойным тоном.

После долгих размышлений, что еще можно придумать с этими жуками, я поступил, как сказала бабушка.

И понял из этого одно: «На бутылку, полную колорадских жуков, бабуля смотрела как на бутылку, а я как на жуков. Бабушке было важно сделать полезную работу, без всяких отвлечений и сожалений. Просто вырастить хороший, добрый урожай картошки. Меня же, как ребе нка, как юного натуралиста, интересовали колорадские жуки. Почему они такие живучие? Такие интересные! Такие противные! И такие живучие! Живут в закупоренной бутылке больше месяца и недохнут?! В костре недохнут?! Очень живучие, и много вреда от них картошке».

Но это не одни вредители в саду-огороде, были еще хомяки. Хотя хомяки совсем другое дело. Хомяки, это то, из-за чего было интересно идти на сад-огород. А так этот огород полная скука, надоел он так, что я видеть его не мог. И только желание увидеть хомяка стимулировало меня в походе на сад-огород. Просыпался инстинкт охотника, доходивший до азарта. Надо ловушки и капканы проверить, не попался ли хомяк?..

Но меня терзало противоречивое чувство. С одной стороны, хочется увидеть хомяка, интересно же – попался или нет?.. С другой, если попался, хомяка надо убить, ведь для этой цели капкан и ставится. А убивать жалко, не мог я убивать хомяков, ни топить, ни палкой не мог. Посмотреть, поиграть, любопытно, очень любопытно, а убивать жалко.

Помню, пришли мы утром с бабушкой в сад, а в одном капкане хомяк сидит, попался за заднюю лапку. Бабушка дает мне большую палку и, показывая, как надо бить, говорит:

– Убей хомяка.

Сказала и пошла в землю копать.

Я побил хомяка несильно. Хомяк крупный, сидит на задних лапах и ругается – кричит или рычит, не пойму, дрожит, трясется весь. Не смог я больше бить его.

Пришла бабушка, забрала палку.

– Ну... мужчина называется, не может хомяка убить. Что, мне, старой, все надо делать?

– Он не умирает... жалко мне его, – отвечаю я.

– А морковку, редиску, свеклу тебе не жалко? Все хомяк погрыз. Не

даст подняться, повредит всему, – объяснила мне она. – Если их много разведется, можно ничего не сажать. Все пропадет, понимаешь?

Но я не понимал. Не понимал – зачем свекла, морковь, зачем тыква? Зачем весь этот сад-огород нужен, с редисом, луком, чесноком, со всем, что на нем есть?

А хомяка жалко, хоть он и вредит. Он же живой, он же красивый, он тебе в глаза смотрит и как бы просит: «Отпусти, оставь меня в покое, отпусти, у меня хомячата в норе, они маму ждут, отпусти...». А ты его за морковь, за редис, за свеклу!..

Не понимал я тогда этого выбора, что жизнь такая... Солнце светит, яркий день, зелень вокруг, благодать! А тут либо ты, либо хомяк, и никак иначе.

И вот однажды, в один из благодатных дней, когда погода располагает жить и радоваться жизни, произошел один неприятный случай, которого так боялась бабушка и не хотел дядя Хасан. Случай, который максимально отдаляли и откладывали, не хотели думать об этом. Все-таки случился, все-таки произошел. Термос разбился... да, разбился! Упал с невысокой скамейки и разбился. Упал не на асфальт, не на бетон, а на землю с травой, и разбился. А получилось это так.

В обеденное время бабушка Машо разложила на скамейке возле сарая скатерть с обедом: закуски, бутерброды, сыр, зелень. И тут же явился и термос, готовый угостить тружеников земли горячим чаем.

Бабушка позвала меня и дядю Хасана к столу. Я подошел первым, потому что тут же, возле бабушки, и крутился. Дядька усердно трудился на краю сада и не шел.

Я присел на скамейку напротив бабули. Она попросила меня что-то подать, и я неловким движением, передвигая предметы на обеденном столе, то есть на скамье, смахнул термос. Он упал плашмя, боком на землю. Ужас!..

Бабушка посмотрела на термос, потом на меня, потом снова на термос и в сторону, где находился Хасан. Я сидел молча с чувством обиды и сожаления. Бабушка Машо протянула руки, чтобы поднять термос с земли. В ее взгляде была надежда: «Вдруг не разбился?..».

«Может быть, не разбился?» – промелькнуло в моей голове. – Не высоко же, на землю же упал...», но когда бабушка подняла термос, это сопровождалось звуком битого стекла. Она потрясла его для уверенности, и звук подтвердился. «Да, разбился. Вот дела... разбился». Бабушка Машо застыла с пострадавшим термосом в руках.

Я не знал, что делать, что сказать? Чувство какой-то неловкости испытал я в эти минуты: «Почему именно я, почему я разбил этот термос?».

В этот момент подошел Хасан. По немой сцене он сразу понял – что-то не то, что-то произошло... «Неужто термос?» – посмотрел он на бабушку.

– Что случилось? – взял дядька из рук онемевшей бабушки термос, потряс его и посмотрел на меня.

– Дядя Хасан, я разбил термос... – сказал я и встал со скамьи. – Я хотел подать...

Вдруг дядя отвесил мне пощечину, прервав мое объяснение.... Звон в голове, мысли встряхнулись... Я потер раскрасневшуюся щеку. Когда начало проходить первое впечатление от произошедшего, в голову полезли обидные вопросы...

Начал я припоминать и не мог припомнить случая, чтобы дядя Хасан поднимал на меня руку. «Не было такого, хотя были поводы и посерьезней», – во всяком случае, я так подумал.

Были моменты, когда точно думаешь, влетит за это, но все ограничивалось устным внушением, сарказмом, в крайнем случае. Но рукоприкладство не допускалось, никаких пощечин не было. Почему за термос?.. И выглядело так, как будто решение принято давно. Или это спонтанно? Реакция на ситуацию? Неожиданно...

И бабушка не попыталась заступиться за меня, как это обычно бывало. Была как в оцепенении, как будто произошедшее привело ее в шок. Как будто произошло что-то ужасное, к чему не хочешь быть причастным, чего сам не приемлешь, что-то такое...

«Почему так? – думал я. – Почему термос? Почему я? Почему повезло мне? Что представлял собой простой литровый китайский термос? Что?»

А представлял он очень многое, многое символизировал и многое в себе заключал. Заключал в себе термос все комплексы и страхи этих людей в то время. Так много от него практической пользы, и так трудно было его достать в нашей стране. Где его возьмешь, где достанешь? А он так нужен, так незаменим. Доставшийся по случаю, во многих случаях выручавший.

И получается так, что кризис в нашей стране не проходил, он был все время. Термос – материальный объект, ценился выше, чем психика ребе нка. Чего и сейчас предостаточно, что и сейчас повсюду. И пока мышление и поступки людей не изменятся, кризис не отступит, кризис будет сидеть в нас...

Ирина БОГАЧЕВА

Более тридцати лет доктор сельскохозяйственных наук, профессор, действительный член Академии аграрного образования, лауреат нескольких премий Борис Жеруков работает в Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии им. В. М. Кокова. Руководитель вуза, входящего в первую двадцатку профильных учебных учреждений страны, не поживает на лаврах – читает лекции, занимается модернизацией материально-технической базы учебного заведения, вводит новые научные дисциплины и специальности, оказывает благотворительную помощь нуждающимся...

Энергичный, прозорливый, масштабно мыслящий Борис Жеруков намечает перспективы и успешно реализует ранее намеченные планы. Профессиональные достижения он объясняет не личными заслугами, а сотрудничеством с коллективом единомышленников, которые работают в руководящих структурах Кабардино-Балкарской Республики, а также в академии. «Одно дерево леса не составит» – учит кабардинская поговорка. Принципа коллегиальности, совместного участия в деле, которое необходимо разумно организовать, придерживается в своей работе ректор.

Годы становления

Борис Хажмуратович родился 28 февраля 1958 года в с. Псыгансу Урванского района КБР. Сельское детство полно радостей и впечатлений, не знакомых мальчишкам городских кварталов. Просторы полей, физический труд, общение с мудрыми людьми, хранящими традиции предков, обряды и праздники, причастность к земле и ее дарам – все это душа впитала в ранние годы. Как и прежде, ректор встает раньше солнца, благодаря судьбу за подаренное счастье – видеть предрассветное небо, ощущать свежесть утра, пробуждение нового дня.

Он приходит в академию одним из первых, когда еще не разбужена многоголосым хором тишина аудиторий, а в кабинете не трезвонит телефон. Есть возможность сосредоточиться, спланировать рабочий день для лекций, консультаций, заседаний, встреч с посетителями. В такие минуты иногда вспоминается прошлое.

По окончании школы Борис трудился рабочим на Нальчикском заводе полупроводниковых приборов, прошел срочную службу в Советской Армии. Тяга к знаниям, неудовлетворенность достигнутым, любовь к земле привели на сельскохозяйственный факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета. Осознано, целеустремленно он берется за учебу, получает повышенную Ленинскую стипендию и по окончании обучения получает диплом с отличием.

За это время факультет был преобразован в Кабардино-Балкарский агромелиоративный институт, а позднее в академию. Борис Жеруков не

расстался с alma mater – в течение года работал на кафедре земледелия и растениеводства КБАМИ. Преподаватели посоветовали перспективному коллеге пойти в науку. В Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева Жеруков окончил аспирантуру кафедры растениеводства, в 1985 году успешно защитил кандидатскую, а в 1989 году – докторскую диссертацию и получил ученую степень доктора сельскохозяйственных наук.

Научная деятельность

Жизнь ученого полная поисков, тревог, удач, сомнений и счастья. Направление научных исследований профессора Б. Жерукова – «Биологический азот в растениеводстве». Альтернативой минеральному азоту может служить азот биологический, усваиваемый из воздуха бобовыми многолетними травами.

Борисом Жеруковым опубликовано более 100 научных работ, 50 из них – в международных, всероссийских и региональных изданиях, в том числе несколько монографий и рекомендации по возделыванию сельскохозяйственных культур. Для студентов подготовлены учебник и четыре учебных пособия с грифом УМО – Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию.

К числу наиболее значимых работ, принесших автору славу талантливого исследователя, относятся монографии: «Экологически чистые технологии производства растительного белка» (1995), «Введение в социальную экологию» (2001), «Новое в товароведении зерна и продуктов его переработки» (2002). Его труды по растениеводству получили признание научного сообщества, изданы на английском языке и используются за рубежом. Высокую оценку коллег получила активная позиция ученого – крупного специалиста по организации высокоэффективного растениеводства, обладателя 13 авторских свидетельств и патентов.

Борис Жеруков является Лауреатом премии Ленинского комсомола в области науки, удостоен почетных званий, серебряной медали Выставки достижений народного хозяйства РФ.

Награжден почетной грамотой министерства по национальной политике РФ «За большой вклад в воспитание студенческой молодежи», почетными грамотами министерства сельского хозяйства и министерства образования и науки РФ, Почетной грамотой Кабардино-Балкарской Республики.

В 1997 году Борис Хажмуратович был избран академиком Международной академии аграрного образования России. В 2001 году Борису Хажмуратовичу присвоено звание «Заслуженный деятель науки КБР», в 2006 году – «Заслуженный деятель науки РФ».

Ответственность руководителя

Б. Жеруков как специалист в области агрономии и экономики досконально знает все стороны деятельности вуза, т. к. прошел в этом учреждении образования длинный карьерный путь – ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор кафедры растениеводства и селекции КБГСХА, секретарь партийного комитета вуза, декан агрономического факультета, проректор по экономике и внешним связям. С 2000 года по настоящее время – ректор.

При всей занятости профессор Б. Жеруков продолжает читать лекции

по дисциплинам «Растениеводство» и «Технология производства продуктов растениеводства». Слушателям импонирует его умение доносить предельно просто сложную, сугубо научную информацию.

Все, кто общается с ректором сельхозакадемии, отмечают его высокую порядочность, скромность, доброту и отзывчивость. Борис Хажмуратович гордится тем, что рядом с ним трудятся питомцы родного вуза, защитившие докторские диссертации. Они, в свою очередь, передают опыт новому поколению, помогают студентам одолевать тропы непознанного.

Поиск талантов, воспитание научной смены, подготовка кадров для сельского хозяйства страны и республики – главная забота ректора. Он принимает самое активное участие в широком внедрении научных разработок в практику агропромышленного производства, умело координирует научную и педагогическую деятельность преподавателей, сотрудников, студентов.

В БКГСХА им. В. М. Кокова – крупнейшем профильном вузе на Северном Кавказе – обучаются девять тысяч студентов по 22 специальностям на 11 факультетах. За четверть века вуз подготовил свыше 15 тысяч специалистов, многие из которых стали известными учеными, руководителями крупных сельскохозяйственных и промышленных предприятий республики, органов управления агропромышленного комплекса.

Кабардино-Балкарская сельхозакадемия готовит специалистов со степенью «бакалавр» по двадцати двум профилям, и по шестнадцати – магистерским.

Дополнительную ответственность на ректора и руководителей структурных подразделений вуза налагает и то, что некоторые студенты испытывают определенные материальные трудности, вынуждены подрабатывать после занятий. Решение социальных вопросов – один из приоритетов в работе ректора, который считает, что радикальное изменение ситуации может быть достигнуто при условии формирования единой государственной программы реформирования и поддержки сельскохозяйственных вузов Российской Федерации.

Коллеги

По числу преподавателей с ученой степенью академия занимает четвертое, а по объему хоздоговорных работ десятое место среди 59 сельскохозяйственных вузов России.

На более чем сорока вузовских кафедрах трудятся 89 докторов и 309 кандидатов наук. Все кафедры оснащены современным оборудованием, имеются учебно-производственные и научные лаборатории, вычислительный центр, опытное хозяйство, парк тракторов и сельскохозяйственных машин. Фонд фундаментальной библиотеки включает тысячи томов профильной литературы.

Кабардино-Балкарская государственная сельскохозяйственная академия – многофункциональный вуз, реализующий образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования. В его составе функционируют Институт повышения квалификации, Учебно-методический центр подготовки и повышения квалификации Института профессиональных бухгалтеров и аудиторов России, Центр поддержки малого предпринимательства, Терский сельскохозяйственный техникум, подготовительное отделение.

Академия участвует в работе шести диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций. Здесь защитили диссертации несколько сот аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук из Кабардино-Балкарии и других регионов России.

Академия динамично развивается по пути интеграции образовательного процесса, фундаментальной и прикладной науки и АПК. Ученые вуза участвуют в разработке республиканских и федеральных целевых научно-технических программ. По инициативе ректора разработана программа по реформированию профессионального образования в РФ, по которой была проведена широкая дискуссия с участием руководителей министерства образования, депутатов Государственной Думы и Совета Федерации РФ.

Жизнь – в движении к новому

Борис Жеруков ведет огромную научно-исследовательскую и общественную работу. Он является депутатом парламента КБР, в течение нескольких лет исполняя обязанности секретаря политсовета Кабардино-Балкарского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия».

Каждый день, каждый час ректор находится в поиске, в пути. Своих последователей, нынешних студентов, он напутствует мудрыми словами наставника: «Мучайтесь, переживайте, но ищите новое, действуйте смело, этого требует жизнь, выдвигающая все более и более сложные задачи».

Каждый взрослый человек хочет видеть продолжение своих дел в детях. Борис Хажмуратович и его жена Оксана Борисовна (доктор экономических наук, проректор по учебной работе Нальчикского филиала Белгородского университета потребительской кооперации) воспитывают троих детей: Алла – с отличием окончила юридический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и работает в Нальчикском городском суде, сыновья Алим и Келемет – студенты.

Родители передают им свою любовь к жизни и уважительное отношение к окружающим. Борис Хажмуратович ежегодно оказывает спонсорскую помощь детским домам и домам престарелых, из личных средств выделяет суммы на строительство и обустройство мечетей. В одном из интервью он сказал: «Прилагаю все усилия, чтобы выпускники Кабардино-Балкарской сельхозакадемии были востребованы и нашли достойное место в жизни. Как политик и общественный деятель мечтаю о процветании и благополучии республики. Как отец хочу, чтобы мои дети стали достойными, уважаемыми людьми и были счастливы».

За самоотверженный многолетний труд на благо Отечества заслуженный деятель науки Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики Борис Хажмуратович Жеруков удостоен благодарности президента РФ Владимира Владимировича Путина, Почетной грамоты КБР и многих других наград.

Жизнь, наполненная яркими событиями, научным поиском, встречами с выдающимися людьми, добрым отношением друзей и любовью близких, продолжается. Впереди годы труда и творчества.

Ирина ВОЛЬСКАЯ

ФЕНОМЕН БУЛАТОВА

Булатов Арсен Хабижевич, родился 28 ноября 1963 года. Работал электромонтером на заводе «Автозапчасть» в г. Баксан. Проходил срочную воинскую службу в ракетных войсках стратегического назначения. Окончил историко-филологический факультет КБГУ. Работал корреспондентом в редакции газеты «Советская молодежь», собственным корреспондентом газет «Северный Кавказ», «Комсомольская правда», «Вести городов Юга России». В течение пяти лет возглавлял пресс-службу местной администрации г. Нальчика, одновременно являясь редактором газет «Нальчикские новости» и «Моя республика». Работал в должности руководителя пресс-службы судебного департамента при Верховном Суде РФ в КБР. С 2002 г. по 2009 г. – редактор отдела информации, публицистики и спорта газеты «Кабардино-Балкарская правда». В 2009-2012 гг. – главный редактор газеты «Московский комсомолец в Кабардино-Балкарии», в настоящее время – руководитель проекта этого издания.

В 2006 году Арсену Булатову присвоено звание «Заслуженный журналист КБР». В 2007 г. он стал персоной года в номинации «Лучший журналист Кабардино-Балкарии». Награжден грамотами парламента и правительства КБР, дипломами министерств и ведомств. Женат, двое детей.

Матчасть

Журналистские опусы не принято величать произведениями. Статьи, заметки, очерки, информации, интервью – все это лишь исходная масса для формирования газеты или информационного журнала. Поэтому плоды творчества корреспондентов в редакциях называют просто – «материал». Но то, что ежедневно выдает на гора изощренный ум Булатова, в том числе и хлесткие газетные заголовки, иначе как произведениями не назовешь.

Как ему удается составлять из обычных слов необычные фразы, понять невозможно. Подражать бессмысленно, да никто и не пытается. Возможно, природа оригинального мышления-стиля-слога кроется в особой организации нейронных связей в коре его головного мозга? А может быть, у Арсена этих самых нейронов на несколько миллиардов больше, чем у среднестатистического землянина? Или они сделаны из другого материала, с уникальной электропроводностью?

Главный редактор газеты «Кабардино-Балкарская правда», конечно, не пришелец, но явно не такой, как все.

Мученик

Журналистика, по его мнению, это сладкая мука. Когда друзья, занимающиеся физическим или чиновничьим трудом, говорят что он «страдает чепухой», «лучше бы делом занялся», Арсен предлагает им сесть и что-нибудь написать. Через десять минут критики бросают ручку и говорят: «Сам пиши».

Булатов же, отбросив перо, может взять в руки лопату и начать копать так, что за ним не угонишься. И вообще, кажется, нет на свете дела, с которым бы он не справился.

Однако главным и любимым делом жизни стала журналистика.

– Она не является таким «рафинированным» видом деятельности, как, например, литература – проза и тем более поэзия, – считает Арсен. – Журналисты – это чернорабочие человеческих достоинств и пороков. Может, поэтому нашу профессию называют одной из древнейших? Ведь еще в Древней Греции на улицах вывешивались глиняные информационные таблички. В чем удовольствие профессии? Наверное, это своего рода мазохизм, иначе объяснить невозможно. Есть люди, которым нравится самоистязание, и это считается отклонением от нормы, потому что нормальные люди не хотят каждый день писать. Тем более – превращать это в работу. Но самое страшное, что это мне нравится! А может, не страшно?

Булатов предан профессии, но не фанатично. Уходил в разные пресс-службы, в течение нескольких лет был пресс-атташе нальчикской мэрии, и в такие периоды слышал от своих знакомых и незнакомых читателей, что это преступление – надо ему возвращаться в журналистику. Да и сам понимал, что рутинная, чиновничья работа – не его, сколько бы ни платили.

Пегасу подрезали крылья

Родился и вырос Арсен в горняцком городе Тырнауз, где большинство населения составляли русские. Учился в школе, в которой даже по программе не предусматривалось изучение кабардинского. При этом его мама преподавала кабардинский язык в другой школе.

Ему было восемь лет, когда семья переехала в город Баксан, и местные мальчишки стали дразнить: «Подумаешь, городской пижон приехал!». Думали, притворяется, что языка не знает, цену себе набивает. Не только дразнили, били даже.

Говоря о том периоде, Булатов припоминает один из анекдотов, которых в его голове хранится несметное количество. Советского летчика поймали американцы, и через час отпустили. Вернулся он к своим и говорит: «Изучайте материальную часть самолета, а то сильно бьют».

Он до сих пор думает на русском и параллельно переводит фразу на кабардинский. Говорит, что так легче создавать образы. На языке предков читает, но не пишет.

Его школьные сочинения вывешивали в классе на всеобщее обозрение. Писал в прозе и даже в стихах. Мог и про Маяковского и про Ленина. В школу приезжали знаменитые поэты – Кайсын Кулиев, Адам Шогенцуков, Анатолий Бицуев – очень одобряли его сочинения, особенно стихи. Предложили даже принести их в издательство «Эльбрус».

А. Бицуев встретил, похвалил и тут же осёк: «На русском языке многие пишут. Кабардинец должен писать на кабардинском».

И Булатов поставил на поэзии крест. Правда, не очень жирный.

Утиная охота

Он журналист с детства – писал в школьную стенгазету, потом для студенческой команды КВН – заказные шутки. «– Что такое хычин? – Это колобок, на которого наехали балкарцы». «– В Шалушке не стреляют пушки – живут там нарты и нартушки».

Друзья молодости говорят, что приколы ему особенно удавались. Об артистке немного кино Вере Холодной: «Всех нас согреет Вера одна» (это надо воспринимать на слух). Или строчка из известной песни, «приклеенная» к террористу Шамилю Басаеву: «Ах, как хочется ворваться в городок!».

Сколько раз читатели-простаки попадались на журналистскую удочку Булатова! Особенно в районе 1 апреля.

«Собака родила котят» – подпись к снимку Шпанагеля в начале 90-х. В кадре пес рядом с котятами.

«Нальчикскую телевышку перенесут на гору Кизиловка» – цена на дачи в районе вышки сразу подскочила.

«Самолет угнали» – сообщение без снимка, а в это время детский кино-театр, устроенный на площади Абхазии в корпусе бывшего пассажирского лайнера, стоял, как вкопанный.

Временами журналистское чутье Булатова просто поражало. «В верховьях Малки нашли золото» – пошутил как-то Арсен на страницах «КБП». Прошло немного времени, как геологоразведка сообщила такую же новость.

После возвращения с журналистского форума из Абхазии по окончании грузино-абхазского конфликта Булатов закончил статью словами: «Эту страну скоро непременно признают». Несколько месяцев спустя Россия признала государственность Абхазии.

Однажды он не на шутку встревожил работников правоохранительных структур. В небольшой аннотации к снимку с изображением на фоне снежного склона стройной девушки в купальнике и на горных лыжах говорилось: «Нино Гурджаани перешла через кавказский хребет на лыжах. Вместо еды у нее бурдюк с вином «Киндзмараули». На это сообщение люди в штатском отреагировали незамедлительно: «Откуда сведения? Почему мы не знали? Откуда она пришла?». Пришлось обратить их внимание на дату газеты: 1 апреля. Тайная перебежчица оказалась банальной газетной «уткой».

Самое удивительное, что буквально через год племянник Арсена Булатова женился на грузинской девушке по имени Нино. Выходит, накликал счастье.

Опасное увлечение

– Мое увлечение шутками, сатирической поэзией чуть не закончилось плачевно, – рассказывает Булатов. – В 1993 году в правительственной газете «Советская молодежь», вскоре после того, как мне была вручена республиканская премия за лучшую журналистскую работу, была опубликована «Горская поэма о Ельцине». Заголовок – аналог патриотичного произведения Кайсына Кулиева «Горская поэма о Ленине».

И что тут началось! О политической «бомбе» говорила запрещенная к прослушиванию в Советском Союзе радиостанция «Голос Америки». Правда, СССР к тому времени уже не существовало. Национальные движения разного толка предлагали мне всемерную поддержку и хотели использовать мою персону как флаг в собственных интересах.

Надо заметить, что политики я всегда сторонился, и на это были веские причины. Ни в каких партиях я никогда не был, не состоял, не числился, не примыкал и не сочувствовал. Даже временную предвыборную газету «Единая Россия. Кабардино-Балкария» редактировал, будучи беспартийным. Ко всякого рода съездам, партиям и прочим массовым сборищам отношусь настороженно. Когда по работе приходится быть на площади среди толпы, стараюсь выбрать позицию подальше от эпицентра.

На волне сомнительного успеха «Горской поэмы о Ельцине» некоторые мои родственники уехали за границу, выставив себя преследуемыми, гонимыми. А меня вызывали на допросы к прокурору республики. В уголовном или административном кодексе статьи за оскорбление чести и достоинства первых лиц государства тогда, к счастью, не было, но три года мне могли дать, как пить дать.

Отец мой – из политических, отсидел по 58-й статье в лагерях десять лет. Переживал за меня сильно, предлагал скупить весь тираж и залечь на дно. Но было поздно. И вообще, в эпоху, когда еще были живы фельетоны и карикатуры, пока не пришла новая демократия, мне не раз угрожали за непонравившийся материал, и даже били. Журналистика всегда была делом рисковым, ведь не зря прессу называют четвертой властью – после законодательной, исполнительной и судебной.

Тогда, в начале 90-х, удалось проскочить в игольное ушко. Позже я узнал, что мой опус о президенте России лежал под стеклом на рабочем столе первого лица Кабардино-Балкарии Валерия Кокова. Он меня называл «наш хулиган», «наш дружеский враг». Прикрывал, в общем. Отправил подчиненных самолетом в Москву, в приемную Ельцина. Не знаю уж, дошла ли поэма до Бориса Николаевича или нет, доложил ли кто-то из доброжелателей, но будем считать, что он меня простил. Коллектив «Молодежки» взял меня «на поруки», и руки у коллег, к счастью, оказались крепкими.

А какие люди тогда там работали! «Молодежка» была кузницей кадров – Луиза Оразаева, Римма Кумышева, Зарема Хадарцева, Джамбулат Кошубаев, Султан Умаров, Ольга Калашникова, Виктор Шекемов, Увжукю Тхагапсов, который сейчас возглавляет главную черкесскую газету в КЧР. В одном составе – цвет журналистики Кабардино-Балкарии, нынешние руководители изданий, пресс-служб различных ведомств.

За материалы мы дрались. В каждом выпуске еженедельной газеты планировался «гвоздь номера», который поручался отдельному автору. Школа была жесткая, с молодыми тогда не церемонились. Не понравился материал – тут же рвали и выбрасывали. Нас как щенков бросали в воду, чтоб научились плавать. Выплывешь – будешь жить. А жить и работать очень хотелось, и мы барахтались, достигая берега со щенячьим восторгом. С Виктором Шекемовым вдвоем делили одну ставку целый год. До этого я долго писал как внештатник.

В «Молодежке» тогда выпускали стенгазету «Душеотвод», куда попадали материалы, которые не могли быть опубликованы в официальной прессе.

Бывало, что приходили в редакцию то ли аферисты, то ли авантюристы – видели, что надо пахать, и уходили. Случайные люди в журналистике не задерживаются. Если не работаешь, на газетной полосе останется белое пятно. Здесь за чужими спинами не отсидишься. Сначала долгое время работаешь на имя, потом имя работает на тебя. Этот принцип в журналистике силен, как нигде.

Крим-инфо

В лихие девяностые шутник и ёрник вынужден был перейти на эпитафии. Вот случай. Джамбулат Кошубаев гостил у Арсена Булатова в Баксане, когда к дому на «крутой» машине подъехали «братки», забрали двух друзей, привезли в какой-то дом, налили чифир и приказали сочинять фразу для надписи на могильном камне. О памяти своего убиенного кореша они заботились рьяно. Тогда-то у Кошубаева и родились слова: «Глаза добрые, но могут и зарезать».

Специально приехавший из другого региона вор в законе, видимо, исполняющий в этой группировке обязанности литературного редактора, заложив руки за спину, мерно прохаживался по комнате, как по тюремной камере, и ждал. Один вариант, третий, четвертый – всё браковал. И вдруг сказал: «Гениально!»

Уф, попали! Мало того – получили предложение издавать воровскую газету. За это обещали крупное вознаграждение. Соблазнительно, конечно, но тут Булатов вспомнил фразу «Любой труп почетен», и удалось благополучно отказать. Денежный путь был заведомо гибельным – могли убить или пришлось бы жить в другом месте.

Принцип «деньги любой ценой» противоречит моральным установкам Булатова. Да и они чувят своих. В период, когда вся страна превратилась в сплошной рынок, Арсен со товарищи несколько раз предпринимал попытки заняться бизнесом (читай – торговлей). Однажды закупили крупную партию женской обуви, как казалось, по низкой цене. Потом пришлось отдавать товар практически бесплатно – никто не хотел его брать даже по закупочной цене. Потом решили завести птицеферму, выращивать кур. Закупили в Майском цыплят – они началидохнуть.

Так и не удалось Булатову наступить на горло собственной песне.

Упертый везунчик

Многие думают, что Арсен по жизни везунчик. Легкий характер, шутник с абсолютным чувством юмора, при этом деликатен, уважителен – искренне, без наигранности. Все дано человеку – талант, внешность, успех, высокая должность, хорошая семья... А он к успеху топтал дорожку очень долго. В течение пятнадцати лет, зимой и летом, по семь километров проходил пешком до Баксанского автовокзала, садился в рейсовый автобус и ехал на работу в Нальчик. Дома вел хозяйство – доил корову, выращивал кроликов, успевал что-то построить, поштукатурить, заготовливал сено, разводил тутового шелкопряда, тоннами нарезал для прожорливого червя ветки вербы и тутовника. Не только посторонние в это сейчас не поверят – самому с трудом верится.

Многие говорили тогда: «Иди в школу, ты же историк. Или в колхоз – будешь в полном ажуре». Но на семидесятирублевую зарплату в школу идти

не хотелось. Да и не в деньгах дело – в редакции платили не больше. Масштаб не тот, горизонты уже, поэтому и не пошел. И колхоз, где надо уметь «крутиться» – не его епархия.

Упирается на приусадебном участке не видел смысла. Простоять от весны до осени согнувшись, чтобы вырастить мешок картошки? Если ты не фермер масштабный, то зачем умирать на грядке, собирая вместо денег колорадских жуков?

Есть, конечно, люди, которым это нравится, но «городской пижон» Арсен исполнял обязанности сельского жителя по принуждению – собственному или родственников, которые не потерпели бы «простоя». Всей семьей копали огород, но в паузах Арсен взлетал на дерево, и, сидя на крепкой ветке с ружьем, охотился на крыс.

Хартия

В охоту его вовлек отец. Сейчас Арсен удивляется его самоотверженности. Хабижу было уже за семьдесят, когда сын-подросток, будил его на заре и напоминал, что сегодня собирались на охоту. Как хотелось пожилому, усталому человеку поспать! Но он вставал, выходил в поле, устраивался под стожком сена и приказывал сыну далеко не уходить – охотиться на пернатую дичь поблизости.

Увлечение оказалось стойким. Сейчас в этом мужском деле Арсену помогает верный Харт – умнейшая легавая собака с таким же легким нравом, как у хозяина.

Булатов входит в Стрелковый союз России, стреляет из винтовки в тире. Он за правильную охоту. Документы на оружие, путевка, экипировка, достойная компания – все должно быть законно, солидно и в удовольствие. Не бить птицу сидящую, не стрелять самок в неполаженный срок, не оставлять подранков...

Охотится он с друзьями не ради пропитания. На один выезд уходит денег столько, что можно всю жизнь покупать мясо. Зачем же тогда?

Арсен убежден, что охотники – самые большие ценители природы. Ради счастья увидеть зарю, подышать степным воздухом, пройти десятки километров по полям и камышам, посидеть у костра, показать молодецкую удаль, соревнуясь в меткости, эти люди многое отдадут. Они называют рыбаков тихо помешанными, а рыбаки охотников – буйно помешанными. И те и другие одержимы природной страстью ловца, преследователя, добытчика. Дичь Булатов готовит отменно, держит в секрете особые рецепты. Поджарить утку может в поле на костре или дома на кухне. Коронное блюдо – с любовью приготовленный узбекский плов.

Еще Булатов любит оружие. Холодное (у него замечательная коллекция ножей) и «горячее». Предпочтение отдает винтовке 223 калибра. Из классики выделяет 308-й WIN. Но в фаворитах все-таки старый знакомый – дробовик.

Стрелять стреляет, но кровавых снимков и видеосцен в телевизоре не переносит. Все-таки он эстет. Собрал большую библиотеку красивых книг. Домашняя видеотека насчитывает не одну сотню фильмов. В фонотеке есть диск с записями песен собственного сочинения. Работники студии звукозаписи удивляются – даже профессиональным певцам приходится делать по несколько дублей. Булатов записывает песни «в лет», с первого раза. У него,

оказывается, абсолютный музыкальный слух и мягкий, ровный баритон. Женщины в восторге.

Неприличность и приличность

Есть у Булатова еще одна страсть – велосипедная. Отец воспитывал в нем мужчину, велосипед купил сразу «взрослый». Нога под раму, и – вперед, на зависть всем мальчишкам. И опять они его дразнили! На блестящем новеньком велике красовались три неприличные буквы – «ПВЗ». Баксанские пацаны вдруг проявили удивительное знание русского языка и расшифровали: «Проституток возить запрещается». Только став взрослым, Арсен узнал, что непонятная аббревиатура означает «Павловский велосипедный завод». Но это было уже тогда, когда он ездил на спортивном велосипеде, какого в то время практически ни у кого не было. Он и сейчас гоняет по Нальчику, считает, что небольшой городок просто создан для этого вида транспорта, готов и на работу в Дом печати приезжать на двух колесах. Мечтает, чтобы здесь, как в других городах, на одной из центральных улиц в выходной перекрывали автомобильное движение, и народ выходил на прогулку.

Арсен Булатов абсолютно лишен нальчикских «понтов» – может ходить пешком, ездить на велосипеде, появляться на публике в строгом костюме при галстуке или в спортивных. В одежде предпочитает спортивный стиль, но в связи и с характером работы приходится соблюдать приличия, этикет, дресс-код, и носить костюм.

К числу хобби относит хорошую обувь, дорогие часы. Обуви собралось несколько десятков пар, какие-то башмаки и надоели, да никому не отдашь – размер-то сорок шестой! Часы тоже не подаришь – жалко. Приходится туфли донашивать, а часы менять каждый день.

Правосердый

Арсен Булатов страдает декстрокардией. Вернее, не страдает, она у него просто есть.

Никогда не слышали о такой болезни? Ее и не существует. Декстрокардия не диагноз, а аномалия. Врачи утверждают, что это порок сердца. Но какой же это порок, если оно работает прекрасно – дай Бог каждому, – просто расположено не там. Не в левой, а в правой части грудной клетки. Печень тоже «наоборот» – в левой. И аппендицит где-то не там.

В смысле анатомического строения тела Булатов уникал. Ну, по крайней мере, феномен – явление редкое и почти загадочное. Ради чего природа-мать придумала такие перевертыши? Ищет варианты, готовит землян к неизвестному будущему?

Говорят, что в Кабардино-Балкарии живут и другие правосердые люди, но Арсен с ними не знаком. В подростковом возрасте он нашел себе подобного человека в далекой Англии. С девушкой по имени Сусанна Кингсвурд он поддерживал переписку.

Писал в газету «Аргументы и факты», искал друзей по счастью, хотел создать клуб декстрокардийщиков «Каждый правый имеет право», но никто не откликнулся – Интернета в те времена не было.

Из-за своей редкой особенности Арсен не мог попасть в армию. Чтобы отправиться на службу, пришлось накрывать «поляну» военкому. А потом, в

университете, на военной кафедре Булатов был командиром взвода, в состав которого входили «одни отщепенцы» – филологи и философы. Где армия и где гуманитарии? Практически все они теперь – известные в республике люди.

Его военная специальность – метролог. В лабораторию, занимавшуюся проверкой измерительных приборов для ракетной части, отбирали по результатам сложнейшего тестирования на IQ – коэффициент интеллекта. За всю историю лаборатории единственный оказавшийся в ней кавказец – наш земляк. У каждого метролога личное клеймо, прошитая проверочная книга.

От его работы зависело, куда полетит ракета – во вражеский стан или в своих.

В этом ответственном деле декстрокардия не помешала, а может, даже помогла?

– У меня зеркальный организм, и на запястье всегда металлический браслет со специальной надписью и указанием группы крови, – поясняет обладатель редкой особенности. – Некоторые думают, что пижоню, игрушками себя украшаю, а я просто выполняю предписание врачей, хотя считаю, что я нормальный. Это у остальных аномалия. Никто не знает, почему так произошло. Может, Бог шельму метит? Страху по поводу своего драгоценного здоровья никогда не испытывал. Могу выжить в любом географическом поясе, при любом климате – если есть хотя бы нож, с голоду нигде не помрешь. Моя настольная книга – «Полное руководство по выживанию». Это, наверно, генетическое и воспитанное с детства. Я почти так же неприхотлив в еде, как мой отец. Если не было готовой еды, он мог крошить в миску хлеб, залить его водой, подсолить и есть с удовольствием, не требуя большего. Мужчина должен уметь почти всё. Нельзя быть только писателем или журналистом в чистом виде. Не знаешь, куда занесет судьба, какие обстоятельства предложит.

По настоящему я испугался, может, пару раз в жизни. Помню, в Египте, когда ныряли с аквалангом, сорок минут под водой сидели. Со мной сын и его друг. И вдруг инструктор исчез. Отплыл куда-то в сторону и не возвращается. А перед погружением он показывал нам, как знаки жестами подавать. Большой палец вверх – всё нормально, вниз – погружение. Объяснял, что резкий подъем опасен из-за декомпрессии и т. д. Что без него делать, ведь со мной дети? Вот тогда я испытал настоящий ужас. Когда инструктор минут через пять появился, я ему таких жестов показал, что, наверно, на всю жизнь он запомнил. Оказывается, он плывал к товарищу, чтобы взять камеру для съемки. И предупреждал об этом еще до инструктажа, но я не слышал. А парни спокойно плавали – они были в курсе и не поняли, почему у меня прибавилось седых волос. Нет, я человек сухопутный. Как бы ни было красиво на дне морском, предпочитаю ощущать твердую почву под ногами.

Patria o muerte

Булатов патриот. Куда бы его ни зазывали – жить или работать, он верен любимому городу: «Лучше жить дома, чем в Москве ностальгировать по Нальчику».

Несколько раз мог уехать за границу на постоянное место жительства, но Нальчик – это город, который не отпускает. И у какого другого есть такое особенное, уменьшительно-ласкательное название?

Здесь все комфортно, все рядом. В десяти минутах от дома и работы – ковер природы, рыбалка. Гости-москвичи от такой роскоши в восторге.

Любовь к Родине, верность земле предков – слова громкие и не из лексикона Булатова. Но, может, именно эти неоглашаемые чувства гнездятся в неправильном сердце Арсена? Они и вызывают к жизни его произведения, которыми зачитывается вся республика. Рубрика «Ворчание ягнят», которая сначала существовала в «Кабардино-Балкарской правде», потом перекочевала в газету «МК в КБР», где Булатов является руководителем проекта, уже стала тяготить его своей обязательностью, регулярностью. Да и выписывается журналист со временем, выбирает все актуальные темы, глаз замыливается, как у уставшего снайпера. Но читатели ждут, а журналистика – тяжелая поденщина, почти рабство, хотя и сладкое.

Арсен Хабижевич убежден, что у пишущего должна быть особая чуйка к слову. Лишь некоторые музыканты обладают абсолютным музыкальным слухом, но остальные тоже работают. Так и в вербальной сфере – у одного есть абсолютное чувство слова, у другого его нет. Можно учиться писать всю жизнь, получать дипломы литинституты, но так и не выдать ничего примечательного. Изучение языка невозможно без чтения хорошей литературы, расширения кругозора. Некоторые думают, что если умеют писать школьные сочинения, этого для работы в печатном издании достаточно. По мнению Арсена, это не критерий. Помимо умения составлять слова в предложения необходимы аналитические способности, широкий кругозор, чутье, коммуникабельность.

– Когда седовласый мужчина говорит, что он поэт, но его стихов при этом никто не цитирует, это вызывает печаль. Но у писателя, поэта хотя бы есть надежда, что его строки вспомнят, поставят в пример, дадут почитать в назидание потомкам.

Журналистика, которой я служу, в этом смысле падчерица. Труд журналиста уходит в песок, потому что газета живет один день. На следующий выходит другой номер, и так из десятилетия в десятилетие, из века в век. Имена писателей и поэтов, даже древних, помнят многие, имена выдающихся журналистов могут назвать только специалисты – историки печати. Поэтому заикливаться полностью на работе ради собственного величия и бессмертия нет резона. Прелесть журналистики состоит в том, что она расширяет горизонты жизни, позволяет познакомиться со многими людьми, увидеть мир. За это я ей и благодарен.

СТРОЧКИ ЛОЖАТСЯ НА ЛИСТ БУМАГИ

– Во мне всегда «сидел» поэтический дар, – говорит Аслан Мухаджирович Ляушев, – но заниматься этим творчеством некогда было, работа отнимала все. Теперь, на склоне лет, увлекаюсь стихами, сами строчки просятся на бумагу и ложатся на чистые листы...

«Запоздалый поэт» Аслан Ляушев родился в Адыгее, в ауле Пишизов. В 50-х годах обучался в местной семилетней школе, окончил Хатажукайскую среднюю школу, некоторое время работал в родном колхозе, был на срочной воинской службе, затем окончил юридический факультет Ростовского госуниверситета. Почти четверть века находился на военной службе, получив все офицерские чины – от лейтенанта до полковника юстиции, перед отставкой работал помощником председателя Верховного Суда СССР в Москве.

Аслан Мухаджирович ныне живет в г. Майкопе, по мере возможности занимается общественно-полезным трудом. И сегодня бывший военный прокурор, юрист по образованию, востребован временем. У него прекрасная семья. Аслан и его супруга Нурет гордятся своей дочерью Светланой. В свое время она с золотой медалью окончила среднюю школу в Москве и с красным дипломом – МГУ, ныне – доктор философских наук, профессор АГУ, сын Заур – выпускник МГТУ, трудится в коммерческой структуре.

Тасим Тхайшаов

Аслан ЛЯУШЕВ

Горсть земли

Вдруг ночью просыпаюсь я,
У изголовья – мать моя.
Лицо бледнеет, седая голова,
Тревожно молвит мне слова:

– В бреду иль нет, горишь в огне,
Стихи читаешь, сын, во сне.
Отца с почтеньем вспоминаешь,
Меня святой ты называешь.

Не верил я предчувствию беды,
Но страшна весть войны под вечер.
«Отца в живых не стало,
он убит», –

Шепнул нам с болью
встречный ветер.
В углу мать глухо зарыдала,
Так скоро я осиротел.

Волнуя кровь сердечной влагой,
Тайком укрывшись за плетнем,
Я тихо плакал над могилой
Отца, не зрившего меня.

Отца не видел я ни разу,
Не прижимал к груди меня.
Но боль тоски навевал образ
Мне – фотография с войны.

Я вижу, лик его прекрасен.
И стан, и грудь войной окрашены,
Среди бойцов заметно грозен,
Он для врага победой страшен.

Ему сегодня я ровесник,
Но сыном остаюсь навек,
И в сердце он – мой покровитель,
Всегда во всем он мой учитель.

Знакомый ветер прошептал
Давно забытый зов молитвы.
Познавший рано славу битвы,
Он жизнь за Родину отдал.

Нет сил подняться и уйти.
Прощаясь с ним, в огне горю.
И уходя, чтоб вновь прийти,
Я горсть земли с собой беру.

К отцу я весь в любимых
чувствах
Все думы сердца отношу.
Живя порой в его молитвах,
Тоску и грусть в себе ношу.

Но крик души – не вечный зов беды,
Земля хранит глубокий след войны.
В сердцах людей сегодня
День Победы.
В сердцах людей сегодня день Весны!

Сын и соль земли

Людской молве предавшись смело,
Талант глубинный обуздав в себе,
Расул Гамзатов сочинил поэму
О том великом, что хранил в себе.

Расул велик своим твореньем,
Народ живет, как подвиг, в нем.
Расул богат очарованьем,
Природный дар прекрасен в нем.

Земли отрадной гордый сокол,
Поэт, прославивший свой век.
Любовь найдя в родных истоках,
В стихах воспел родимый человек.

Расул – скала Отчизны непокорной.
Судьба его – мой Дагестан.
В лучах зари вершине горной
Он слал поклон, согнув свой стан.

Поклон он слал народам всей Вселенной
Во имя мира, мудрости извечной.
Со всей отрадой, обращенной к музе,
Расул Гамзатов – сын и соль земли.

Деньги

Одни в народе говорят,
Что деньги – это власть,
Успех, престиж, авторитет,
Ни в чем себе отказа нет.

И в них, по сути дела,
Нет своего предела.

Богатство, ценности, любовь,
Другие блага к ним прибавь.
За деньги можно их купить,
А с ними счастье прикупить.

Другие люди говорят, что деньги –
Это зло, погубит честь оно.
И мир поделит па неравных
В основе принципов бесправных.

В деньгах особая примета,
Блаженство полного юта.

Дары природы в недрах все,
Но их достать смогли не все.
Богатых стало больше,
Но бедным от этого не лучше.

Захват, нажива и корысть
Привычны для богатых.
Но как богатым стать? –
Вот в чем вопрос зарыт.

Отсюда вывод непростой:
Как ни реши вопрос крутой,
Ответ в нем лишь один такой –
Нужны всем деньги на покой.

И вера эта однородна,
Как участь бедных всенародна.
Но в жизни всех, как нам известно,
Отраде быть всегда уместно.

Да потому знать очень важно,
Велением времени возможно,
Чтоб вольный разум инородных
Направить всем на пользу бедных.

И с высоты сиять она не перестала...

Поэт и верный друг
Нальбий Куёк,
Рожденный полем
и людьми на свет,
Поющим камнем ты
прославил век,
И нам оставил
свой духовный след.
Вознаграждать тебя
за этот благородный труд,
Возможно, станет
сам Всевышний.
Тернистый выбрал ты
для жизни путь,
И памятник воздвиг себе
нерукотворный.
Как верный сын,
ты предан был своим корням,
И в память о далеких временах
В себе сосредоточил
их мудрость и любовь,
Ты в них обрел
источник силы вновь.
Земля и небо приняли
твой профиль,
Источник зрелости,
ума природный стиль.

Текут рекой в глубь нив Вселенной
Мотивы разума
и творческих свершений.
Твоя любовь к Отчизне велика,
Тревожный мир признал тебя
как аксакала.
Твоя судьба далека и близка,
И с высоты сиять
она не перестала.
Молиться будем за тебя усердно,
За честный твой удел,
смиранный лад.
Создав свой яркий образ
беззаветно,
Построил дом себе в Раю,
цветущий сад.
И память отзовется эхом,
Бесконечность музыки
невозможно отвратить.
Мы любим время той эпохи –
Оно смогло тебя
в легенду превратить.
Он шел, преодолев
земные испытания,
В его душе чужая боль страдала.
К добру она всегда зывала,
Чтобы пройти предназначения...

Хаути КУМЫКОВ,
член Союза журналистов РФ

ЖЕЛЕЗНЫЙ МИНИСТР

В начале ноября 1956 года от республиканского радиокомитета я был назначен собственным корреспондентом трех районов республики – Урожайненского, Терского и Лескенского. Первым секретарем Урожайненского райкома партии был Ахмед Хажуев, в Терском – Безрука Гелясов и в Лескенском – Мухарби Ансоков. Чтобы удобнее было обслуживать хозяйства этих районов, местом постоянного нахождения выбрал поселок Терек (ныне город Терек), а мой корреспондентский пункт находился в доме матери Героя Советского Союза летчика Ахмедхана Канкошева. Познакомившись с работниками райкома партии, райисполкома, некоторыми руководителями колхозов, совхозов района и отправив по связи несколько информации в Нальчик, через неделю отправился в Урожайненский район. Так как первый секретарь не оказался на месте, принял меня заведующий отделом пропаганды и агитации райкома партии Питу Гонов. В ходе беседы выяснилось, что мы земляки, оба из Большой Кабарды, Гонов из Баксаненка, а я из Алтуда (позже Питу Гонов стал первым секретарем райкома партии и долгое время возглавлял партийную организацию Баксанского района). В заключение нашего разговора Гонов мне сообщил, что в конце месяца у них намечается районная отчетно-

С л е в а н а п р а в о : Мухажир Кульбаев, Мухамед Хачетлов, Барасби Карданов,
Николай Евтушенко. 80-е годы XX века

выборная партийная конференция, и спросил, буду ли я присутствовать на этом партийном форуме. Я, поскольку еще не был коммунистом, ответил отрицательно. Обменявшись номерами телефонов, договорились созваниваться, и я уехал.

29–30 ноября в Урожайном состоялась партийная конференция, а днем позже, как договорились, позвонил Гонову, который сообщил мне о том, что в работе конференции принял участие первый секретарь Кабардинского областного комитета партии Тимбора Кубатиевич Мальбахов. Он меня проинформировал еще и о том, что с критической оценкой «неудовлетворительно» коммунисты района освободили Ахмеда Кицуевича Хажуева и первым секретарем Урожайненского райкома партии избран Хачетлов Мухамед Хажретович. Тут же это сообщение по телефону передал в Нальчик. В этот день вся республика узнала по радио о том, что Хачетлов – первый секретарь Урожайненского райкома партии.

Тогда я еще лично не знал Хачетлова. Впервые встретился и познакомился с ним весной 1957 года в разгар посевной кампании яровых культур в колхозе «Родина». Так как транспорта у меня не было, из поселка Терек до Арика добрался на попутной машине, а из правления колхоза меня привезли на поле, где механизаторы вели сев богатырской культуры. Здесь встретил главного агронома колхоза Кажарова Муаеда, который подробно рассказал мне о планах посева, о том, сколько гектаров засеяно, о лучших механизаторах. К этому времени подъехал и председатель колхоза Пшигошев. Он был заметно взволнован, нервничал, на мои вопросы отвечал неохотно. Когда он отошел в сторону, я спросил агронома: «Почему так волнуется председатель?» А Кажаров ответил, что вот-вот должен подъехать первый секретарь райкома. «Зачем из-за этого нервничать?» – говорю я. «Первый секретарь райкома партии у нас очень крутой, жесткий и суровый человек», – ответил мне агроном. Я заинтересовался и остался ждать его приезда. Во второй половине дня в поле заехал Хачетлов – высокий, смуглолицый, на первый взгляд суровый человек. Когда я представился ему, он одобрительно сказал: «Как хорошо, что в нашем урожайном районе стали появляться корреспонденты». В течение двух часов, слушая его разговоры с людьми, неотступно ходил за ним. С руководителями хозяйства и с механизаторами он одинаково заговаривал ровно, доходчиво, но твердо. Предупреждал всех строго соблюдать технологию высева кукурузы на зерно, только квадратно-гнездовым способом.

Когда уезжал, обратился ко мне: «В районе много недостатков, о них надо говорить больше, справедливая критика исправит положение дел. Пока плохо, но посмотрим осенью, когда будем считать цыплят». На второй день со своего корреспондентского пункта я сообщил на радио о том, как в колхозе «Родина» Урожайненского района организован и проходит сев богатырской культуры. Я не мог выполнить просьбу Хачетлова критиковать за недостатки. В этом отношении мы были ограничены. Чтобы наши недруги не знали о наших недостатках, мы не имели права пустить в эфир критические материалы.

Первая встреча с Мухамедом Хачетловым произвела на меня неизгладимое впечатление. В его лице я увидел не жестокого и не сурового, как мне говорили, а добродушного, доброжелательного, но строгого и справедливого человека. Нашей первой встрече последовало много встреч – на собраниях, на полях и животноводческих фермах, на отгонных пастбищах... Под руководством Хачетлова вместо семи центнеров в прошлом засушливом 1957 году урожайненские хлеборобы в целом по району получили по 27 центнеров богатырского зерна с каждого гектара. Намного повысилась продуктивность животных, возросло и поголовье скота. До объединения двух районов – Урожайненского и Терского – урожайненцы еще удвоили производство сельскохозяйственных продуктов.

Мухамед Хажретович хорошо понимал, что с руководителя больше спроса, что для него превыше всего интересы государства и тружеников села. Он обладал чувством высокой ответственности перед людьми, твердо зная, что если требователен к себе, показывает личный пример, то и сам имеет моральное право требовать от подчиненных, понимал, что такая взаимная требовательность обеспечивает здоровый психологический климат. Он всегда относился к людям благожелательно. Мухамед обладал тонким юмором и был знатоком адыгского этикета.

Когда Хачетлов стал первым секретарем объединенного Терского райкома партии, я уже был членом коммунистической партии и имел возможность присутствовать на партийных собраниях и заседаниях бюро райкома. Полным ходом шла в хозяйствах района вторая жатва. На одном из заседаний бюро райкома обсуждался вопрос о ходе уборочной кампании и продажи зерна государству. Когда стали расходиться, полушутя-полусерьезно Мухамед спросил, не хочу ли я прокатиться с ним? – и добавил: «Если есть желание, встретимся утром». Предложение я принял с радостью и благодарностью. На следующий день рано утром мы выехали из поселка Терек. Посещение хозяйств он начал с дальнего колхоза, бывшего Урожайненского района, «Терекское», где председателем был Ханиев. Сначала заехали на поле, где комбайны убирали кукурузу, зерно, походили, посмотрели, как работают уборочные агрегаты, а потом на ток. Организация труда в поле и на току, по оценке Мухамеда, в хозяйстве была удовлетворительной. В этот день мы еще побывали в нескольких колхозах бывшего Урожайненского района, и везде он вникал во все вопросы сельскохозяйственного производства, конкретно интересовался питанием механизаторов. Конечным пунктом нашей поездки в этот день был колхоз «Вторая пятилетка» в Плановском, председателем которого был Альбиян Мамрешев. Вместе с Альбияном мы встретили на току председателя райпотребсоюза Мамхегова Шу, который у своего приемника решал потребительские вопросы. Мамхегов, в районе всеми уважаемый человек, до Мамрешева возглавлял это хозяйство. После того как уточнил хозяйственные вопросы у председателя, Мухамед сказал: «Мы поедем». А Шу ему: «Погостите у нас», и, вроде извиняясь, что выступает за хозяйина, с улыбкой перевел свой взгляд на Альбияна. И, когда убедился, что Альбиян готов к приглашению, Шу настоял. Мухамеда уговорили. Он согласился из-за уважения к старшему – Мамхегову. Когда зашли в дом,

Мухамеду сразу предложили место тхамеды. Тогда он шутливо обратился к Мамхегову: «Что, Шу, в Малой Кабарде обычай таков, что молодой человек при старших занимает почетное место за столом, или как первому секретарю предлагаете мне его? За столом я не секретарь райкома». Шу знал, что в справедливости Мухамеда переспорить невозможно, и, как старший, место тхамеды занял сам.

За досрочное выполнение плана продажи государству зерна в 1960 году Терскому району было присуждено переходящее Красное знамя областного комитета партии и Совета министров КБАССР, он был занесен на республиканскую Доску почета. За достигнутые успехи в сельском хозяйстве был награжден и дипломом второй степени ВДНХ СССР. По состоянию посевов и в 1962 году район был награжден переходящим Красным знаменем республики. Таким образом, возглавив крупный Терский район, за два года Хачетлов вывел его на передовую позицию республики. Мухамед Хажретович пользовался большим авторитетом у тружеников села, его уважали и ценили. За умелое руководство и неустанную работу в 1962 году терчане оказали ему высокую честь – он был избран в высший орган государственной власти страны – депутатом Верховного Совета Союза ССР.

Когда Хачетлов стал министром сельского хозяйства республики, я уже работал на телевидении. В то время мы, телевизионщики, периодически выходили в эфир с масштабными передачами. Готовили часовые передачи с участием руководителей, специалистов и передовиков сельского хозяйства. Когда мне приходилось готовить материалы для такой широкой передачи, я всегда шел к Мухамеду посоветоваться, работу какого района, какого хозяйства освещать, и никогда не ошибался. После выхода в эфир не было нареканий телезрителей и вышестоящих органов. А это нас радовало.

В урочище Хаймаша Хачетлов проводил совещание с зоотехниками и ветеринарными врачами, сначала он кое-кого критиковал и кое-кого хвалил, а затем ставил перед ними конкретную задачу – постоянно вести борьбу за высокую продуктивность животных, за сохранность молодняка, увеличение поголовья скота. И рассказывал им, каким методом можно все это достичь. В заключении ровным, но твердым голосом, по-отцовски обратился к участникам совещания. «Животноводство, – сказал он, – самая тяжелая отрасль в сельском хозяйстве, трудностей не надо бояться. Долг каждого из вас трудиться честно. Труд приумножает богатство, облагораживает, украшает и возвышает человека. Честный и добросовестный труд приносит человеку радость и счастье». Мухамед всегда был общительным с людьми. Да, он был иногда резким и неумолимым критиком. Но никогда не допускал в своем разговоре унижающего или оскорбительного тона. И за это его уважали. Авторитет его был высок. Мухамеда отличали скромность, честность, душевность. Он никогда не довольствовался достигнутыми результатами. Все те, кто его окружал, к нему относились с большим уважением, и он всегда отвечал им взаимностью. Будучи министром сельского хозяйства, постоянно думал о том, как поднять урожайность сельскохозяйственных культур, повысить

продуктивность скота. Большое внимание уделял он и развитию мелиорации земель.

На одной из встреч я как-то спросил Мухамеда, давно ли связан он с землей, с сельским хозяйством? «С детства, – ответил он, не задумываясь, и продолжил: – Еще до коллективизации был погонщиком, полол, вручную убирал и молотил пшеницу и просо, косил, копнил и скирдовал сено, был первым учетчиком в организованном в родном селении колхозе, а теперь вот – министр», – заулыбался он. Слово «министр» Мухамед произнес без пафоса. Через год после назначения его министром начали поговаривать, что среди руководителей хозяйств Хачетлова называют железным министром. Об этом я услышал позже, на летних пастбищах. К нам поступили сведения о том, что в урочище Аурсентх намечается совещание животноводов, где будут подводиться итоги продуктивности дойных коров в условиях высокогорных летних пастбищ. Чтобы с разных ферм и районов собрать побольше материалов для будущих передач, я выехал на пастбище со съемочной группой на два дня раньше срока. Представители колхозов и совхозов, чьи животные находились в этом районе, в день совещание утром уже были в сборе – у центрального штаба Аурсентха. Я и председатель колхоза «Ленинцы» Майского района Архангельский стояли в стороне от других и беседовали. В это время появилась «Волга», по которой Дмитрий Васильевич определил, что едет Хачетлов, и тут же торжественно добавил: «Наш железный министр». Когда я его спросил: «Кто прозвал Мухамеда Хажретовича железным министром?» – Архангельский ответил: «В сельском хозяйства его все зовут железным. В решении вопросов он тверд, убедителен и требователен, знает, с кем как разговаривать».

Как-то я встретил давнего друга, много лет работавшего главным ветеринарным врачом в колхозе имени Героя Советского Союза Байсултанова Чегемского района Зафира Жантуева. Он, человек уважаемый, был ведущим специалистом республики. Когда он заговорил о развалившейся колхозно-совхозной системе, я спросил Зафира, знал ли он Хачетлова? «Мухамеда Хажретовича имеете в виду? – переспросил он. – Кто из животноводов не знал его, нашего железного министра?» – повторил он слова Архангельского. Зафир очень тепло отзывался о Мухамеде Хажретовиче. «С приходом Хачетлова в министерство, – продолжал он, – коренным образом изменилось отношение животноводов к труду, намного улучшились и условия тружеников ферм. Хачетлов был инициатором всего нового, передового опыта по повышению продуктивности животных, по выращиванию и сохранению поголовья скота. При нем республика стабильно добивалась высоких показателей и по растениеводству. Он был высоко уважаемым человеком для всех жителей Кабардино-Балкарии, трудно найти такого человека», – закончил разговор Зафир Жантуев.

Мухамед был несгибаемой воли, не любил мелочных придирок и опеки. С доверием относился к своим подчиненным и был требователен к себе и другим. Но я его видел и с другой стороны. Он почти не смеялся, улыбался редко, но своеобразно красиво. Когда улыбался, подтверждая искренность улыбки, по-особому горели карие глаза Мухамеда. Я всего

один раз видел его от души смеющимся. Это было в Прохладном. Перед началом уборки озимых культур, чтобы быстрее и без потерь завершить косовицу пшеницы, по рекомендации Хачетлова руководители хозяйств договорились между собой оказать друг другу помощь, то есть кто раньше управится с уборкой, тот посылает свои уборочные агрегаты в помощь неуспевающему колхозу. Таким образом договорились и руководители совхоза «Атрудский» и колхоза «Рассвет» Прохладненского района. Так как площади у алтудцев было меньше, они быстрее закончили уборку озимых культур, но своих комбайнов в колхоз «Рассвет» не послали. Причиной было, как потом выяснилось, то, что из колхоза «Рассвет» не прислали провожатых, а алтудцы не знали поля, где они должны были работать. По итогам уборочных работ в Доме культуры в Прохладном состоялось совещание хлеборобов. Совещание проводил Хачетлов. На нем поочередно отчитывались руководители хозяйств о проделанной работе. На трибуну вышел председатель колхоза «Рассвет» Портянко. После доклада о делах хозяйства он резко раскритиковал алтудцев за то, что не сдержали своего обещания.

Задетый критикой Портянко, секретарь парткома совхоза «Алтудский» Нану Сокуров попросил слова. Он тоже доложил собранию о том, что уборка и сдача хлеба государству завершены успешно. Затем, чтобы оправдаться, Сокуров обратился к сидящему в президиуме Портянко: «Товарищ Тряпко». Как только произнес Сокуров слово «Тряпко», по залу прокатился громкий смех. Смеялись все, Хачетлов не удержался и начал смеяться от души. А Сокуров, не замечая шум в зале, продолжал свое выступление, но его никто не слышал. Затем Мухамед прервал его и сказал: «Товарищ Сокуров, фамилия председателя колхоза «Рассвет» не Тряпко, а Портянко». – «Мухамед Хажретович, какая разница, Портянко тоже Тряпко», – оправдывался Сокуров. Смех еще громче разносился по залу. Попытки Мухамеда успокоить зал не увенчались успехом, и он вынужден был объявить перерыв.

Ранней весной в колхозе «Заветы Ленина» Прохладненского района проходил показательный республиканский семинар. Он был посвящен готовности сельскохозяйственной техники к весенне-полевым работам. После осмотра выставленных в ряд, хорошо покрашенных и промасленных агрегатов был объявлен перерыв. Мухамед мне говорит: «Пойдем, Хаути, я познакомлю тебя с моим другом. И с другого торца хозпостройки завел меня в колхозную кузницу. У горна стоял высокий, с усами, среднего возраста мужчина. И как только увидел нас, с поднятыми выше головы руками, со словами: «О-о-о, дорогой Мухамед приехал!» – побежал навстречу. Мухамед познакомил нас. Он оказался цыганом, и звали его Митя. Он ни на минуту не прекращал свою работу – что-то ковал, что-то вырезал. Пока мы разговаривали с ним, из стального диска сеялки вырезал и сковал тяпку, опустил ее в бочку с водой. «Расскажи Митя, – обратился к нему Мухамед, – о том, как тебе было, когда вступил в колхоз». – «В первые годы, – начал Митя, – так было мне трудно, так было плохо и тяжело, словами не передать», – и сделал длинную паузу. «А потом?» – спросил Мухамед. А Митя молчит. И когда Хачетлов настоял ответить,

как было потом, Митя начал неохотно: «А теперь, дорогой Мухамед, с каждым днем все хуже и хуже». Улыбаясь, Мухамед говорит ему: «Ты так не говори, Митя, если об этом напишет наш корреспондент, нас пошлют далеко от семьи». Тогда цыган тоже засмеялся и сказал, что пошутил. Когда уходили от него, цыган достал из бочки тяпку и, на память о нашей встрече, подарил ее мне. С тех пор прошло много времени, и до сих пор я бережно храню эту маленькую реликвию, и каждый раз, когда вижу или беру в руки, по-доброму вспоминаю крупного сельскохозяйственного руководителя Мухамеда Хачетлова и рядового цыгана-кузнеца Митю.

Мухамед Хачетлов прошел большой жизненный путь. Он принимал участие в зарождении, становлении колхозов, совхозов, МТС, их восстановлении в послевоенные годы, в укреплении экономики хозяйств, подъеме культурного, духовного и материального уровня жизни тружеников села. За годы руководства Хачетлова сельским хозяйством урожайность зерновых с каждого гектара возросла на 35 процентов, а план продажи зерна государству перевыполнен на 16 процентов по республике. Заслуги Хачетлова перед Родиной отмечены высокими государственными наградами и медалями ВДНХ СССР.

На знамени Кабардино-Балкарии сияют четыре высоких государственных награды – два ордена Ленина, ордена Октябрьской революции и Дружбы народов. И в каждом из них есть весомая заслуга Мухамеда Хажретовича. Он был требовательным к себе и подчиненным, трудолюбивым, вдумчивым при решении вопросов, принципиальным, бережливым и неутомимым в деле укрепления сельскохозяйственного производства. Всегда был целеустремленным, волевым и до конца отдал себя служению родной земле. Мухамед постоянно призывал сделать сегодня больше, чем вчера, а завтра больше и лучше, чем сегодня.

Я очень горжусь тем, что знал его и встречался с ним. Я, в раннем возрасте потерявший в Великую Отечественную войну отца, многому научился в жизни у Мухамеда Хачетлова и бесконечно благодарен Аллаху за то, что он свел меня с ним. Он оставил неизгладимый след в памяти тружеников села, был и останется примером для нынешних и грядущих поколений.

Всю полноту биографии крупного деятеля, незаурядного руководителя сельскохозяйственного производства Хачетлова невозможно уложить в несколько журнальных страниц. Мухамед Хажретович Хачетлов – выдающаяся личность. О нем надо писать отдельную книгу.

КУДАЕВ МАШТАЙ ХАМИДОВИЧ

Последняя книга Кудаева «Ущелье Чегем» в переводе Виктора Логвинова увидела свет в 1989 году, спустя год после смерти автора. В предисловии переводчик писал о его стихах: «Они – неторопливы, как восход и закат солнца, как набирание сил для цветения и роста цветка и целого леса...». «Ущелье Чегем» состоит из трех частей: «Прекрасен лик Балкарии моей», «Жаль мне в бурю каждый колосок», «Беду сменяет радость, зелень – снег». Все эти три условно разделенные поэтические главы объединяют мысли автора о родине, о природе, о верности традициям отцов.

Кудаев Маштай Хамидович (18.05. 1927, сел. Верхний Чегем Чегемского р-на – 14.10. 1988, сел. Чегем I Чегемского р-на КБР) – балкарский поэт.

После окончания восьми классов Кудаев учился в нальчикском педагогическом училище, там же вступил в комсомол; член КПСС с 1957 г. Первым учителем и наставником поэта был известный балкарский писатель Омар Этезов.

В 1944 г. Кудаеву пришлось испытать тяжелую долю изгнанника за пределами своей родины, Балкарии, голод, холод, нищету на чужбине: «И я узнал, как горек мед чужбины / Как черен там холодный белый снег...». В то же время Киргизия приняла его, как родного сына. Здесь он нашел свою вторую родину: «Ты подлинно душой велик / Нас принял, как родных детей / И с детства я считать привык / Киргизию Отчизною своею». Такое чувство поэта было обусловлено «киргизской добротой, киргизской честью». Именно в Киргизии Кудаев нашел свое призвание – начал писать стихи.

В 1963 г. во Фрунзе вышел первый сборник Кудаева на киргизском языке «Арноо» (Посвящение). Спустя два года издается вторая книга стихов поэта тоже на киргизском языке.

В Киргизии он пользовался большим авторитетом и уважением. В 1974 г. был награжден Почетной грамотой Верховного Совета Киргизской ССР за активное участие в пропаганде и развитии киргизской советской литературы и медалью «За доблестный труд». В Киргизии Кудаев прожил более 30 лет.

После реабилитации балкарского народа он не сразу вернулся на родину. Но, несмотря на удачно сложившуюся жизнь на чужбине, тоска по ней не покидает поэта, что ярко отразилось в очередном, третьем издании «Раздумья чабана» (1966) на русском языке. В него вошли новые стихи, баллады, легенды, поэма «Сафар и Ханафи» в авторизованных переводах с балкарского языка Юрия Смышляева и Анатолия Леднева.

В феврале 1965 г. Кудаева принимают в Союз писателей СССР. В 1968 г. он издает первую книгу на родном языке «Туугъан элим» (Родное село). Лирика поэта характеризуется изобилием тем: осмысление пройденного жизненного пути, обращение к подрастающему поколению с элементами нравовочения.

Лирика поэта обусловлена двумя периодами его жизни – годы, прожитые на чужбине, и возвращение на родину.

Поэзия Кудаева вписалась в общий поток родной литературы. А это значит, что он оставил после себя не только сборники стихов, но самые лучшие воспоминания о себе как о добром труженике, о певце земных будней.

*К юбилею большого человека и педагога***БАГОВ НИКОЛАЙ АЛИЕВИЧ**

Для педагогической общественности Кабардино-Балкарии имя Николая Алиевича Багова, которому исполнилось бы в этом году 85 лет, ассоциируется с большой личностью безграничной эрудиции, с глубоким пониманием проблем образования, тонким психологом и философом.

Кто хотя бы один раз в жизни имел возможность взаимодействовать с Николаем Алиевичем, считает или, по крайней мере, хочет считать себя его учеником. А такая возможность была у педагогов школ республики, так как Н. А. Багов стоял у истоков становления системы повышения квалификации учителей, работая с 1949 года и до конца своей жизни (1991 г.) в институте повышения квалификации учителей.

Мне и моим коллегам, в числе которых Жемухова Зоя Напитовна, Сохова Роза Умаровна, Хацукова Майя Мухамедовна, Бугова Майя Цоцевна, Матиенко Валентина Васильевна и другие, посчастливилось общаться с этим умнейшим человеком не только в рамках профессиональной тематики, но и по самым различным вопросам многогранной жизни человека. Удивляли, поражали, восхищали неисчерпаемый объем его знаний по самым различным направлениям науки, искусства, литературы, истории, человекознания, педагогической теории и практики. Общение с Николаем Алиевичем не только обогащало интеллектуально, но и способствовало выработке нового, более полного взгляда на различные явления природы, общества, взаимоотношений и др.

Хотя и родился Николай в Нижнем Куркужине – небольшом селении КБР, но по своей разносторонней компетентности ни на йоту не уступал тем, чья жизнь и деятельность связана с условиями крупных научных и культурных центров.

Николай Алиевич в 1958 году окончил физико-математический факультет Карачаево-Черкесского педагогического института. Работал учителем начальных классов в с. Заюково, а затем и директором Лашкутинской неполной средней школы. С 1949 года и до 1991 года работал в Кабардино-Балкарском институте повышения квалификации. Н. А. Багов участник Великой Отечественной войны. Он награжден многочисленными орденами и медалями. Автор ряда учебников, учебных и методических пособий, которые были так необходимы не только учащимся и учителям школ КБР, но и далеко за пределами республики. Его учебники, учебные и методические пособия по сей день являются самыми востребованными для обучения языку и литературе кабардинцев, которые живут не на своей исторической территории (Турция, Сирия, Иордания, США и др.).

В 1964 году Багову было присуждено звание «Заслуженный учитель КБАССР». Скромность, которая характеризовала его как профессионала,

как личность, явилась основанием его индифферентного отношения к наградам. О том, что он является автором большого числа книг, можно было узнать от кого угодно, но только не от него самого. Это его природная сдержанность, скромность, отзывчивость позволяли ему быть всегда там, где нужна его помощь, его совет, его органичное участие.

У Николая Алиевича много учеников и последователей. Он воспитал многочисленную плеяду единомышленников. Открыл для республики множество талантливых, высокого уровня профессионалов-педагогов, в числе которых известный не только в республике учитель Л. Т. Куготов, создавший собственную методику обучения языкам в начальной школе.

Николай Алиевич Багов, бесед с которым автор этих строк удостоился в конце 80-х – начале 90-х годов, был очень ярким, жадным к знаниям, к жизни и любознательным человеком. Ему был присущ конструктивный стиль мышления, а соответственно общения, в сочетании с огромным обаянием ума.

Биография Н. А. Багова, которая, к сожалению, не запечатлена ни одним автором (как это обычно и бывает) предстает передо мной, основываясь на личных беседах, в которых затрагивались и эти вопросы, одновременно типичной и исключительной. Типична в плане родился, учился, работал, а исключительна по направлениям векторов своих интересов.

Интересы Николая Алиевича настолько разносторонни, что, беседуя с ним, я, как профессионал в области психологии, чувствовала, что идет обмен мнениями с коллегой, но более высокого уровня.

А вот и некоторые отрывки, запечатлевшиеся в общении с ним. На мой вопрос о том, как он определяет методологическую базу в своих исследованиях, Николай Алиевич внимательно посмотрев, сказал, что исследовательские методы, методики имеют непременно свои исторические истоки, которые следует искать, в первую очередь, в духовной истории того народа, на восприятие которого направлена научная работа. И дальше продолжает рассуждать о том, что личность определена временем и местом, пребывая в историческом времени и пространстве, она обладает соответствующей ментальностью, разделяя не только конкретные представления, но и доминирующие в ее среде способы думать и чувствовать, воспринимать и оценивать не только конкретных людей, но и мир в целом. Ведь мы же сегодня говорим о ментальности средневекового рыцарства и т. д. То есть культурные инновации не возникают ниоткуда. Они являются неким ответом на духовный вызов эпохи, времени. Рефлексируя сказанное, приходишь к выводу, что, разделяя ментальность своей эпохи, Багов был убежден в необходимости максимально полно использовать достижения всех гуманитарных наук, а в особенности психологии, для осуществления не только методологических, но и социальных преобразований. Не случайно столько времени и сил Николай Алиевич отдал педагогике, которая вне связи с психологией мало что может.

Удалось Багову спрогнозировать также сегодняшние реалии, связанные с современными информационно-коммуникационными технологиями. Технологии, которые все активнее будут вторгаться в жизнь людей, поменяют не только формат культуры общения, но и его контент.

О сегодняшнем SMSочном стиле общения (да; нет; привет; пока; буду через минуту), охватившем почти все возрастные категории населения, но, конечно, молодежную и детскую аудиторию, в особенности, вне зависимости от гендерной и этнической принадлежности, говорилось Николаем Алиевчем еще тогда. Мы же являемся не только свидетелями, но и активными пользователями компьютеров, интернет-связи, мобильных телефонов, которые буквально вторгнувшись в жизнь всех и каждого, во многом изменили ее. С этими изменениями посчитались, сочли их неотвратимой реальностью, определившей другой вектор жизни: другой ритм, другой смысл, другое видение, другое мышление, другое понимание, другие ценности, другие ощущения, другие приоритеты.

Еще один момент, обусловленный взаимодействием с Баговым. Както в один из солнечных весенних дней я иду, припевая модную тогда песню Барыкина: «...Нарву цветов и подарю букет той девушке, которую люблю...». На что Николай Алиевич отреагировал вопросом: «А что за слова в этой песне?»

– Нарву цветов ...

– Подожди, подожди, как можно рвать эту красивую живую растительность? Это же жестоко? Они же хотят жить?

– Да это в песне так поется, – отпаривала я.

– А песня на чьи слова? Ведь с помощью таких слов мы и формируем у подрастающего поколения варварское отношение к живой природе. Умные книжки читать они не будут, а вот строчку из песни и запомнят сразу, да еще и в сопровождении хорошей музыки, она их зацепит, и будут реализовывать ее в жизни с удовольствием.

Разворачивание подобной философии никак не ожидалось, но уроком эта беседа послужила не только для меня. В последующем этот урок был своеобразно транслирован.

Содержания многочисленных бесед с Николаем Алиевчем можно было бы еще долго продолжать, но с некоторыми мыслями, взглядами, идеями сродняешься в такой мере, что они начинают казаться своими. И если бы в те годы, хотя бы гипотетически, можно было бы предполагать, что такой большой в прямом и переносном смысле человек может так нелепо уйти из жизни (попал под машину), пройдя все ужасы войны и оставшись живым, то можно было бы записывать каждое произносимое им слово, и оно было бы смыслонесущим. Ведь им была выстроена одновременно и самая уникальная, и в то же время самая общечеловеческая концепция жизни.

М. А. Мокаева, З. Н. Жемухова

Шора Ногмов, Исмаил Шогенов и позднее христианство в Кабарде

Относительно истории христианства на Северном Кавказе Ногмов пишет: «Христианская вера процветала в Кавказских горах, будучи поддерживаемая греческим духовенством, заменявшим убитых присылкою новых епископов и священников. От них произошли многие дворянские роды, которые говорят, что они происходят от шогеня Гирге или от шогеня Рум...

В подтверждение вышесказанного можно присовокупить еще следующие факты: уздень Исмаил Шогенов имел в своем доме рукописную книгу, которая принадлежала его предкам и переходила по наследству от отца к сыну в его семействе. Он был последний из умевших читать ее и скончался в 1830 году в глубокой старости».

Следы христианства в Кабарде отражаются не только в таких фамилиях, как Шогенов, Гергов, Карданов, Котепахов (Кхъуэтепыхъ), Кауфов (Кхъуэлуфэ), Канихов (Кхъуэныхъ) и др. К этому ряду можно отнести и имя Дугулубг (у Ногмова – *дугулюбх*), которое восходит к христианской троице.

Другой пример. Ногмов замечает: «Священник назывался *шогень*; епископ – *шехник*». Термин *шехник* сохранился в приводимой историком песне: «Шехник наш защитник и воспитатель, шехник наш свет». Можно предположить, что фамилия Шхануков искаженное *шехник* (шихъ ныхъуэ?).

Касаясь пережитков христианства у кабардинцев, Ногмов упоминает имя своего старшего современника Исмаила Шогенова. Тема «Шора Ногмов и Исмаил Шогенов» в исследовательской литературе не рассмотрена. Между тем, на наш взгляд, этот вопрос представляет немалый интерес в смысле понимания этапов становления мировоззрения Ногмова и, в некоторой степени, выяснения его родственных связей.

В ногмоведении нет сведений о родословной жены Ногмова. Известно лишь, что ее звали Салимат, а отца – Исмаил («Исмаилова дочь»). По традиции того времени фамилией Салимат могло бы служить имя отца – Исмаилова.

С некоторой долей вероятности можно допустить, что под отчеством Салимат скрывается тот самый уздень Исмаил Шогенов, и что он был тестем Шоры Ногмова. На такую мысль наводят приводимые Ногмовым подробности о Исмаиле Шогенове. Он знал и, надо думать, видел, что в доме Шогенова хранится рукописная книга – Евангелие, и что она пере-

дается по наследству от отца к сыну в семействе Шогенова, последнего из умевших читать ее.

Ногмов мог жениться на дочери Исмаила Шогенова по сословному принципу: его отец – Бекмурза и Шогенов были узденями и, возможно, знали друг друга.

Уздень Исмаил Шогенов, как отмечал Ногмов, умер в 1830 году. Конкретное его место жительства неизвестно. Однако можно сказать, что он некоторое время проживал в ауле Аджиева. По сведениям миссионера Гендерсона, новобрачная Ногмова в 1821 году находилась у своей матери, в ауле Хаджи-Кабак. Здесь же Гендерсон навестил Ногмова. Если верно наше предположение и Салимат Исмаиловна – дочь Исмаила Шогенова, то последний проживал в ауле Хаджи-Кабак.

Касааясь вероятных взаимосвязей Ногмова и Исмаила Шогенова, вполне допустимо, что Шогенов оказал определенное влияние на формирование мировоззрения раннего Ногмова и последующую его политическую ориентацию. Через Шогенова Ногмов, скорее всего, мог ознакомиться с христианским вероучением. Следовательно, познаниями основ христианства Ногмов прежде всего обязан своим соотечественникам, а не христианским миссионерам (Вильям Глен, Роберт Лайел и др.), которых он, как известно, удивлял своим знанием основных начал христианства.

Исмаил Шогенов, как указал Ногмов, умер в 1830 году. Конкретное его место жительства не обнаружено. Однако можно сказать, что свои последние годы он находился в ауле Кармова, обосновавшемся с 1828 года у Известнобродского поста, что на Малке, в окрестностях нынешнего поселка Прогресс. Пока нет оснований исключать, что уздень Исмаил Шогенов мог окончить свои дни в семье Ногмова.

В поддержку этого предположения отметим, что уздени Шогеновы проживали в ауле Кармова и после смерти Шоры Ногмова. В посемейном списке этого села за 1886 год указан уздень Шугенов Хажели Кажукович, которому шел 81 год. В период отмены крепостного права он отпустил на волю без выкупа двух крепостных крестьян: Исмаила – 2 лет и Асхада – 60 лет. Мужская линия узденей Шогеновых в данном населенном пункте пресеклась со смертью этого старца.

Муталип БЕППАЕВ,
поэт

Мастера балкарской словесности Керим и Кязим

Керим Отаров молод, талантлив, часто печатается. Его почитают, любят, обожают в народе. Он в течение нескольких лет возглавляет писательский Союз республики. Поэт частый гость изб-читален отдаленных балкарских аулов, но больше всего почитает бывать в Шики у знаменитого кузнеца.

Отаров первым из всех литераторов той нелёгкой поры почувствовал, осознал, понял, какое огромное, знаковое значение имеет для только что зарождающейся балкарской литературы стихотворец из Хуламо-Безенгиевского ущелья Кязим Мечиев.

Руководитель писательской организации делает всё от него зависящее, чтобы хоть как-то облегчить жизнь народного ашуга. Отныне за ним персонально закреп-

плён писарь Аскар Додуев, который записывает в отдельную тетрадь все новые произведения седобородого мастера.

По ходатайству Керима, Кязим Мечиев более месяца живёт в гостинице «Нальчик». Его частыми гостями в это время были Керим Отаров и Кайсын Кулиев. Он же помог ему издать первый сборник стихов. А следом, в торжественной обстановке, вручил Кязиму удостоверение члена Союза писателей СССР.

В то время заниматься такими делами было архисложно. Мы к тому же не должны забывать и о происках недоброжелателей, злопыхателей, которые неустанно продолжали писать в разные инстанции о нелояльности Кязима к Советской власти. О том, что он, дескать, несколько раз, вместе с паломниками, посетил святые места Саудовской Аравии, дабы совершить хадж. И что многие его стихи исламического, коранического толка.

Однако Отаров оградил своего учителя от всех этих клеветнических наветов и нападок. И, думается, если б не он, мы сегодня не досчитались бы многих шедевров балкарской словесности, которые вышли из-под пера шикинского аксакала.

Об этих сложных временах пишет в своем стихотворении «Ответ Кязима» Керим и сам:

*«За праведность, за счастье нужно впрёдь корпеть.
Будь стоек! Мужеству без этого не спеть.
Неправый – в лай, как пёс, спешит нас оболгать –
Терпи! Народ сам отличит: кто чем богат...»*

*Учило горцев время думать озорно:
Уметь, чтоб отличить от плевел всем зерно! –
Таков ответ Кязима в давние года:
«От лжи нам, сплетен, как спастись?» – спросил когда.*

Сыновнюю, сердечную преданность к своему учителю он пронёс через кровавые будни самой страшной войны XX века, сквозь все лишения и беды 13-летних хождений по мукам со своим народом.

После возвращения на Кавказ он обуреваем единственным желанием – вернуть останки патриарха родной словесности на священную землю предков. С этой мечтой он едет в Казахстан (Талды-Курганская область, колхоз имени Тельмана), где в 1945 году скончался Кязим.

Однако случилось непредвиденное: родственники и односельчане почему-то воспротивились его замыслам. Они объяснили это тем, что рядом с их почитаемым всеми горцами земляком закончили свой жизненный путь в ссылке и покоятся его супруга, родные, близкие, многие односельчане. Усопшие, даже на том свете, если унесут отсюда и похоронят на родине останки только одного хаджи, почувствуют себя осиротевшими. И просили, особенно женщины, плача и стеноя, чтобы он и в дальнейшем ни в коем случае не настаивал о его перезахоронении...

Когда Керим Сарамурзаевич почувствовал, что все его просьбы, доводы, увещевания о переносе праха на Родину, не возымели на присутствующих должного действия... он обещал исполнить их просьбу, но только с одной предварительной оговоркой:

– На безбрежных, бескрайних просторах казахской степи, где песчаные бури так часты, можно очень быстро потерять могилу патриарха балкарской литературы. А чтобы это не случилось, конечно же, необходимо особым образом отметить место захоронения, дабы наши потомки в любое время могли приехать, поклониться останкам гениального горца!..

И если сегодня прах Кязима Мечиева нашёл свой вечный упокой на земле обетованной, думается, в этом огромная, неоченимая заслуга великого ученика, мыслителя из Шики – Керима Отарова. А теперь – портрет Кязима, написанный мастером из Гирхожана:

*Из Шики, как будто все мечты свершив,
К нам спешит Кязим, на посох оперишись.
Длинен путь, подаренный ему судьбой:
Счастья, горя все години – чередой...*

*Для пророка, коль Балкарией пылал,
Жизнь, как он пришёл, безоблачной была ль?..
Он идёт, всё всматриваясь в этот мир,
Думами светясь, земли родной – кумир!*

Керим и депортация

Запомнились, зарубцевались в памяти слова моей матери о депортации, которая их часто повторяла: «Я там, в Азии, даже умереть не имела никакого морального права... Ибо с моим уходом из жизни, за мной вослед, в мир иной был уготован путь и всем, без исключения, домочадцам, ближайшим родственникам... – Потом, чуть погодя, ещё добавляла: – Теперь же я совсем не боюсь смерти, так как мне уготованы только райские кущи на том свете. А ад крошечный нам всем уже довелось испытать, пережить во время депортации в Среднюю Азию и Казахстан»...

В произведениях, написанных во время высылки, поэт немногословен, лаконичен. Его стихи, словно открытые раны, кровоточащие язвы: кричат, вопиют о безжалостном беспределе властей того времени над ссыльными горцами. Эти удивительные строки одновременно являются отличительными документами той страшной эпохи, когда жизнь человека, благополучие целых народов ни во что не ставились:

*Сыновья и внуки пали на войне,
Защищая от врагов свой отчий край.
Беспощаден рок к её народу, к ней,
Промыча им: «Враг!» – Меняя в Ад их Рай,*

*Как могильный камень, бабушка одна,
Во дворе мазанки всё сидит, молчит...
Крик и боль в глазах: погибла вся родня:
Смерть, как милость, ей у Бога б вымолить!..*

Или другое стихотворение, «Балкарец и комендант». В нём автор рисует безжалостного солдафона, наделённого большими полномочиями и властью, которому сострадание, добрые дела, светлые помысли совершенно чужды:

*Сквозь препоны, смрад, он к коменданту – в Кант:
– Одинока, при смерти, там, в Оше, мать!..
Дайте пропуск, чтоб успеть мне на вокзал!
– Через месяц... позже! – комендант сказал.*

*Всё тянулось дело: «Мать нельзя ль спасти?.. –
Вновь пришёл балкарец. – Вот уж год почти!..
– Что, ещё она не померла? А жаль!..
Комендант, схватившись за живот, заржал.*

Керим Отаров, бесспорно, является одним из самых ярких поэтов Северного Кавказа, перу которого принадлежат удивительные стихи, поэмы, посвященные трагическому быту, жизни безвинно депортированных балкарцев, чеченцев, карачаевцев, ингушей, калмыков.

«Корова чеченца» – это одно из трагических произведений Керима Отарова:

*Чеченец в Азии корову пас.
Та, невзначай, шагнула за канал...
Старик: «Вернись! Ты можешь там пропасть!
О, не губи детей!..» – и застонал.*

*Зачем застыл старик, а рядом Кант?
Зачем чужой им берег – тот, второй?
И почему другой там комендант? –
Откуда знать, корове глупой той.*

*Заволновался, ёрзая, старик,
Рванул!.. Трясин нет здешних гибельней...
За переход границы фронтовик
Стал арестантом на пятнадцать дней...*

Керим сумел поднять в своем произведении такие проблемы, такие пласты, что у читателей, особенно у бывших ссыльных, от хлынувших чувств, слёзы наворачиваются на глаза. Ибо поэт своим мастерством, как бы отправляет, перебрасывает нас в те страшные времена исхода целых народов, когда из ни в чём не повинных людей, подвергшихся страшной высылке, больше половины полегли костями на чужбине. Отаровские стихи – монологи о тех, кто у последней, гибельной черты продолжает оставаться самим собой, не теряя своё мужское достоинство:

*У гибельной, смертельной вдруг черты,
Коль спросят: «Ну, скажи, что хочешь ты?» –
«Увидеть бы разок, родимый край!» –
Я попрошу, как будто Божий рай.*

*Точь матери лицо, земли святой
Тот лик – в могилу бы унёс с собой!
Препоны смерти все прервав тогда,
Я б жил с землей родимой навсегда!*

Можно с уверенностью сказать, что до Керима Сарамурзаевича Отарова мир ещё не знал таких произведений о страшной поре, когда целые народы с корнем были вырваны с обжитых мест, раздавлены, расщеплены, разъяты, разбросаны по всей Средней Азии и Казахстану. Это что-то наподобие «Бедствия войны» и «Капричос» Франциско Гойи, «Герники» Пабло Пикассо одновременно. Но сотворённый с помощью красок образного, праведного слова в стихах.

Данте Алигьери, чтобы показать порочность человеческой сущности, пришлось, мысленно, самому спуститься в придуманный им же самим, воображаемый, мнимый Ад в поэме-трилогии «Божественная комедия».

Ад же земной, но не придуманный, а сотворённый сталино-бериевской кровавой кликой, запечатлел в своих удивительных балладах-исповедях крупнейший поэт Балкарии и Карачая Керим Отаров:

*Ложь народы гонит из родных дворов,
Как предателей, изгоев, как воров!..*

*Тучи черные висят – бед оттиски!
Утро в Ад пришло, в могильный склеп – в тиски!..*

Керим и Родина

В лирических произведениях Керима Отарова – величайшая любовь, сыновняя тяга, безмерная преданность своей сказочной, легендарной Родине, великому исполину гор кавказских – Эльбрусу.

Многие его стихи, баллады, поэмы – это гимн многострадальной, мужественной, гордой и прекрасной Балкарии.

Мне порой кажется, что дух подлинной поэзии спустился к нам на землю вместе с выкраденным у Богов Олимпа огнём. Огромный, исполинский орёл за это, по велению могучего Зевса, расклёвывал стальным клювом грудь и печень прикованного к скале на Кавказе Богоборца.

Капли крови и частички живой плоти Прометея, соединяясь с искорками, языками пламени, обновляясь, вновь разгораясь, превращались в крупички, зёрна, чудодейственные семена... Из коих впоследствии, со временем, родились пророки, прорицатели, творцы, великие поэты. Одним из них, по моему глубокому убеждению, является и Керим Сарамурзаевич Отаров.

Направленность мысленной аурой и добрыми помыслами, доверительность и вера в светлые идеалы, непоколебимая нацеленность к решению труднейших проблем! Вот чем жил великий поэт, когда слагал свои стихи. А они, его произведения, продолжают удивлять и радовать читателей своей жизнеутверждающей силой и сегодня:

*Я во сне в дороге Солнце повстречал.
«Добрый путь!» – Ему, довольный, прокричал.
– Счастлив будь! Во мне усталость видя вдруг, –
Отдыхай! – сказало, – Не спеши, мой друг!*

Слева направо: гость из Москвы, Керим Отаров, Зубер Тхагазитов, Валентин Кузьмин

- *Никогда не знаешь отдыха ведь ты?!*
- *Хочешь вместе отдохнем – в том нет беды!?*
- *Будь!.. – я молвил. – Времени нет отдыху!*
- *Как?!..*
- *Душа в пути – к Кавказу, к воздуху!*

Читая произведения Керима Отарова, невольно приходишь к мысли, что творения великих поэтов, отрываясь от рук создателя, начинают свою собственную, только им самим ведомую жизнь.

Эта жизнь, по всей вероятности, зачинается в неведомой нами ещё плоскости. А все эти шедевры, сотворенные в разные эпохи и века, друг с другом тесно связаны неуловимыми нитями. И как бы подсознательно, без нашего участия, сами по себе, доходят до каждого читателя, зрителя, слушателя...

*Поразила мать цыганка ворожбой:
– Проживёшь без родины сто лет, родной!
Сердце ранено – там боль так велика,
Будто в миг один – пронзила сталь клинка!..*

*Дочь цыганки: «Завтра... Только не скорбеть,
На Кавказ вернешься – там, чтоб умереть!..»
Рана, боль, беда – ушли прочь, семена:
В мире нет – сейчас – счастливее меня!*

Чеканность, отточенность каждого слова, филигранность огранки строки и рифмы, объемная многоплановость образа, глубинность и в то же время лёгкая воздушность движения мысли, без какой-либо вычурной нарочитости. Простота, доходчивость письма и удивляет, и завораживает, каким-то сверхъестественным колдовством, молитвенностью, магией.

Стихи Керима Отарова обладают удивительной аурой света и жизненности, как будто они имеют осязаемую, чувствуемую нами собственную плоть и кровь, чтобы быть отныне рядом с его потомками. Чтобы в дальнейшем сопровождать нас, своих читателей, по жизни, оказывая в трудные минуты поддержку и помощь.

До таких высот в поэзии, безусловно, мог прийти только подлинный мастер, маг, чародей слова, мастер и многострадальный пророк, создатель и творец удивительных миров, которые никогда отныне не дадут своему читателю пасть духом, потерять веру в справедливость, веру в человеческую честь.

Ибо высшие нравственные горские, нартские идеалы жили, были с Керимом Отаровым, помогая ему превозмочь, одолеть все невзгоды и беды. Думается, не за горами то время, когда произведения великого поэта станут повелителями дум и чаяний родного, им так безмерно любимого народа.

Нам нужно сделать многое, чтобы воздать по заслугам автору вечной арии любви, мастеру нашей словесности, гениальному мыслителю Балкарии, Кавказа, России!

Хаджи-Мурат САБАНЧИЕВ

Эхо 42-го никогда не затихнет в Кабардино-Балкарии

Летом 1942 г. немецкая армия возобновила наступление, одной из задач которого было овладение Кавказом и Закавказьем. В южном направлении немецкое наступление началось 28 июня. Оно носило исключительно ожесточенный характер. Общая цель операции состояла в том, чтобы захватить богатые нефтеносные и хлебородные районы Юга России. 1 июня 1942 г. в Полтаве, на совещании в штабе группы армий «Юг», Гитлер заявил: «Моя основная цель – занять область Кавказа, возможно основательно разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен прекратить войну».

Военно-политическое руководство Германии в своих планах завоевания СССР особое место уделяло Кавказу. Был разработан специальный план «Эдельвейс», по которому немецкое командование после захвата Кавказа должно было организовать «Рейхкомиссариат Кавказ», охвативший территории от левого берега Волги и побережья Дона до иранской и турецкой границ СССР. Площадь насчитывала 500 тыс. кв. км, а население 18 млн. чел. По немецким планам, этот рейхкомиссариат делился, в свою очередь, на 7 комиссариатов, а именно: Грузию, Азербайджан, Горный район (Дагестан, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Карачаево-Черкесия) и т. д. Резиденцию рейхкомиссариата предполагалось обосновать в Тбилиси. Все это было направлено на достижение единственной цели – установление на Кавказе долговременного господства.

Свои подлинные планы в отношении Кавказа гитлеровская Германия пыталась скрывать при помощи демагогии и пропаганды. Летом 1942 г. германское командование издало ряд распоряжений и инструкций по общению немцев с нерусским населением Кавказа. В одном из приказов командования группы армий «Юг» предписывалось следующее:

- Уважать собственность горских народов. Изъятия проводить только за плату.
- Все мероприятия, обусловленные войной и касающиеся горцев, следует обосновывать.
- Уважать честь кавказских женщин.

Следует подчеркнуть, что эти обещания и уступки были продиктованы чисто тактическими расчетами, и только.

Никакими обещаниями нацистам не удалось склонить на свою сторону кавказские народы, они остались верными отчизне – патриотами родного края и России. Об этом свидетельствует и период непосредственных боевых действий на территории Кабардино-Балкарии, начавшийся в августе 1942 г.

7 августа 1942 г. на территории Кабардино-Балкарии вводится военное положение. В соответствии с решением Нальчикского комитета обороны для укрепления оборонительного рубежа по Баксану – Малке и Тереку, более 40 тыс. наших земляков вышли на строительство оборонительных сооружений полевого типа. Было подготовлено около 50 км траншей, противотанковых рвов и несколько десятков долговременных огневых точек. В районе Солдатская – Прохладный был сооружен мощный противотанковый рубеж со сложной системой огневых точек. В основных ущельях, ведущих к перевалам Главного Кавказского хребта, силами местного населения, личным составом 1574-го саперного батальона под техническим руководством специалистов 116-го инженерного батальона были сооружены армейские оборонительные рубежи. Всего в полосе боевых действий 37-й армии, оборонявшей республику, было сооружено 23 оборонительных узла сопротивления. Благодаря их наличию 37-ая армия в течение почти трех месяцев держала активную оборону на участке в 120 км.

С приближением немцев в республике началась работа по эвакуации промышленного оборудования, скота и населения. Из 66 наиболее крупных предприятий республики было эвакуировано 15. Из Тырнауза альпинисты вместе с местным населением через высокогорный перевал Бечо эвакуировали 1500 чел. работников горно-обогатительного комбината и членов их семей. Во время этого перехода было перевезено и некоторое ценное оборудование. Несколько раньше, в Баксанское ущелье было согнано с Нагорных и Зольских пастбищ более 118 тыс. голов скота, из которых более 70 тыс. голов было перегнано через перевал Донгуз-орун в Закавказье.

13 августа 1942 г. боевые действия начались на территории Кабардино-Балкарии. На прорыв оборонительных рубежей по Малке, Баксану и Тереку захватчики бросили две танковые дивизии, большое количество пехотных, военно-воздушных и др. частей. Ожесточенность боев, натиск немцев на направлениях Нальчик, Майский, Прохладный и Моздок определялся директивой Вермахта прорваться к нефтяным районам Грозного и Баку в течение 1942 г. Ареной жестоких боев стали селения Кызбурун I, Заюково, Кёндеден, где враг пытался развить наступление на Нальчик, а также вверх по Баксанскому ущелью к Тырнаузскому вольфрамомолибденовому комбинату и к перевалам Главного Кавказского хребта. Выйдя к рубежам рек Баксан и Кёндеден, противник 15 августа пытался прорвать оборону на Нальчикском направлении. Однако успеха он не имел, немцы были остановлены на рубеже рек Баксан и Терек, где бои приняли позиционный характер. Фашистское командование решило произвести перегруппировку сил и направило их на Моздок. Продолжительное, незатухающее сражение разгорелось по всему оборонительному рубежу.

К покорению Кавказа фашисты готовились давно и основательно. Специально обученные части из дивизии «Эдельвейс» заблаговременно прошли горную подготовку, имели соответствующее снаряжение для ведения боевых действий в горах. Многие из них еще до войны побывали в Кабардино-Балкарии в качестве туристов и альпинистов, а на их подробных картах были отмечены даже козы тропы. 15 августа 1942 г. специальный отряд капитана Грота из дивизии «Эдельвейс» с секретным

заданием двинулся к склонам Эльбруса. При капитане находились два полотнища с фашистской свастикой, освященных на специальной церемонии в ставке фюрера. 21 августа отряд Грота установил черно-красные нацистские штандарты на вершинах Эльбруса. Это был политический успех, но военного успеха в горах Кавказа фашисты не имели.

Осенью 1942 г. началось Малгобекская оборонительная операция. 20 сентября противник перешел в наступление, нанося удар из района Нижнего Курпа на Верхний Акбаш и Плановское. К исходу 24 сентября немцам удалось захватить плацдарм на левом берегу р. Терек в районе Пришибской, Майского и Котляревской. Одновременно с Малгобекской операцией проходила оборона перевалов. Несмотря на большие потери, немецкое командование не отказалось от захвата перевалов Главного Кавказского хребта в районе Эльбруса. В ходе ожесточенных боев в сентябре-октябре 1942 г. советским войскам удалось организовать прочную оборону в районе перевалов. Наступление врага через перевалы Главного Кавказского хребта было сорвано.

25 октября 1942 г. противник перешел в наступление на участке Баксан – Кызбурун III, с чего началось Нальчикская оборонительная операция. Ударами с земли и воздуха противник пытался подавить оборону 37-й армии. В течение трех дней на защитников Нальчика обрушилась мощь 70 вражеских бомбардировщиков, 270 танков. Не имея авиации, танков, артиллерии, части 37-й армии под давлением противника отошли к Нальчику. Гитлеровцы овладели селениями Яникой и Шалушка и вышли на юго-западную окраину Нальчика. Вечером 28 октября части 37-й армии оставили Нальчик, уничтожив за время боев более 1 500 гитлеровцев и 28 танков.

30 октября противник возобновил атаки против разрозненных частей 37-й армии. В течение дня он неоднократно атаковал оборону наших войск вдоль дороги Нальчик – Хасанья – Герпегеж. Советские войска вынуждены были отойти на оборонительный рубеж по линии Издара – Бабугент – Голубое озеро – Ташлы-Тала – верховье р. Урух. Ожесточенные бои продолжались в Чегемском и Баксанском ущельях. Потрепанные в боях подразделения 37-й армии отходили к естественным рубежам обороны, которыми являлись кавказские горы. Гористо-лесистые местности оказались спасительными для войск, враг лишился здесь преимущества в авиации, танках и артиллерии.

В течение почти трех месяцев шли оборонительные бои против немецко-фашистских захватчиков на территории Кабардино-Балкарии, явившиеся важным звеном в срыве планов фашистов на кавказском направлении. Лишь в конце октября – начале ноября им удалось продвинуться в предгорья Кавказа. За исключением с. Ташлы-Тала и высокогорных районов вся Кабардино-Балкария была захвачена врагом.

8,5 тыс. воинов 37-й армии отдали свою жизнь в боях за Кабардино-Балкарию. За мужество и отвагу, проявленные в боях за Кабардино-Балкарию, звания Героя Советского Союза были удостоены В. Канкава, А. Пирмисашвили и В. Лурсманишвили. За героический вклад в оборону Кавказа город Нальчик в 1987 г. награжден орденом Отечественной войны I степени. 25 марта 2010 г. Президент РФ подписал указ о присвоении звания «Город воинской славы» столице КБР.

В процессе оккупации территории Кабардино-Балкарии гитлеровцы активно разыгрывали религиозную карту. Началось возрождение закрытых большевиками мечетей, стали отмечаться мусульманские праздники. Нацисты на Кавказе изображали себя «истинными друзьями ислама», Гитлер был провозглашен «великим имамом» Кавказа, а командующий 1-й танковой армией генерал Э. Макензен принял эту религию и посещал мечеть в Нальчике. Творцы «нового порядка» преподносили свою политику на Кавказе как «соответствующую интересам самих кавказских народов». Этими способами немцы пытались расширить социальную базу своих сторонников в Кабардино-Балкарии.

С введением оккупационного режима на территории республики были ликвидированы советские органы власти, все полномочия передавались образованным захватчиками комендатурам. Для закрепления «нового порядка» гитлеровцы в Кабардино-Балкарии создали марионеточное правительство. В функции правительства входило проведение в жизнь на оккупированной территории фашистского «нового порядка».

На захваченной территории Кабардино-Балкарии, как и повсюду, где установилась оккупационная власть, происходили события одного порядка: массовые аресты и расстрелы, эксплуатация местных человеческих и материальных ресурсов, вывоз населения на работы в рейх, ликвидация учреждений науки и культуры. Вопреки демагогическим заявлениям немецко-фашистские захватчики установили здесь режим кровавого террора и насилия, особенно бесчинствовал батальон «Бергман» («Горец») во главе с Оберлендером. Здесь он сформировал национальный легион в составе трех кавалерийских эскадронов. По приказу Оберлендера они уничтожали мирных граждан и военнопленных, участвовали в боях против частей Красной Армии. Фашисты не жалели ни женщин, ни стариков, ни детей. За период оккупации фашисты расстреляли в сел Кызбурун 152 жителя, в Нижнем Чегеме – 50 чел., в Кёнделене – 41 чел. Оккупанты уничтожали целые семьи. Была расстреляна семья колхозника Мазана Муллаева, состоявшая из 5 чел. Из фамилии Хуламхановых расстреляли 11 чел. Гитлеровцы расстреляли жену красноармейца Шаулова и его пятерых детей в возрасте от 5 месяцев до 11 лет. В противотанковом рву под Нальчиком было убито и захоронено 600 чел. Немецкие врачи производили антигуманные медицинские эксперименты на военнопленных. Всего за время оккупации фашисты уничтожили 4241 чел., в том числе 2053 военнопленных.

В Кабардино-Балкарии с полной силой мародерствовали фашисты. Были вывезены из республики 32 439 сельхозмашин и орудий. Фашисты угнали и уничтожили до 75% поголовья крупного рогатого скота, до 88% овец и коз, истребили полностью общественное поголовье свиней и домашней птицы.

Сталинградская битва, ставшая поворотной в ходе всей войны, повлекла за собой коренной перелом в ходе боевых действий на Кавказе. 22 декабря войска Закавказского фронта перешли в наступление. Оккупанты, неся большие потери, вынуждены были отступать. 11 января 1943 г. территория республики полностью была освобождена от немецких захватчиков. Вскоре после этого альпинисты поднялись на вершину Эльбруса, сбросили оттуда фашистские штандарты и водрузили Государственный флаг СССР.

Салих ЭФЕНДИЕВ,
профессор КБГУ

Мухадин Кишев – художник с мировым именем

**Мухадин Кишев с женой
Жаклин Мосс**

Испания – один из древних центров европейской культуры. У этой страны богатейшие традиции в изобразительном искусстве. В средние века в Испании, в городе Кордове (Андалузия), жили великие испано-арабские мыслители Ибн Баджа, Ибн Туфайль, Ибн Рушд, которые внесли большой вклад в развитие философской мысли человечества. Также испанские художники внесли огромный вклад в мировую худо-

жественную культуру, одарив ее гениальными произведениями в области поэзии, драматургии, живописи, архитектуры.

Мухадин Кишев глубоко проникся ценностями и вечными идеалами испанской культуры, а его творчество отразило неординарное понимание автором всех достижений испанского изобразительного искусства. Испания, благодатная и великая страна Европы, Родина Мигеля де Сервантеса и Гарсиа Лорки, Сальвадора Дали – выдающегося художника-реформатора, основоположника нового художественного направления – сюрреализма. Вся его жизнь, бурная, наполненная необычайными событиями, имела одну неповторимую Музу, которая не давала ему покоя и всегда толкала на освоение новых горизонтов самораскрытия. В ней он находил и дух жизни, и настоящее олицетворение метафизики гармонии человеческого и божественного. Это была Гала, обыкновенная русская женщина Елена Дьяконова, супруга, друг, вдохновительница Мастера, прожившая с ним несколько десятков удивительных лет. Как Гала для Дали, для Мухадина Кишева Жаклин – это неповторимая Муза, освещающая своим светом и деяниями его творческие проекты и замыслы.

Родина Мухадина Кишева – Второй Чегем. Мы должны всегда помнить и гордиться тем, что чегемская земля дала миру великих людей, таких, как Алим Кешоков, Кайсын Кулиев, Мухадин Кишев. Появление этих выдающихся людей связано с горами. Горы для них являются национальными символами. Они имеют для них притягательную силу и вдохновляют на творческую работу. Это связано с тектоникой – в недрах гор таится огромная энергия, которая оказывает большое воздействие на мировосприятие и мировидение людей творческого направления.

Свидетельством мирового признания творчества М. Кишева являются

ся многочисленные выставки в Москве, Нальчике, Лондоне, Андалузии и т. д., а также его высокие титулы. Мухадин Кишев – народный художник КБР, член-корреспондент Российской академии художеств, член Европейской академии художеств (Бельгия), академик в области искусств Международной Академии

Мечеть в Кордове. Испания

наук, технологии, образования и гуманитарных наук (Валенсия, Испания), почетный академик АМАН. Отметим, что множество картин выдающегося художника находится в частных коллекциях по всему миру. У него есть мастерские в Мадриде, Лондоне, Москве, Нальчике, где он работает.

В его картинах мы чувствуем красоту природы, гармонии и тишины. Творчество Кишева высоко оценили известные отечественные и зарубежные художники. Так, Михаил Шемякин писал: «Творчество Мухадина Кишева прежде всего покоряет меня постоянным и напряженным поиском новых форм и воплощением современного видения художника XXI века». А Виктор Ванслов говорил: «Творчество живописца Мухадина Кишева получило международное признание, он стал известным художником, потому что талантлив и обладает собственным неповторимым творческим лицом, оригинальным индивидуальным стилем. Он откликается на глобальные события современного мира, на его трагедии и боли, пристально вглядывается в людей различных национальностей, но также создает произведения лирического характера, воспевающие гармонию красоты». Высоко оценила Эмма Будагян творчество Кишева: «В его творчестве царит одухотворенность самой художественной формы, когда краска на холсте превращается в живую одушевленную материю, существующую по своим собственным законам. Этому способствует Дух маэстро, его Воля, Мысль и Любовь! Он доказал, что и живопись не имеет ни начала, ни конца. Это как звездное небо над головой».

Мухадин Кишев щедро делится своим творческим опытом с другими, у него нет малейшей зависти. Он не боится, что кто-то его превзойдет. «Художнику, – говорит он, – не надо скрывать тайны своего творчества, всегда нужно представить их другим, чтобы они стали сильнее тебя, и тогда ты снова поучишься у них». Это поучительный нравственный пример высокой культуры.

Зухра ГУЛИЕВА,
аспирант КБГУ

Женский образ в карачаево-балкарском фольклоре

Известно, что народные сказки, пословицы, поговорки, песни связаны, прежде всего, с особенностями национально-культурного мировосприятия того или иного этноса, через которое отражается взгляд на окружающую действительность, получают оценку слова, поступки, взаимоотношения людей. В них наблюдаются различные жизненные ситуации, фиксируется судьба народа. Устно-поэтическое творчество – универсальный лингвокультурный способ мышления, унаследованный от предыдущих поколений и соединивший практические знания и умения, свод правил этикета, обычаев, традиций. Следовательно, фольклор, как исток современной культуры и литературы, является ценной областью исследования этноспецифических характеристик, свойственных современному обществу.

Изучение фольклора позволяет констатировать, что в мифологической и обрядовой поэзии, сказках, легендах, песнях, загадках, пословицах, поговорках и т. д. находят отражение все грани жизни народа; описывается быт, присутствуют объяснения различных природных явлений, говорится о зарождении традиций и обычаев, а также вероисповедании. Иными словами, фольклорное творчество есть эмоционально-экспрессивная народная оценка событий, явлений, поступков и т.д. Опираясь на художественные тексты фольклора, попытаемся составить представление о женщине на материале таких разделов устного народного творчества балкарцев и карачаевцев, как языческая поэзия, заговоры, охотничья поэзия, семейно-обрядовая поэзия, сказки, предания, поверья и др.

Миф эм адет-тёре поэзия (мифологическая и обрядовая поэзия) включает в себя магические песни, заговоры, языческую, охотничью, обрядовую, календарно-обрядовую поэзию. В данном разделе, по интересующему нас вопросу, подчеркивается роль и место в жизни карачаево-балкарского народа женщин, которых называют *кьуртха* или *билгич кьатын* (ведуньи, вещуньи). Это, как правило, женщины, имеющие жизненный, духовно-практический опыт. Без них не обходится ни один этап человеческой жизни. Вещуньи знают и применяют заговоры от сглаза, от болезней, при рождении ребенка, при первом пеленании в люльку; облегчают боль, а также страдания умирающих; вызывают дожди, отводят ветры, заговаривают стада от нападения хищников.

Эл кьуртхасы, кьолуна сюлесин аякьны алыт, былай айтханды. –

Вещунья села, взяв в руку ногу рыси, так сказала.

Наряду с этим, в фольклорных произведениях упоминается о способности женщин заговаривать, например, ткань перед завром. Чтобы ткань не порвалась во время шитья, при заворе женщины поглаживали ее руками. Или же когда ставили тесто, женщины читали заговор про себя и, пока оно доходит, не разрешали громко разговаривать домочадцам.

В охотничьей поэзии рассказывается о дочери языческого бога охоты Апсаты, девушке по имени Байдымат. Девушка обладает красивым голосом, и, когда начинает петь, стада горных туров собираются возле нее и слушают. Красавица Байдымат управляет пастухами, выхаживает раненых туров и наказывает охотников, насылая на них удары молнии. В одном из сказаний Байдымат принимает облик белого трехногого марала с золотыми рогами с целью заманить в западню опытного охотника Бийнёгера, который попал в немилость к ее отцу Апсаты. Когда Бийнёгер в очередной раз вышел на охоту, чтобы добыть молоко белой оленицы, необходимое для исцеления брата Омара, Байдымат заговорила его так, что он остался прикованным к скалам:

*Батыр уучу бий Бийнёгер сен эсенг,
Апсатыны кызы ариу Байдымат мен эсем...
Сен мени кыуугъанынгы уа кыоймадынг,
Не ашадынг эсенг да, эгизбизден тоймадынг.*

Гёгерегинг сени туман болсун, чаре болсун,

*Къарындашынг Омара а ол ит арурудан
сау болсун..*

*Если ты храбрый охотник Бийнёгер.
Я дочь Апсаты красавица Байдымат...
Ты не перестал меня преследовать,
Сколько ни кушал, нашим мясом
не наелся.*

*Пусть туман тебя окутает,
мгла окутает,
А твой брат Омар от собачьей
болезни пусть исцелится.*

Совершенно очевидно, что в архетипическом образе Байдымат воплощена идея экологического просвещения народа, предотвращения «необъявленной войны» природе, бездумного варварского отношения к флоре и фауне.

Семейная и обрядовая поэзия карачаево-балкарского народа в основном посвящена свадебным обрядам, где центральной фигурой выступает невеста, т. к. ее образ аккумулирует в себе традиционные основные жизненные установки. С невестой связываются надежды на будущее, т. к. женщина считается мудрой советчицей, хранительницей семейного очага, достатка в доме, тепла, уюта, спокойствия. Хорошая сноха становится дочерью родителям жениха, и верной помощницей мужу, а детям ласковой матерью. Поэтому вопрос в выборе невесты имел большое значение, поскольку от этого зависело благополучие семьи.

*Келген келин, кел, кел,
Тейринг сени сакъласын,
Жууукъ, ахлунг жокъласын.
Тейринг сени юйлесин,
Мирзеу кибик юйресин.*

*Новая невестка, заходи, заходи,
Твой Тейри пусть тебя хранит,
Близкие, родственники пусть навецают, не забывают.
Твой Тейри пусть тебе семью создать поможет,
Как зерно приумножит.*

В стихах этого жанра воспеваются не только благородство невесты и связанные с ее приходом в дом добрые надежды на изобилие, полную

семейную благополучную жизнь, но и пропагандируются добрые взаимоотношения между породнившимися семьями:

Къонакъбыз, сыйлы кёрюгюз – биз сизники,

*Мы гости, примите нас достойно –
мы ваши,*

Къызчыкъ да бизники.

Девушка наша.

Данная тема отражается и в карачаево-балкарских сказках (**жомакъ-ла**). В раздел этого жанра включены как бытовые сказки, сказки о животных, небылицы и анекдоты, так и сказки мифологические, волшебные. Соответственно женские образы этого жанра наделены сверхъестественными способностями, которые помогают им адаптироваться к любым условиям, и спасают в опасных ситуациях. Верность мужу, готовность прийти на помощь, преданность – основные признаки, характеризующие героинь следующих карачаево-балкарских сказок. Женская смекалка и ум являются предметом эстетического осмысления в таких произведениях, как «Акъыллы къыз бла тели жаш» («Умная девушка и глупый парень»), «Акъыллы келин бла жашчыкъла» («Умная сноха и мальчики») и др.

В несказочной народной прозе (жомакъ болмагъан, къара сёз бла айгылгъан халкъ чыгъармала), куда относятся легенды, сказания, предания, притчи и былины, образ женщины также характеризуют мудрость, смекалка. Например, в одном из рассказов говорится о матери двоих детей Зайнап, которая перед смертью попросила мужа беречь детей и жениться второй раз, но не позволять новой жене бить детей голыми руками, а бить только шерстью. Она верила, что бог Апсаты сжалится над сиротами и в семье всегда будет много домашних животных, а дети не будут нуждаться в еде и одежде:

Зайнап акъыллы адам болгъанды.

– Бизни кийимбизни жюн Тейри береди. Биз аны бла ант этебиз. Ол сыйлыды, ашыды. Ол бизни кесини оту бла жылытады. Сен къатын ал, алай эки сабийибизге сакъ бол. Экинчи къатынынъ сабишени жалам къолу бла урмасын – жюн къолу бла урсун. Ол заманда мал Тейриси мал берир, жюню — кийим, эти — аш болур.

Зайнап была умным человеком.

– Нашу одежду дает нам бог шерсти. Мы им клянемся. Шерсть в почете. Своим огнем она нас согревает. Ты женись, но заботься о наших детях. Твоя вторая жена пусть не бьет детей голыми руками – пусть бьет шерстью. Тогда бог животных даст животных, шерсть – одеждой будет, мясо – едой будет.

Сказка содержит в себе глубокий смысл: женщина-мать интуитивно определила и запрограммировала для своего потомства гарант жизнеобеспеченности через созидательный труд.

Пословицы и поговорки, крылатые слова, входящие в состав малых жанров фольклора (**фольклорну гитче жанлары**), представляют собой нравственное и эстетическое выражение опыта этноса. Сжатые, мудрые изречения раскрывают житейскую мудрость и философию народа. Свообразие национального характера через женский образ раскрывается в разделе под названием «Юйдегини юсюнден» («О жене»). Здесь образ

женщины раскрывается во всех своих гранях: дочь, жена, сноха, девушка, бабушка, хозяйка. Культивируется образ матери и женщины в семье:

Анасы сауэга ёксюлюк жетмез.

Атадан ёксюз – бир ёксюз,

Анадан ёксюз – эки ёксюз.

Ата – билек, ана – жүрек.

Иги къатын – эрни къанаты.

Ахиы къатын аман эрни эр этер,

Аман къатын ахиы эрни сер этер.

Тому, у кого жива мама, не грозит сиротство.

Не имеющий отца – единожды сирота,

Не имеющий матери – дважды сирота.

Отец – рука, мать – сердце.

Хорошая жена – крыло мужа.

Хорошая женщина из плохого мужа

сделает хорошего,

Плохая женщина из хорошего мужчины

сделает плохого.

Можно утверждать, что в пословицах и поговорках карачаево-балкарского фольклора отображается сложность и противоречивость бытовой и социальной жизни народа. В них много духовно-практических рекомендаций в адрес женщины, матери, в том числе в вопросах воспитания детей, самообразования.

Баланг юйретгенинге кёре болур.

Билимли тиширыу баиха къарайды,

Билимсиз тиширыу жаиха къарайды.

Каким ребенка воспитаешь, таким он и будет.

Образованная девушка обращает внимание

на голову,

А необразованная – на молодого человека.

Таким образом, обобщенный многовековой жизненный опыт предков балкарцев и карачаевцев в его гендерном аспекте представляет собой ряд конкретных рекомендаций для того, чтобы женщина соответствовала народному идеалу, то есть вобрала положительные, социально оправданные качества и отвергла то, к чему выражено негативное отношение этноса. Фольклор есть культурное наследие народа, а «культурное наследие – более широкое понятие, чем традиция. В нем сохраняется то, что на том или ином этапе было создано в духовной культуре общества».

Литература

1. Карачаево-Балкарский фольклор. Хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996.
2. Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 2000. С. 296.

Елена ГУБАШИЕВА,
к.ф.н., доцент кафедры русской литературы
Института филологии КБГУ

**Космос и Хаос как метамодель мира:
к характеристике сборника стихотворений
кабардинского поэта Хасана Тхазеплова «Колесо жизни»**

В последнее время проблема космизма в критике и литературоведении приобретает особую актуальность. Масштабное философское содержание поэта воплощено в лирической форме. Впервые в кабардинской поэзии явлено космическое видение мира, литературно-художественное понимание Вселенной. О творчестве Хасана Тхазеплова написано немного. Поэт и критик Георгий Яропольский написал предисловие к сборнику стихотворений «Колесо жизни» [3]. Другая работа, посвященная Хасану Тхазеплову, принадлежит доктору филологических наук, профессору Елене Куянцевой [1]. Впервые в литературоведении и критике мы анализируем космическую направленность, созданную в поэзии Хасаном Тхазепловым. Этот аспект абсолютно новый.

Хасан Миседович Тхазеплов вслед за другими поэтами отечественной литературы и в соответствии с общей направленностью русского и восточного космизма выдвигает на первый план человека, а точнее, душу человека, во всех проявлениях его жизнедеятельности. Своеобразие тхазепловского поэтического космоса выражается наиболее ярко в его сборнике стихов «Колесо жизни».

Вселенная, по мнению поэта – извечная загадка бытия: «Я своей душою древней / Путь из вечности творил, / Ежечасно, ежедневно / Собирал тепло светил».

Вселенную можно осмысливать по-разному – лично, поэтически, абстрактно, мистически, религиозно. У каждого подхода есть своя история и свои традиции. В целом же они объединяются в поэтическом творчестве Хасана Тхазеплова в емком понятии космизма. Космизм – не просто знания – донаучные или научные, а, в первую очередь – отношение к Космосу, особое предчувствие Вселенной. Особое отношение и у Хасана Тхазеплова к Космосу: образ божественной гармонии («Душа – Вселенский дух», «Вещественным порядкам все в мирозданье слиты», «И сверкнуло небо огненным добром») сменяется образом пугающего таинственного Космоса («Правда, что я однажды буду иметь причал? / То ли имеет каждый / Общим исходом начал?», «Но бытие между Богом и мною / Тайнство неких незримых причин...», «Так и бродит Чуждое по свету, / Подгоняя каждого к концу...»).

Вместе с жизнью и гармонией этот Космос в лирике поэта несет смерть и разрушения, ассоциируясь с образами тайны, тумана, ночи, страха, тревоги, хаоса («Будто жизнь – непроглядная ночь. / На пути застигает туманом», «Только мучает сердце тревога: / Сердце верит, но чувствует страх», «Рад

Душе, в своем хаосе тайном...»). Красота Души мешается с «непроглядной ночью», перемежается с тревогой и мраком и приобретает грозный, порой зловещий оттенок, заставляет думать о судном дне.

В таинственном и пугающем Космосе Хасана Тхазеплова появляется образ Силы, во многом объясняющий те особенности, которые мы стремились выявить. Это не силы Хаоса. Сила может означать смерть, как, например, в стихотворении «Смерть, как корабль Божий»: «Смерть как корабль Божий, / Души плывут на нем, / Жизнь, как корабль тоже, / Кажущийся сном». Но суть ее в другом. Она в принципе не враждебна человеку. И в то же время: «Кого винить? А может, что винить? / Здесь умысел найти безмерно трудно...».

Образ смерти восходит одновременно к разным источникам, но значение могучей, неукротимой космической стихии мировой жизни остается за ними во всех случаях: «Он мне ужалил сердце / Четким броском змеи, / А попросил погреться / Нежным огнем души», «Как жизнь со смертью может согласиться», «...ясность окутана мглою...», «Я однажды увидел во сне / Пролетавшую пропасть...».

Содержание образа смерти акцентировано указанием на древние религии, мифологии, в которых слиты понятия Бога, Космоса, Смерти, образы Христа, Магомета, Аллаха, древние религии слиты воедино, соединены в один образ. Образ космических сил выступают «и в Незримом и в Судьбе, и в Едином и в Христе».

В контекстах этих произведений небесные Силы олицетворяют начало, покровительствующее человеку. Общий контекст стихотворений Хасана Тхазеплова содержит указание на таинственные и угрожающие силы природы. А небесные силы являются символом скрытой в природе мощи. Ритмы Вселенной вмещают в себя длительность человеческой жизни: «Я создан чудною частицей / Твоих страстей и чувств твоих», «И, наконец, познал я, / Что звездное я дитя», «Я внутри себя увидел / Мириады звезд кругом». Вечные, не совпадающие с человеческой жизнью космические ритмы, вызывают сложную эмоциональную реакцию автора, в которой соединены восторг и сознание своей малости, испуг и ликование. Неумолимая сила движения составляет душу жизни: «Пока снизошло мне на душу горенье. / Пока за волной нарастает прилив, Идут растворенья и новотворенья / И слышится явственно с неба призыв. / И душу вверяя единству движенья, / Я, парусом жизни поднявши любовь, уверовал в доброе...».

«Я золотое сечение звезд...». Это утверждает поэт Хасан Тхазеплов в стихотворении «В пропорциях мира, чудес и надежд...». Мир всегда «исполнен надежд и чудес», питающих человеческий разум и душу. Для поэзии Хасана Тхазеплова небо – одно из важнейших явлений красоты жизни на земле, еще шире – красоты Вселенной. К этой мысли поэт возвращается вновь и вновь. По утверждению поэта, мироздание погружено в тайну и космическое сознание взаимодействует с индивидуумом: «Жизнь, кочуя по Вселенной, / До тебя дошла теперь. Ты – теперь переселенный / В мир людей из тайных сфер». Так говорит Хасан Тхазеплов, проникая взглядом во внутренний мир каждого живого существа, вмеща в созвучия и звуки неба, стремясь понять, разгадать и навсегда запечатлеть в себе их образы. Жизнь поэта – радостное причастие вечному и временному, близкому и

далекому, всем векам и странам, жизни всего бывшего и сущему на этой земле, столь любимой поэтом: «Смотрю на Солнце удивленно: / С каким теплом живет ОНО! И даже птица оживленно / Ввиду светила вьет гнездо. / Оно, мне мысль разогревая, / Дарует силу для любви. / И я порой подозреваю, / Что Солнце есть в моей крови».

Однако счастье, как полагает поэт в стихотворении «Шелест звездный», дается только знающим одушевленный и неодушевленный, злой и прекрасный мир: «...Утром Прелесть вся растает / И начнется сущий Ад. / Где над каждым Зло витает / С нежным стрекотом цикад».

Поэту Хасану Тхазеплову как будто жаль делиться накапливаемыми им сокровищами впечатлений с кем-либо из его героев. Ему словно хочется, чтобы читатель получал эти сокровища прямо из его рук. Если он будет смотреть на действительность чужими глазами, он в силу необходимости будет ограничен и стеснен в отборе ее ценностей, и действительность что-то из них утратит. Тхазепловские описания не окрашены восприятием героев, на них не лежит печать мироощущения действующих лиц: «От души моей игривой / Отражается луна. / В мире тайном, горделивом / Я – как звездная струна». Вряд ли это высказывание его героя, нет, это сравнение «Я – как звездная струна» – сравнение автора, вмещающего в своем сознании весь космос. Мы все время слышим голос автора и смотрим на мир Вселенной сквозь призму авторского восприятия. Лишь кое-где поэт применяет прием «отстранения» (известный прием В. Б. Шкловского), лишь кое-где он освещает мир и людей так, как мог бы увидеть их лирический герой, но это далеко не главная задача автора стихотворений.

Размышляя о творческом процессе, Тхазеплов неизменно подчеркивает, сколь многим он обязан чувственному восприятию мира, мифологической памяти. Его память способна ощущать подсознательное и вместе с тем сознательное, обостренно ощущать Всебытие: «Жизнь пращуров была порочна, / Полна насилия и бед – / Но все по-прежнему непрочно, / Как будто шествуем им вслед».

Излюбленный эпитет Тхазеплова – «тайный»: «Вздохнулось живое из тайного мира» («Пока снизошло мне на душу горенье...»). Это очень характерное для поэта описание. Поэт пытается проникнуть в сокровенные тайны Вселенной, установить общие космические цели и космические начала, раскрыть суть и закономерность тяготения, света, межзвездной среды и, главное, органически вплести их в ткань мирового всеединства: «И в эту тайну беспокойно / Земля глядит и день и ночь – / Как видно, хочет жить достойно / В семье космической, как дочь...» («Колесо жизни»).

«Мне неизвестны тайны свойства / Переходящих в вечность дней...» («Колесо жизни»). «Но бытие между Богом и мною, / Таинство неких незримых причин...» («Сеятель разума нашей Вселенной»). «Ту таинственную веру, / Где добро за силу чтят» («Я пришел, чтобы проверить...»). «И в каждом – свой тайный исход...» («Из круга Единства Вселенной...»). «К нам на землю таинственный отблеск стремится» («Там, снаружи миров...»). «Он мне поведал о тайнах основы, / Что наполняет гармонией жизнь» («Знамению времени я поклонился»). «Тайно рождаются звезды, планеты, / Тайно приходим мы к жизни земли» («Соприкоснулся Я с таинством дали»). «И таинство жизни космической мерой / Нутро озарила, устои круша»

(«Пока снизошло мне на душу горенье»). «И разверзлась бездна мозга, / Где божественный тайник» (Одноименное стихотворение). «И формулы тайных законов взрастил...» («И в малом усвоить хочу бесконечность»). «В мире тайном, горделивом / Я – как звездная струна» («От души моей игривой отражается луна...»). «Козни тайно не плетет» («Шелест звездный в душу шепчет»).

Когда читаешь стихи Хасана Тхазеплова, то кажется, будто бы он распахнул окно, и в этом окне далеко-далеко видно... По мнению поэта, в многоцветье выявляет себя одухотворенная и осмысливающая жизнь человека красота мира. В поэзии Тхазеплова музыка цвета звучит с несравненною силой.

Пытливый взглядом художника Тхазеплов различает светотень. «Разбежался мир кругами, / Обретая тьму и свет» (Одноименное стихотворение); «Энергию Мира я вновь соберу, / Чтоб жизнь над тенью взлетела» («Опять расцветает сон давний во мне»), «...Что барьер не во тьме, / Хотя ясность окутана мглою...» («Пробивая надеждой»); «То там душа родится снова, / То здесь душа погаснет вновь...» («То там звезда родится снова...»); «Видел я в небе то сгустки, то тени, / В душу вливался небесный хорал...» («Знаменью времени я поклонился...»).

Пожалуй, наиболее привлекателен для поэта контраст между светом и тьмой. «Там, где за гранью миров, где не свет и не тьма» («Там, снаружи миров»); «Пробивая надеждой беспросветную тьму, / Собираю Единство Согласия Света» («Там снаружи миров»).

«Где и тьма непроглядная светом лучится» («Там, снаружи миров...»); «Словно Свет со Мраком где-то / За судьбу свою дрались» («Вот и отблеск мыслеформы»); «И теперь не может высший свет... / Пусть в своих грехах он будет тлеть...» («Я взгляну на каждого из вас»); «И будто зло сгущается во мрак... / Зажги, Всевышний, разума маяк» («Ужасный смысл в бессмыслице ужасной»). У поэта усиливается действенность явлений природы: «Ревни! Грехи! Пусть канет все в Хаос», «природа дерзкая бунтует», «слеза и та – посланница бунтарства», «Как это страшно, если / В душу залезет змей», «он мне ужалил сердце / Четким броском змеи», «Между жизнью и землею Сгинь-река со мной течет», «Иль звезды все погаснут / На жизненном пути? / И все миры угаснут...», «Дьявола пляшет свита / Возле небесных врат!», «ликует Лесбос, если воскрес Содом!», «А жаль, что мир устроен так неладно...», «Каждый знает о своем конце», «Ужасный смысл в бессмыслице ужасной!», «в клетки нас затолкали всех давно», «Смерть, как корабль Божий», «Волны Вселенной вливаются болью / И возрастает циклический транс», «Пробежала конница по сердцу», «Разбежался мир кругами, / Обретая тьму и свет», «Над каждым зло летает».

В стихах Тхазеплова природа дерзкая, бунтующая, ревушая, гремящая, течет река Сгинь, миры гаснут, дьявол пляшет, воскресают Лесбос и Содом. Но апокалиптически грозное, буйное, сияющее, грохочущее переплетается у него с будничным, мягким, нежным и тихим. Одно оттеняет другое.

Как много у поэта лунного, звездного, солнечного света, которые вытесняют тяжесть, плотность Космоса и создают легкость и воздушность бытия, столь близкого человеку: «Луч за лучом, шар за шаром – / Звездный мир. А я – в кругу...». В грозном космосе появляется свет, но не

ослепляющий, это не сила Хаоса, а наоборот, свет, означающий жизнь: «И светимостью огромной / Излучая жизнь, как знак. / Содержанием и формой Я – космический маяк!». Свет не враждебен человеку, а выражает идею несоизмеримости масштабов и возможностей мировой жизни с человеческой. Небесный свет олицетворяет начало, покровительствующее человеку: «От души моей игривой / Отражается луна. / В мире тайном, горделивом / Я – как звездная струна».

В стихотворении «Язык у меня не хулитель небесный» образ Света связан с человеческой жизнью и дарят счастье и гармонию с миром. «Все то, что вы слышите шелестом света, / То сердце мое уловило в мирах. / Оно, добротой людскою согрето...».

Губительные силы природы отступают, давая место древним истокам жизни. В этом смещении тьмы человеку открываются Божьи законы: «Видно, проходя миры иные / И вбирая Божескую Суть, – / Собирают все грехи Святые, / Чтобы людям легче стало жить».

В стихотворении «Знаменью времени я поклонился» образ Света связан с христианскими представлениями о грехе: «Он выявлял среди прочих созвездий / Крест, что зовется созвездием Креста, / Что воссиял, точно вестник возмездия / За нарушение заветов Христа». Связь образа с христианским учением носит свободный поэтический характер и не испытывает содержание образа.

Хасан Тхазеплов стремится к тому, чтобы его радость жизни проступала в описаниях. Поэт так чувственно воссоздает красоту мира, что его любовь к нему, тающая в свете, звездах, луне с не меньшей силой передается читателю. Он неохотно обращается к чисто внешним средствам «оживления» природы – она у него и без того живет. Он изредка называет звезды лучистыми, месяц ласковым, землю ласковой, у него свет шелестит, небесный кораблик – атласный, звезды пахнут, звезды живые зреют, звезды серебряные, но это только вспомогательное средство, усиливающее эмоциональный строй стихотворений, это как бы прожилки в драгоценном камне. В космических стихах поэта образ «Божественной гармонии создання» соотносится с образом таинственного Космоса.

Чем больше Хасан Тхазеплов вглядывается в космос, тем больше он вызывает уважение гармонией света и тьмы. Смотрит поэт, прислушивается, и потрясен увиденным. Определенный порядок лежит в основе мироздания, основополагающий факт, аспект восприятия мира поэтом. Мир загадочен, но время откроет чудеса космоса.

Итак, мировая космическая жизнь в лирике Хасана Тхазеплова хотя и внушает страх в силу ее несоизмеримости с жизнью индивидуума и непостижимости его человеческим разумом и несет человеку смерть, но в принципе не исключает определенной гармонии.

Библиография:

1. Куянцева Е. А. Частицы драгоценного добра // Литературная Кабардино-Балкарня, 2009, № 4.
2. Тхазеплов Х. М. Колесо жизни. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 2001.
3. Яропольский Г. Б. Глашатай вселенского братства. В кн.: Хасан Тхазеплов. Колесо жизни. Нальчик: Эльбрус, 2001.

Какие продукты наиболее полезны для человека?

Предлагаем вашему вниманию топ –
10 наиболее полезных продуктов для человеческого организма

1. Коричневый рис

Многие избегают углеводов, потому что от них, по общему мнению, толстеют. Но они очень важны для поддержания энергетического уровня. Не забывайте о продуктах из цельного зерна: коричневом рисе, хлебе и кашах, которые содержат много волокна. Это поможет снизить уровень холестерина, уменьшить риск сердечно-сосудистых заболеваний, рака прямой кишки, камней в желчном пузыре, диабета и ожирения, это также жизненно важно для здоровья кишечника, который с возрастом становится менее активным.

2. Куриные яйца

О куриных яйцах часто отзываются плохо, но они являются источником белка и лютеина, который защищает глаза от катаракты. Исследования дают основание полагать, что они предотвращают образование тромбов, снижая риск инфаркта и инсульта. По данным недавнего исследования, потребление 6 яиц в неделю снижает риск рака молочной железы на 44%. Сегодня диетологи говорят, что 1-2 яйца в день не повышает уровень холестерина, так как организм сам производит холестерин из насыщенных жиров, а не получает его с богатыми холестерином продуктами, к которым относятся яйца.

3. Молоко

С возрастом наша потребность в кальции возрастает, поэтому важно включить в ежедневный рацион богатые кальцием продукты. Обезжиренное коровье молоко очень полезно

для здоровья. Оно богато кальцием, необходимым для костей и профилактики остеопороза. Пейте ежедневно два стакана обезжиренного молока или включите в свой рацион обезжиренные йогурты и богатые кальцием фрукты.

4. Шпинат

В этом продукте больше питательных веществ, чем в любом другом. Это источник железа, витаминов С, А и К и антиоксидантов, помогающих нам защититься от инфаркта и инсульта. Шпинат защищает от рака прямой кишки, остеопороза и артритов. Как и яйца, он богат лютеином, полезным для глаз, так что ешьте на завтрак яйца со шпинатом.

5. Бананы

Всего один желтый плод содержит 467 мг калия, который нужен, чтобы мышцы (особенно сердечная) оставались сильными и здоровыми. Он также помогает снизить артериальное давление. Бананы являются также источником волокна, предотвращающего сердечно-сосудистые заболевания, они нейтрализуют кислоту, так что полезны для лечения изжоги. Добавьте порезанный банан в овсянку или разотрите его в блендере с йогуртом или молоком и небольшим количеством фруктового сока. Источниками калия являются также чечевица, сардины и курага.

6. Курица

Это самое здоровое мясо. Употребляйте грудки, в которых мало жира, и снимайте кожу. Кроме того,

курица богата белками и предотвращает снижение массы костей. Это также источник селена, предотвращающего рак, и витаминов группы В, повышающих уровень энергии и усиливающих работу мозга.

7. Лосось

Данный вид рыбы богат жирами группы ω -3, снижающими уровень холестерина, защищающими от некоторых видов рака и предотвращающими образование тромбов. Исследования показывают, что мясо лосося облегчает депрессивные состояния и предотвращает потерю памяти. Оно содержит никотиновую кислоту, которая, по некоторым данным, защищает от болезни Альцгеймера. Поставьте себе задачу есть свежую или консервированную лососину не реже 3 раз в неделю. Жиры группы ω -3 содержатся также в грецких орехах.

8. Черника

В этом маленьком чуде немного калорий, но масса питательных веществ. Черника содержит антиоксиданты, помогающие предотвратить

катаракту, глаукому, расширение вен, геморрой, язву желудка, сердечно-сосудистые заболевания и рак. Черника помогает уменьшить нарушения деятельности мозга после инсульта и смягчает воспаление пищеварительного тракта, помогая справиться с расстройствами желудка.

9. Травы

С возрастом у нас притупляется чувство вкуса, и легче всего добавить соли, чтобы еда казалась вкуснее. Но соль повышает артериальное давление, и лучше добавлять в пищу травы и специи. Вкус свежих трав сильнее, но ради удобства можно держать на кухне ассортимент сушеных трав.

10. Чеснок

У этой маленькой луковицы есть большие преимущества. Чеснок помогает предотвратить рак и сердечно-сосудистые заболевания, снижает риск инсульта. Он также обладает противовоспалительным действием, помогая уменьшить боль и отеки при артритах. Он полезен и диабетикам. Если вы не выносите его запах, употребляйте чесночные капсулы.

*А вот четыре основных продукта,
которые наносят наибольший вред нашему здоровью*

1. **Сладости** – они заставят вас набрать вес, поскольку в них много калорий, но нет полезных веществ. Ограничьте потребление сахара.

2. **Соль** – она повышает давление. Берегитесь также соли, «спрятанной» в соусах и подливках.

3. **Спиртное** – не пейте больше 2 порций спиртного в день, оно содержит много калорий и мешает организму усваивать витамины. Наиболее здоровый вариант – красное вино.

4. **Насыщенные жиры** – они содержатся в мясе, сыре, куриной коже и мороженом. Они повышают уровень холестерина и способствуют увеличению веса.

Материал подготовила О. Малюга

В номере:

<i>Борис Зумакулов.</i> Командировка на войну. <i>Отрывки из книги</i>	3
<i>Сафарби Хахов.</i> Незаконнорожденный. <i>Главы из повести</i>	14
<i>Борис Кагермазов.</i> Стихи	38
<i>Борис Кудаев.</i> Ошибка Константинова. <i>Главы из повести</i>	40
<i>Афлик Оразаев.</i> Путеводная звезда. <i>Поэма</i>	66
<i>Амир Макоев.</i> Сады Масират. <i>Главы из повести</i>	87
<i>Мухамед Нафедзов.</i> У каждой мечты есть свой способ осуществиться. <i>Рассказ</i>	97
<i>Мусса Байдаев.</i> Стихи	104
<i>Магомед Кучинаев.</i> Пословицы и поговорки – кладезь народной мудрости. <i>Статья</i>	107
<i>Софья Акачиева.</i> «Горькая дорога в рай». <i>Статья</i>	114
Наши юбиляры. <i>Хизир Абитов.</i> Стихи	119
<i>Алий Кульбаев.</i> Жизнь в спорте. <i>Очерк</i>	122
Наши юбиляры. <i>Хурка Дзуева.</i> Стихи	128
<i>Борис Чипчиков.</i> На опушку – за медом, к роднику – за икрой. <i>Рассказ</i>	131
<i>Тенгиз Маржохов.</i> Термос. <i>Рассказ</i>	133
<i>Ирина Богачева.</i> Очерк о Борисе Жерукове	139
<i>Ирина Вольская.</i> Феномен Булатова. <i>Очерк</i>	143
<i>Аслан Ляушев.</i> Стихи	152
<i>Хаути Кумыков.</i> Железный министр. <i>Очерк</i>	155
Памятные даты. Маштай Хамидович Кудаев	162
Страницы памяти. Николай Алиевич Багов	163
<i>Сафарби Бейтуганов.</i> Шора Ногмов, Исмаил Шогенов и позднее христианство в Кабарде. <i>Статья</i>	166
<i>Муталип Беппаев.</i> Мастера балкарской словесности Керим и Кязим. <i>Очерк</i>	169
<i>Хаджи-Мурат Сабанчиев.</i> Эхо 42-го никогда не затихнет в Кабардино-Балкарии. <i>Статья</i>	174
<i>Салих Эфендиев.</i> Мухадин Кишев – художник с мировым именем. <i>Очерк</i>	178
<i>Зухра Гулиева.</i> Женский образ в карачаево-балкарском фольклоре. <i>Статья</i>	180
<i>Елена Губашичева.</i> Космос и Хаос как метамодель мира: к характеристике сборника стихотворений кабардинского поэта Х. Тхазеплова «Колесо жизни». <i>Статья</i>	184
Красота. Здоровье. Жизнь.	189

*Фото на 3 и 4 страницах обложки
Кемала Толгурова и Артура Елканова*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 07-00037 от 12.10.11 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.01.12. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2 150 экз. Заказ № 108. Свободная цена

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5), с приложением копии на электронном носителе и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона), а также – при одобрении редакцией произведения – составляется двухсторонний договор и акт приема-передачи.
